

Тема I. РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ЖИЗНИ

ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Философия — любовь к мудрости; эпоха, схваченная в мыслях; шкала мышления. — Философское мировоззрение и его структурные компоненты. — Основной вопрос, предмет и функции философии. — Нетрадиционные определения философии. — Русские философы о сущности философии.

Философию понимали как **любовь к мудрости**, как «**эпоху, схваченную в мыслях**», ценили за то, что она выступает **школой развития теоретического мышления!** Возможно, первым, кто употребил слово «философ» был Пифагор (2-я пол. VI в.—нач. V в.). Согласно легенде, когда Пифагор пришел в один из греческих городов, то на вопрос владыки этого города, кто он такой, ответил: «Философ, что значит «любомудр». И жадны философы не до славы и наживы, а «до единой только истины». Пифагор сравнивал жизнь с олимпийскими играми, где среди толпы присутствующих можно различить три группы: первые приходят для борьбы, вторые торговать, а третьи, которые мудры, удовлетворяются наблюдением.!

Стремящийся к мудрости должен поступать сообразно природе вещей, следовать всеобщему логосу, понимаемому и как закон, и как слово, и как судьба. Логос в античном мышлении, не оторвавшись от пуповины миротворчества, отождествим с вечным огнем, который, возгораясь и затухая, символизирует собой постоянное движение и изменение. Такая аналогия дает возможноеTM понять глубинное основание философской мудрости, состоящее в том, что поголовное большинство людей видят, слышат, знают и рассуждают обо всем, что происходит в человеческой жизни, но» тем не менее, не постигают подлинную суть вещей, их непреходящую основу.

С понятием мудрости в древнегреческой философии связывался высший идеал знания и поведения. Она открывает человеческому уму вечное, помогает с терпимостью относиться к множеству преходящих, конечных вещей. Именно философская мудрость делает жизнь достойной и самоценной. Однако не всякое знание есть мудрость, и совершенно прав Гераклит, замечая: «Многознание уму не научает, мудрости не прибавляет». Мудрость — это скорее некое счастливое соединение истины и блага, высшего состояния умственного и нравственного совершенства. По мнению Демокрита, из философской мудрости вытекают три способности: «выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать, что следует». Мудрость предполагает соблюдение меры.

Платон уверен, что в области политики мудрец действует так, что на место существующего вредного для граждан наступает такое состояние, которое хорошо для них или кажется им таковым. По определению Аристотеля, философ-мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия страданий. Аристотель оставил нам много наставлений, чтобы мы могли разобраться, на что направлено философия как любовь к мудрости... «Во-первых, философия направлена на выявление первопричин и первооснований, а философ — это тот, кто более способен научить выявлению

причин». Один из мудрейших людей своего времени Цицерон, добившийся известности исключительно благодаря собственным способностям и проведший некоторый срок у кормила государственной власти, так разъяснял суть философии: «Философия (мудрость), как ее определяли древние философы, есть знание божественных и человеческих деяний с точки зрения их причин и сущностей».

И если софисты — «мудрецы за плату» — привлекали всеобщее внимание к интеллектуальным упражнениям в софистических опровержениях и доказательствах и понимали философию как искусство рассуждать, с помощью которого образованный человек всегда может превзойти необразованного, то стоики ставили во главу угла более «прикладные цели» философии, а именно попытки мудрого устройства собственной жизни. Эпикур был уверен, что слова философа должны врачевать страдания человека и изгонять болезни души.

Развитая на Востоке традиция понимания мудрости как состояния отрешенности от «всего», акцентирование того, что мудрец, сак особо посвященный, весьма далек от суеты, с легкостью переводимой им в иные, более возвышенные сферы, делает философию еще более притягательной. Древнегреческий стоицизм также формирует внешний облик философа-мудреца, сохраняющего неизменное спокойствие и безразличие, и сводит мудрость к обретению интеллектуальной невозмутимости, возвышающейся над всеми людскими треволениями.

Портрет философа-мудреца, созерцающего гармонию Истины и Вечности, сотканный из мотивов восточной философии, завораживает. Философ-мудрец ради личной выгоды других не опередит, не ведает бремени вещей, не навлекает на себя неприязнь людей, он свободен от суетных мыслей, он не строит планов и расчетов, он просветлен, хоть и не озабочен чистотой духа, он всем внушает доверие, хотя и не дает обещаний, духовные болезни в него не проникнут.

Европеец сказал бы, что в глаза бросается самодостаточность философа-мудреца, в нем и истина, и покой, и счастье. В нем нет злобы, зависти, страданий. Он равен себе в радости и печали, в нем постоянное ощущение причастности к великой Истине. Он одинаков в опале и славе, не восторгается и не плачет. Утвердившийся таким образом в жизни и называется мудрецом.

Этимологический анализ понятия «мудрость» проясняет его смысловые грани и оттенки. Оказывается, что мудрость имеет родство с понятиями разум, понимание, мысль, может быть отождествима с понятием «благочестивый», с понятиями «радоваться», «сохранять в памяти», а также с понятием «мастерство». От слова «мудрость» происходит «мудрствование», однако последнее в обыденном сознании есть нечто, ему противоположное. Мудрить и мудрствовать означает поступать неразумно, хитрить и выдумывать, делать что-то ненужное. И хоть мудрость и ум понятия, тесно соприкасающиеся, древние считали, что «мудрость не умничают», но появляется, когда «разум осознает, что есть бесконечное число вещей, превышающих его понимание».

Философы эпохи Возрождения вносят отблески ренессансного романтизма в осмысление понятия мудрости. Так, Мишель Монтень уверен, что «отличительный признак мудрости — это

неизменное радостное восприятие жизни ... Она утешает душевные боли, научает сносить с улыбкой болезни и голод, опираясь на вполне осязательные естественные доводы разума... Ее конечная цель — добродетель...».

В Новое время Рене Декарт дает более полный и развернутый ответ на вопрос, что есть философская мудрость. «...Под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это то знание, которое направляет саму жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках». Декарт предлагает различать несколько ступеней мудрости. Первая ступень проявляется в умении использовать ясные понятия, которые могут быть приобретены и без размышления. Вторая — охватывает данные чувственного опыта. Третья — проявляется в учете того, чему учит нас общение с другими людьми. Четвертая — связана со знанием, приобретенным на основе чтения книг с хорошими наставлениями. Самая же возвышенная, пятая, ступень мудрости ведет к отыскиванию первых причин и истинных начал. В мудрости состоит высшее благо человеческой жизни. Философия приводит к необыкновенного рода удовольствию, испытываемому от нахождения многих до сих пор неизвестных истин.

Характеризуя философию как любовь к мудрости, важно понять: ценность мудрости в том, что она, обнимая собой одновременно истину и добродетель, может указать правильный путь и уравновесить сложные взаимоотношения человека с миром, привести в согласие знание и действие. Философия как мудрость служит руководством в выборе линии поведения, она проявляется как определенный образ жизни. Это не только полнота знаний, но и нравственное совершенство, внутренняя целостность духа. Это такое убеждение, в достижении которого участвует вся сущность человека. Коррелирующим признаком мудрости является чувство меры. Интуитивное ее обнаружение открывается как постижение «истины жизни». Необходимым условием мудрости оказывается зрелость. Выливаясь в краткие, лаконичные изречения, философская мудрость сопровождает существование каждого народа, заботливо поддерживая его дом советов и наставлений. В форме древних сказаний, нравственных поучений, житейского благоразумия она переходит от поколения к поколению, облегчая жизненный путь каждого.

Как говорил русский философ В.Соловьев: «Задача философа узнать то, что есть, так, как оно есть». Отсюда ясно, что долг философа — живо интересоваться событиями современности, разбираться в неоднозначности и многомерности ситуаций, мыслью, словом и мудрым советом прояснять, а не затемнять суть происходящего! Основным требованием к философии становится императив — понять действительность. Поэтому о философии говорят, что она — **эпоха, схваченная в мыслях**, духовная квинтэссенция своего времени. И это во многом справедливо. Из такого определения философии следует ее эпохальное предназначение — быть рупором своего времени, откликаться на духовно-исторические сдвиги и преобразования, чутко реагировать на смену исторических декораций. В таком преломлении связь философии с жизнью очевидна. Ибо

воссоздание правдивого портрета эпохи кладет конец спекулятивному, умозрительному конструированию схем и предначертаний будущего, ведет к постижению смысла и сути бытия.

Философ — труженик на поле рефлексии. В нем выкристаллизовываются мысли и чаяния общества, в котором он живет. Сама душа эпохи глаголет в произведениях великих: Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Декарта, Гегеля, Маркса и др. Философы современности К.Ясперс, М.Хайдеггер, Э.Фромм сокрушаются над пугающими тенденциями обезличивания и унифицирования личности, предостерегают против повсеместно обнаруживающихся симптомов духовного опустошения и гипертрофии рассудочности. Иллюзии линейного прогресса разрушались. Многовариантность хода событий постоянно воспроизводит ситуацию социального и личностного выбора. Современная эпоха по скорости и динамичности преобразований не знает себе равных. Вспоминая веко-исчисление В.Розанова, который назвал век XVIII сатиричным, XIX — патетичным, можно заключить: век XX — катастрофичен. Мощные социальные катаклизмы, потрясшие до основания весь жизненный уклад, сложились в оценочные формулы — «век сумерек», «заката» и «конца». Появляются книги с симптоматичными названиями: «Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века», «Конец истории». Методологи осмысливают теорию хаосомного иррегулярного развития, так называемого направленного беспорядка. Неравновесный, нестабильный мир — к таковой оценке современности приходит лауреат Нобелевской премии, основоположник Брюссельской школы И.Пригожий. Крах устоявшихся режимов, угроза ядерной войны и экологической катастрофы, терроризм и этническое противостояние резко обострили процессы хаотизации, поглотили желаемую упорядоченность, стали явью нашей жизни.

Философия в своем предназначении быть квинтэссенцией эпохи, центром всей духовной культуры помогает создать устойчивую систему координат, указывает на непреходящую гуманистическую систему ценностей, выявляет и разъясняет жестокие уроки времени, укрепляет веру в разум.. Подвижным кризисным умонастроениям и ситуационно-историческим переживаниям событий философия противопоставляет позицию духовной выдержки и трезвого анализа. Для философа не существует явления, которому он побоялся бы взглянуть в лицо. Поэтому вывод: «Философы должны стоять у власти» с завидным постоянством воспроизводится во все времена и эпохи. Еще Платон утверждал: «Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать, и это не сольется воедино — государственная власть и философия... до тех пор... государство не избавится от зол».

В поэтической интуиции Боэция философия является в образе Богини, держащей в правой руке книги, а в левой — скипетр. Эти символы не случайны. Философия не только учит, она мудро правит миром, на это указывает скипетр. Образ Премудрости-управительницы характерен для всей христианской традиции. Примечательно, что в Новое время французский ученый Р.Декарт настоятельно обосновывал следующую зависимость: «...Каждый народ тем более гражданственен и

образован, чем лучше в нем философствуют, поэтому нет, для государства большего блага, как иметь истинных философов. Английский философ Д.Юм с не меньшей убедительностью доказывал, что на основании отношения к философии можно ставить диагноз нации. Верным признаком ограниченности нации, по мнению мыслителя, можно считать положение, когда отсутствует вкус к философии, к этому благороднейшему из занятий.

Философия выступает **как школа мысли**. Начинается эта школа там, где кончается стереотипное мышление, где само собой разумеющееся вызывает сомнение и удивляет. Как только человек начинает ломать голову над смысложизненными вопросами, которые в устах Иммануила Канта звучат так: «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что я могу надеяться?», «что такое человек?» — он сразу же попадает в плен к философии, в сферу философского постижения бытия. Воистину прав английский философ XVII в. Томас Гоббс, утверждая: «Философия есть дочь твоего мышления. живет в тебе самом». Она внутренне присуща каждому. Ибо ни с ному из смертных нельзя отказать в праве размышлять о смысле жизни, свободе, справедливости и бессмертии.

И хоть право и способность суждения не есть привилегия одних лишь мыслителей (ведь судит и размышляет всякий и повсеместно, образованный и необразованный, умный и глупый, юный и зрелый, во время досуга и на работе, в подъезде и в парламенте), последовательная, аргументированная цепочка рассуждений и доводов, правильный метод в поисках истины дается не каждому. Тот, кто судит, обязан отвечать за свои суждения. Именно система верного суждения лежит в основе человеческой культуры. Жизнь полна противоречий. Человек и человечество никогда не будут свободны от оценки происходящего. В условиях экстремального напряжения, в критических ситуациях отсутствие школы мысли граничит с победой истерики над анализом, ненависти над благоразумием. Отсутствие культивированных форм мышления приводит к тому, что процветает бессмыслица, утилитарная примитивность, неразумие, которые приносят много вреда всюду, где обнаруживают свое буйство.

Искусство оперировать понятиями, категориями и принципами, судить обоснованно и аргументировано — отнюдь не прирожденное качество. Оно не образуется вместе с обыденным сознанием, а требует развитого критического мышления поисковых интеллектуальных упражнений. Значимость формирования высокой культуры мышления очень велика. В Древней Индии форма передачи навыка получила название Упанишады (от санскр. ура — рядом и sad — сидеть с учителем). Ученику открывается знание (веда) только при условии его постоянного нахождения рядом с учителем, при условии реализации принципа «делай, как я». Учитель учит отделять главное от второстепенного, находить за множеством бросающихся в глаза признаков ускользающую от взора сущность, входя в мир единичных событий и конкретных ситуаций, обнаруживать их связующую основу и порождающую причину.

Весьма показательна система обучения в Пифагорейском союзе. Для того чтобы развить интеллект и теоретическое мышление обучаемых, учитель пользовался иносказательным языком,

языком «акусм» — намекающих загадок, отвращая взор учеников от чувственных представлений и эмпирического содержания. На этой первой степени обучения — акусматической (от акусма — слышимое), ученики молча слушали учителя. На второй, математической, они приступали к освоению операции логического расчленения и теоретического умозрения, сохраняя тем не менее дистанцию по отношению к фактическим конкретным ситуациям. Только отстраняясь от сиюминутных впечатлений, так называемой «грешной эмпирии», можно было, по мнению пифагорейцев, приблизиться к умопостигаемой сути бытия.

Философия как особая сфера поиска сущего, исследование основ и первопринципов в отличие от обыденного мышления, выступающего «не, в форме мысли, а в форме чувства, созерцания и представления», должна быть познанием в понятиях и категориях. Категории — это предельно общие понятия, обладающие статусом всеобщности и необходимости. Искусство оперирования понятиями предполагает установление необходимых связей и причинных зависимостей, упорядочивание хаотически случайного потока жизненных впечатлений. Воспитание силы суждения предполагает концентрацию внимания, сосредоточенность на предмете. Мышление интенционально, направлено на предмет. Оно добывает суждение, соответственно понятию природы предмета, адекватное смыслу события. И только тот, кто может воспринять предмет во многообразии его свойств и качеств, получает надежду, что последний заговорит о себе устами высказывающегося. Подобно тому, как повара и врачи своим искусством способствуют установлению порядка и слаженности в теле человека, философы воздействуют на души людей, устанавливая в них порядок.

Философия утверждает свое высокое назначение — обеспечивать свободу человеческого духа. Стремление к самостоятельному поиску, которое во все времена отличало философию, не может позволить ей превратиться в собрание застывших догм. Целостность философии состоит в сочетании знания и нравственного помысла. Свободная философская мысль не обещает однозначные ответы на сиюминутные вопросы, не сулит чудесной формулы, дарующей истину в последней инстанции. «Философское вопрошание» обеспечивает постоянную свободу и независимость мышления, угрожает идеологии тоталитарных режимов и религиозному фанатизму

Философское мировоззрение и его структурные компоненты. Достаточно часто философию определяют как систему воззрений, которая должна найти себе подтверждение в жизненном опыте и проявить себя в реальных науках. И действительно, именно в том, что философия есть рациональное, научно обоснованное мировоззрение, усматривают ее сущность многие исследователи. Но если суть философии в том, что она есть мировоззрение, то как следует понимать последнее?

Мировоззрение традиционно понимается как система взглядов на мир в целом. При этом понятие «мир в целом» включает в себя мир сущего и должного, и Землю, и Вселенную, и известные из физики микро-, макро- и мегамиры. Освальд Шпенглер, например, предлагает взглянуть на «мир — как — историю». Его противоположность составляет «мир — как — природа». Можно еще

увидеть «мир как действительность», который включает в себя «Я — как — возможность».

«Мир в целом» не мыслится как нечто завершенное, в котором все давно уже известно и пережито; если бы это было так, то к чему же тогда мои желания и стремления, да и я сам, готовый начать все сызнова? Мир — это вечно длящаяся, становящаяся и изменяющаяся бесконечность, открытая и неравновесная система.

Взгляды или воззрения на мир в целом, которые в приведенном определении выступают в роли ключевого понятия, по их смысловой нагруженности есть нечто большее, нежели просто информация, нейтральная осведомленность либо безличные сведения. Это и видение, и понимание, и отношение, и оценка — т.е. некий синтез, включающий в себя обобщенный образ реальности, помноженный на знание и позицию личности. При их формировании осуществляется некий отбор представлений, приоритетов и предпочтений. Когда взгляды сформированы под воздействием сложившихся норм, эталонов и стереотипов, нивелирующих своеобразие индивидуального видения мира, такая «система взглядов» предстает как казенное или официально-идеологическое образование, весьма далекое от мироощущения индивида. В нем личностный элемент оттеснен на второй план, хотя по логике вещей мировоззрение связано именно с личностно значимым способом мировосприятия.

Следует заметить, что мировоззрение бывает не только философским, но и религиозным, мифологическим, обыденным, научным, прогрессивным или регрессивным. В чем же специфика собственно философского мировоззрения, т.е. мировоззрения, понятого в самом широком смысле слова? Хотелось бы думать, что философское мировоззрение представлено стройной, научно обоснованной совокупностью воззрений, определяющих жизненные позиции, программы поведения действия людей. От религиозной формы оно отличается тем, что строит общую картину мира посредством понятий, теорий, логических аргументов и доказательств, в то время как для религии характерен примат веры над разумом, логическая недоказуемость «догматов».

Одним из наиболее важных структурных компонентов философского мировоззрения становится устойчивая научная картина мира. Она ответственна за достоверность предлагаемых знаний о закономерностях развития мира, задает ориентиры научных изысканий. В нее вписываются основные результаты научных исследований.

Но именно потому, что философия есть нечто большее, чем знание причин и отражение закономерностей развития, а сам мир — это не лишенный смысла анонимный процесс, а арена нашей жизнедеятельности, сфера, где субъект может жить и творить, преследуя свои цели, сугубо важен деятельностный аспект мировоззрения. По утверждению М.Хайдеггера, именно потому, что слово «мировоззрение» легко перетолковать в том смысле, будто речь идет о бездеятельном разглядывании мира, уже в XIX в. начали справедливо подчеркивать, что мировоззренческая позиция означает в первую очередь жизненную позицию. Слово «мировоззрение» предполагает появление человека среди сущего в качестве субъекта, который поднял свою жизнь до командного положения, всеобщей

точки отсчета, который распознает меру и предписывает норму. Одновременно он вовлечен в жизненный процесс, соотнесен с ним и переживает его.

Не следует сбрасывать со счетов историчность мировоззрения, подчеркивающую конкретно-историческое видение мира и связанную с тем, что каждый человек рождается и бытийствует в определенное историческое время в определенном историческом месте. Он помещен в лоно культурно-исторической традиции и во многом обусловлен приоритетами своей эпохи. Внимательный взор может прочесть в поступке и поведенческих реакциях каждого человека автограф духовной атмосферы своего века.

Философское мировоззрение включает в себя и характерологические особенности этноса. Жизнь любого народа сопряжена с определенными идеалами и специфическими для его национальных предпочтений ориентациями. Названия «греческая философия», «немецкая философия» или «русская философия» не преследуют сугубо географической цели. Они свидетельствуют об особенностях интеллектуального освоения мира, о стараниях национальной мысли овладеть измерениями универсума. Поэтому мировоззрение правомерно определять как проекцию человеческой жизнедеятельности на ось исторического времени.

К структурным компонентам мировоззрения помимо устойчивой картины мира относится также оценка жизни, опирающаяся на систему идеалов, и целеполагающая идея, ориентирующаяся на систему ценностей. Понимаемый таким образом мир, состоящий как бы из трех царств — действительности, ценности и смысла, — и есть основание философского мировоззрения.

В мировоззрении следует различать его интеллектуальную и эмоциональную составляющие. Интеллектуальная компонента мировоззрения охватывается понятием миропонимание. Последнее достаточно устойчиво, так как включает в себя систему точных знаний о мире: законы, теории, принципы, регулятивы.

Эмоциональная составляющая мировоззрения отражена понятиями «мироощущение» и «мировосприятие». Мироощущение является самым первоначальным элементом, соединяющим субъект (человека) и объект (мир). Мироощущение свидетельствует о непосредственно чувственном контакте человека и мира. Оно представляет собой как бы превращение «энергии внешнего раздражителя в факт сознания». Это тот мостик, благодаря которому данности окружающего мира проникают в человеческую субъективность. Мироощущение достаточно динамично, представлено многообразием и перепадом чувств и настроений.

Мировосприятие предполагает целостное отражение ситуации, событий в виде наглядных образов и представлений. Оно обеспечивает чувственную ориентировку человека в окружающем мире и очень зависимо от мотивационной сферы. Мировосприятие может наполнять себя из разных источников: это впечатления от природы, произведений искусства, сферы общения, языковой среды, непосредственной жизнедеятельности. Мировосприятие имеет аффективную эмоциональную окраску и может быть в той или иной степени пристрастным.

В отличие от миропонимания мироощущение и мировосприятие достаточно подвижные образования. Чувства тревоги, неуверенности и подавленности при достижении поставленной цели могут достаточно быстро перейти в ощущения радостного и оптимистичного настроения. Многочисленные вариации в мироощущении и мировосприятии возможны вследствие того, что в этих структурах отражается качественное многообразие мира, помноженное на своеобразие и уникальность субъекта восприятия. Так, мировосприятие молодого человека иное, чем у старого. У больного оно весьма отлично от восприятия здорового. Одно и то же событие принимает тот или иной вид в зависимости от многих обстоятельств: от особенностей индивидуальной психики, темперамента, склада характера, обычаев, нравов, предрассудков. Меланхолик видит трагедию там, где сангвиник усматривает просто происшествие, а флегматик — ничего не значащий эпизод. На мировосприятие оказывает свое влияние также тип национальной культуры, особенности этноса и социокультурные различия.

Результативной составляющей мировоззрения является комплекс убеждений, а затем поступков и действий субъекта. Мировоззрение оказывается фоном и основой человека и человечества. Оно дает о себе знать не только в духовной сфере, но и в практической жизнедеятельности. У И.Канта есть понятие «гражданин мира». Однако оно означает отнюдь не единомыслие, а причастность ко всеобщему порядку мироздания, возможность объединения и узнавания себя в другом. Оно выступает определенной гарантией постоянства собственного Я, его самоидентификации.

Мировоззрение можно представить как многоуровневое образование, в котором наличествует житейское, обыденное мировоззрение с его рационально-иррациональными элементами, рассудком и предрассудками, мифологическое, религиозное, художественное, политическое, научное мировоззрения и пр. Однако вход один и логика миропостижения напоминает собой не широкую лестницу с табличками на каждом этаже, а скорее запутанный лабиринт мироориентаций.

И если теоретический уровень мировоззрения тесно связан с научной картиной мира и предполагает освоение определенной системы законов, знаний и принципов, то на практическом, как правило, стихийно формирующемся уровне мировоззрения огромную роль играет обобщение наиболее типичных представлений о жизни в повседневных ситуациях, впитывание свойственных данной среде навыков, форм взаимодействий и привычек. Носитель обыденного мировоззрения, обобщая наиболее типичные для своей среды стереотипы мироотношения, кодирует их в определенную рецептуру действий и сплав убеждений, изменить которые нелегко. Однако не всегда следует трактовать обыденное и повседневное мировоззрение как ущербное. Еще Платон в диалоге «Теэтет» показывал, как справедливо молодая служанка посмеялась над мудрым философом Фалесом, который засмотрелся на небесные светила и упал в колодезь. Таким образом, обыденное мировоззрение, мировоззрение повседневности, хотя и представляет собой наиболее элементарный способ мироотношения, не лишено достаточной меры здравомыслия. Вместе с тем оно весьма прогнозируемо, так как инерционно и трудно манипулируемо в русле эклектичной

«постмодернистской чувствительности». Селянин в своих взглядах на жизнь всегда будет отличаться от урбаниста-горожанина, а работник сферы торговли—от представителя духовенства. Каждодневный способ их поведения и самореализации будет насквозь пронизан мировоззренческими ориентациями и стереотипами, свойственными данной общности. Хуже, когда человек не поднимается до осознания своего мировоззрения, а живет, ориентируясь на мимолетность настроений, в потоке, в массе, в толпе. Великий гуманист А.Швейцер, упрекая нашего современника в его резко ослабленной потребности мыслить, не без горечи замечает: «... Современный человек — явление патологическое. ...Подобно безродным и никогда не трезвеющим наемникам, мы бредем без мировоззрения во все более ощущаемом мраке жизни, готовые одинаково преданно служить и возвышенному и низкому». Пагубность безмировоззренческого состояния велика. Когда нет определенных планов на будущее, принципов действия в настоящем и идеалов, пронизывающих ткань прошлого и грядущего, человек находится в состоянии бездумия, а на место мировоззрения приходят неосознанные импульсы, непредсказуемые порывы и действия. Основным смыслом подлинного мировоззрения состоит в переходе от неосмысленного бытия к осмысленному, в нахождении той степени разумности, которая освещает жизнь и мир жизнеутверждающим светом.

Поскольку философия претендует на выражение фундаментальных принципов бытия и мышления, она является духовной основой всех форм осмысления мира. Можно сказать, что современная систематическая философия — это высший уровень мировоззрения.

Основной вопрос, предмет и функции философии. Задаваясь целью — определить основной вопрос философии, на ум приходят слова Ф.Энгельса из его известной работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», где в начале второй главы можно найти такую формулировку: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей философии есть вопрос об отношении мышления к бытию». «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете так или иначе признавали сотворение мира, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к разным школам материализма». Энгельс использует именно данные термины — «отношение мышления к бытию», «духа к природе», разделяя традиции немецкой классической философии. Хотя ряд синонимичных с ними понятий, как, например, «отношение сознания и материи», «субъекта и объекта», «человека и мира», «идеального и материального», «психического и физического», по сути своей также передают содержание и структуру основного вопроса философии.

Как правило, в структуре основного вопроса философии выделяют две стороны. Вопрос о том, что является первичным, дух или природа, составляет онтологическую (бытийственную) сторону основного вопроса философии. Вопрос о познаваемости мира, о том, «в состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности» (на, философском языке этот вопрос

называется вопросом о тождестве мышления и бытия) — представляет гносеологическую сторону.

Вопрос об отношении мышления к бытию, который именуется как «высший», «великий», «основной», возвышается над всей философской проблематикой. Ибо, в конечном счете, согласно его решению проводится не только деление философии на два философских лагеря, но и сама отнесенность по ведомству философии, принадлежность к ряду философских дисциплин. Как только естествовед, представитель конкретно-научного знания начинает задумываться над бытийственными проблемами, над своим отношением к сфере собственных изысканий, он сразу же вступает в область философии, в частности в раздел, именуемый «философские проблемы естествознания». Основным вопросом философии, таким образом, несет двойную нагрузку. В вопросе: «Что первично?» — он выявляет основание для разграничения материализма и идеализма. Самим фактом размышления над проблемой соотношения мышления и бытия он позволяет отличать философские науки от прочих наук: физики, химии, математики, непосредственно отношением мышления и бытия не занимающимися, а исследующими свои специфические и конкретные срезы реальности. Но когда философия анализирует, как же соотносятся мышление человека и его бытие, она выделяет многообразие оттенков этого взаимодействия. Взаимоотображение в системе «человек — мир», «мышление — бытие» может быть представлено гносеологическими, аксеологическими, эстетическими, этическими и прочими отношениями.

Каково же соотношение основного вопроса и предмета философии? Мысль о том, что предмет философии на протяжении всего периода ее развития непрерывно изменялся, а основной вопрос оставался неизменным, не лишена реальных оснований. Проблематика философии, понимаемая как ее предметность, варьируется на протяжении всего исторического развития. В совокупности философских дисциплин: онтология, гносеология, логика, этика, эстетика, история философии, — каждая из них имеет свой специфический предмет и вместе они составляют структуру философского знания. Поэтому определить предмет философии можно, лишь оперируя абстракциями высокой степени общности. В этом смысле утверждение, что предметом философии является всеобщее в системе отношений «мир — человек», отвечает названным требованиям.

Еще Аристотель утверждал, что «частей философии столько сколько есть видов сущностей, так что одна из них необходим должна быть первой и какая-то последней. Ибо сущее (единое) непосредственно делится на роды, а потому этим родам будут соответствовать и науки». Философия заинтересована в выявлении их сущности первых причин и начал, в анализе с точки зрения того или иного отношения в качестве призмы видения мира (например, с точки зрения гармонии, красоты, соразмерности; определяет ту или иную философскую дисциплину (в данном случае эстетику). Отношение к миру с точки зрения выявления возможностей и закономерностей его познания рождает гносеологию — теорию познания. Когда система «человек — мир» преломляется сквозь призму отношений власти, мы вступаем в лоно философии политики. А если сердцевиной отношений оказываются нравственные регулятивы — вы в сфере этики. Если мышление занято рефлексией над

обществом, динамикой его развития и функционирования — дает о себе знать сфера социальной философии или социологии. Все эти философские дисциплины выводимы из структуры основного вопроса философии.

Философия, понимаемая как «форма общественного сознания, направленная на выработку целостного взгляда на мир и на место в нем человека», выполняет мировоззренческую и методологическую функции, которые не берут на себя отдельные специальные науки.

Мировоззренческая функция философии связана с осознанием мира как объекта практических интересов, целей и действий субъекта, формированием основных жизненных позиций, убеждений и идеалов людей. Мировоззренческая функция реализуется на двух уровнях: логико-рассудочном (понятийном, категориальном) и эмоционально-образном (представленном, ассоциативном).

Методологическая функция философии проявляется в обеспечении научного и социального познания выверенными и апробированными правилами, нормами и методами действия. Это совокупность способов деятельности и требований к мыслящему субъекту. Методология понимается как система познавательных средств, процедур, принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, а также как учение об этой системе. Предполагается, что методолог знает «тайну» метода, обладает технологией мышления и может регулировать познавательный процесс с учетом современного уровня знаний. Выделяют два уровня методологии. Первый — инструментальный. Здесь формируются требования, которые обеспечивают протекание мыслительных и практических операций, определяется не содержание, а ход мысли и действия. Второй — конструктивный, направленный на приращение знания, получение нового содержания.

Нетрадиционные определения философии. Если признать философию наиболее систематизированным, максимально рационализированным мировоззрением своей эпохи, то в такое определение не впишутся многие направления мировой философии, такие, как экзистенциализм, философия жизни, иррационализм и пр., такими характеристиками не обладающие. Пытаясь охватить единой дефиницией все многообразие философских направлений, придется пожертвовать строгостью определения, стать на почву нетрадиционных определений философии, согласиться с мнением, что «философия есть размышление о вещах *sub specie* (с точки зрения) «Всего». «Все» — всеобщее (всеобщие принципы, всеобщие закономерности, общечеловеческие идеалы) есть основное понятие философии, оно явное или неявное подлежащее всех философских суждений. Вспомнить хотя бы гераклитовское «все течет», парменидовское «все едино» и то, что с древних пор и на протяжении череды столетий философия живет в непрестанном усилии опознать и выявить Сущее.

Отечественный философ М.Мамардашвили определял философию как «сознание вслух, явленное сознание». Процесс философской работы — работы думания — является частью жизни сознания, о философии можно говорить как об особом акте осмысления мира и себя в нем.

Другой известный отечественный философ В.Библер на вопрос: «Что есть философия?» уверенно отвечает, что «философия — есть культура размышлений о возможности помыслить начало

бытия (в его абсолютной всеобщности)». Исток философии видится в соотнесении: сознание — мысль, в сознании осознается событие (совместное бытие) Я и мира, единого и многого. Моральность и нравственные устремления философии обнаруживаются вследствие того, что осознание бытия ведет за собой ответственность за свое бытие, за свою мысль перед людьми, перед самим собой.

С конкретными формулировками смысла и назначения философии выступает выдающийся немецкий философ Карл Ясперс. «Философия содержит притязания обрести смысл жизни поверх всех целей в мире — явить смысл, охватывающий эти цели, — осуществить, как бы пересекая жизнь, этот смысл в настоящем — служить посредством настоящего одновременно и будущему — никогда не низводить какого-либо человека или человека вообще до средства». «Постоянная задача философствования, по его мнению, — стать подлинным человеком посредством понимания бытия; или, что то же самое, стать самим собой...»

Этим выводам К.Ясперса созвучен очень глубокий тезис Б.Рассела, который в полной мере может быть прочувствован лишь в катастрофический канун XXI в. «Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, — это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею».

Русские философы о сущности философии. Отечественная философская школа всегда отличалась ярким своеобразием и оригинальностью. Она не могла в равной степени, как западная, опереться на го мира. Византийское православие, принесшее с собой утверждение новых ценностей, не смогло достичь полного языческих верований. В мировоззренческом ареале сложно переплетались токи и влияния многих культурных традиций. Центральное положение отводилось теологической направленности, вместе с тем устойчивыми оказывались и традиции внецерковного движения мысли.

Исследователи обращают внимание на то, что религиозная нетерпимость между восточной и западной церквями на протяжении нескольких столетий отгораживала Россию от стран Западной Европы. Затяжной характер крепостничества и самодержавия наложил свой отпечаток на весь строй мировоззрения. Изменения были ощутимы лишь с началом петровских преобразований. По определению одного из известных историков философии В.Зеньковского, самостоятельное творчество в области русской философии наблюдается лишь во второй половине XVIII в.

Ярко отличительной особенностью всей русской философии являлось убеждение в непосредственном постижении реальности или интуитивизм. Другой особенностью оказалось то, что развитие профессиональной философии производилось отнюдь не дипломированными мыслителями, а страстно заинтересованными любителями. Так, православным богословом России становится конногвардейский офицер и помещик *А.Хомяков* (1804—1860). А первым замечательным русским историком философии — офицер лейб-гусарского полка *П. Чаадаев* (1794—1856). Такое положение не могло быть понятно Западу, где богословская мысль развивается иерархиями церкви и профессорами

богословских школ. И тем не менее именно Хомякова в славянофильской среде называли «отцом церкви». В его учении вера составляет основу способности непосредственно познавать подлинное живое бытие. Соединенный с верой разум возвышается над отдельным мнением и мышлением, преобразуясь в цельное соборное сознание.

Направленность на поиск цельного знания о цельном бытии явно ощущается и в трудах *В.Соловьева* (1853—1900). Вопрос: «Что есть философия?» — по мнению В.Соловьева — предполагает следующие рассуждения. Философия — это дело свободной мысли, а чисто философская деятельность ума состоит в том, чтобы все проверять или ко всему примерять мерило критической мысли. Теоретическая философия направлена на то, чтобы обладать истиной ради нее самой. Настоящее философское мышление должно быть добросовестным исканием достоверной истины до конца.

Но если В. Соловьев акцентирует именно рациональную направленность философии, то русский философ *И.Ильин* (1882—1954) уверен, что философия — это душевно-духовное делание. Она должна отказаться от выдумывания «философских систем», ибо истинное бытие может оказаться бесконечно глубже, живее, обширнее и богаче, чем выдумываемые нами «системочки». «Философия должна стать убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности». «Философ призван переживать свой предмет. А предмет философии раскрывается в переживании состояния очевидности. Путь, который предлагает мыслитель, состоит в следующем: «...Сначала быть, потом — действовать и лишь затем из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания — философствовать».

Для *Н.Бердяева* (1874—1948) философия есть прежде всего учение о смысле человеческого существования и о человеческой судьбе. Философская мудрость становится делом непосредственного личностного спасения. Если метафизика возможна, то она должна стать знанием о жизни, о конкретной реальности, о человеке и его судьбе. Поэтому основным принципом философии, по мнению Бердяева, становится бытийственно жизненный принцип. Бердяеву, как никому другому, удалось постигнуть изначальные условия философствования и показать, что философия не может начаться в ситуации с выключенное™ философа из бытия. Познание начинается как бы изнутри, «изначальная сопричастность философа тайне бытия только и делает возможным познание бытия».

В век научно-технического прогресса и доминирования сциентистских ориентации особую значимость приобретает замечание мыслителя о том, что философия не есть духовный акт, в котором задействован только интеллект, но совокупность духовных сил человека, его эмоциональное и волящее существо. Познавая бытие в человеке и через человека, философия оказывается неизбежно антропологичной, в ней человек, так же как и у античного мыслителя Протагора, мыслится мерой всех вещей. Настоящая философия, которой действительно что-то открывается, есть не та, которая исследует объекты, а та, которая мучится смыслом жизни и личной судьбы.

Засилие сложных конструкций, мудреные кружева диалектики понятий зачастую уводят в сферы чистой спекуляции. В этом одна из возможных причин пренебрежительного отношения к философии. Когда философ будет руководствоваться стремлением, не порывая с мудростью, быть связанным с целостностью жизни, когда он намерен не отвлекаться от человеческих судеб, а глубоко проникать в них, тогда он станет выразителем подлинной сущности философии.

Русская философия не может представить себе философское размышление вне страдания и прозрения, вне служения ее величеству Истине. Русская философия потому и трудна в интерпретации, что включает в себя двойственные ориентации: сакральность и безбожие, мистическое и рационалистическое, тоталитарное и анархическое, европоцентристское и почвенническое, созидательное и разрушительное и др. Очень часто исконные философские размышления вплетены в контекст литературных произведений и обитают среди фельетонов, писем, критических статей и памфлетов. Русская художественная литература выступает от имени русской философии. Так, Гоголь, Толстой, Достоевский с полным правом могут быть отнесены к плеяде русских философов, изображающих сей подлунный мир и страждущего в нем человека. Л.Толстой, развивая идею нравственного прогресса в сознании человека, настаивал на тезисе: «Царство Божье внутри нас». Следовательно, онтологически-космологическое, а также метафизически-теологическое истолкование Бога заменялось глубинно личностным и гуманистически-ценностным пониманием смысла жизни.

Ф. Достоевский талантливо описал, как отпущенный на свободу, восставший и выпавший из-под закона человек объявляет своеволие, теряет почву под ногами и переходит в иное измерение бытия — жизнь в беспределе. Метафизическая истерия души, ее склонность к одержимости и беснованию подобна опустошай смертоносным вихрям. Один из героев «Записок из подполья» Достоевского выражает исконное негодование русского: «И отчего это взяли все эти мудрецы, что человеку надобно какого-то нормального, какого-то добровольного хотения. С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотения, чтобы это ни стоило и к чему бы ни привело». Но этот роковой путь от произвола к безграничному деспотизму, когда видимость свободы заключает в себе насилие, также выражен Достоевским пророчествами, вложенными в уста старца Зосимы: «Мыслят устроиться справедливо, но кончат тем, что зальют мир кровью...»

Тайны бурлящего потока русской истории становятся внутренними переживаниями человека, отражаются бурлением его духовных страстей. Д.Мережковский назовет такой всечувствующей стихией «плоть» человека, все улавливающей и все усваивающей. Ибо именно плоть включает в себя и космос, и землю, и мир, и пол, и всю культуру с науками и искусствами. Откровения плоти оказываются всеземными откровениями.

Все эти разноликие толкования русской философии оформились и примирились на идее всеединства, предполагающей всеохватывающий синтез как со стороны жизни, так и со стороны

мысли. В нем непосредственные жизненные переживания отливались в единую цельную теорию. Гносеологический аспект идеи всеединства проявляется утверждением цельного знания. Цельность предполагает органичное объединение трех разновидностей знания: научного (философского), эмпирического (научного) и мистического (созерцательно-религиозного). Таким образом, русская философия предлагала весьма оригинальный проект гносеологии, который ждет своего исполнения и по сей день.

В лице *С. Франка* (1877—1950) русская философия приходит к окончательной формулировке вывода о том, что возможность истинного обладания реальностью состоит в непосредственном переживании полноты самобытия. Единством переживаемого и переживающего достигается «идеал жизнечувствия». Намек же на реальность такого внутренне удовлетворяющего нас единства, т.е. идеала, мы получаем в явлениях красоты. Прекрасное отличимо сразу как самодовлеющая ценность и значительность. В его лице мы внутренне примирены с бытием. Поэтому мечта о конечном преображении мира, согласно философии < Франка, есть мечта о всецелом торжестве красоты в нем.

Однако сама постановка типично русского вопроса: «Что делать?», «Что делать мне и другим, чтобы спасти мир и оправдать свое существование?» — отвергает возможность простого соучастия в жизни, вхождения в состав бытия, включенность в природную разумность. Ведь если такой вопрос встал, значит, с миром надобно непременно что-то делать: спасти его, устраивать иначе. И несмотря на то, что вопрос поставлен как бы лично, он претендует на общезначимость. Франк прозорливо замечает, что «типичный русский всем своим существом ощущает, что нужно не просто жить, а жить для чего-то». Он все время колеблется между признанием динамики жизни, что выражается сакраментальной формулой «Пути господни неисповедимы» и стремлением прочно определиться, научившись читать «откровение Господа». На вопрос: «Что делать?» Франк отвечает развернутой программой. Тяжкий труд в поте лица — это первое производственное дело, без которого останавливаются и делаются бессмысленными все остальные человеческие дела. Он направлен на то, чтобы возвращать силы добра, ибо прежде всего следует обладать этой субстанцией, а затем уже начинать благодетельствовать других людей. Необыкновенно значимым оказывается внешнее дисциплинирование отношений между людьми и упорядочивание образа жизни. Оно свидетельствует о силе человеческой воли, того практического усилия, которое участвует в созидании смысла жизни. Другим важнейшим делом оказывается работа по обузданию сил зла и ограждению сил добра, которую нельзя осуществлять насилем. Добро творится добром, зло истребляется любовью. Никогда еще добро не было осуществлено декретами, никогда оно не было навязано самой энергичной общественной деятельностью. Конкретный совет Франка заключается в том, чтобы стремиться к осуществлению нравственного дела сегодня и сейчас: «Кто живет в сегодняшнем дне — не отдаваясь ему, а подчиняя его себе — тот живет в вечности». Видимо, следует прислушаться к подобному наставлению великого мыслителя. Свое великое нравственное значение философия обретает, сопрягаясь с соучастием в конкретной жизни мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
2. Аристотель Соч. В 4-х т. М., 1972—1976.
3. Платон и его эпоха. М., 1979.
4. Антология даосской философии. М., 1994
5. Монтень М. Опыты. М.—Л., 1954.
6. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950
7. Соловьев В. Соч. В 2-х т. М., 1990.
8. Платон. Соч. В 3-х т. М., 1968-1971.
9. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1964.
10. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. М., 1988.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории Т. 1. М., 1993.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
13. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. М., 1989.
14. На переломе Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990.
15. Мамардашвили М. Как я понимаю философию? М., 1990.
16. Библер В.С. Что есть философия? // Вопросы философии. 1995, № 1.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
18. Рассел Б. История западной философии. В 2-х т. Новосибирск, 1994.
19. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
20. Бердяев Н. А. О русской философии: В 2-х ч. Омск, 1991.
21. Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.
22. Франк С.Л. Смысл жизни//Вопросы философии. 1990, № 6.

Тема 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ

ФИЛОСОФИИ

Натурфилософия — исторически первая форма философии. — Классическая философия Древней Греции. — Сократ и софистика. — Сократ и софисты. — Объективный идеализм Платона. — Европейская философия средневековья. — Патристика. — Схоластика. — Философия Ренессанса. — Философия Нового времени.

— Рационализм и сенсуализм. — «Мыслю, следовательно, существую». Рене Декарт. — Французский материализм XVIII в. — Немецкая классическая философия. — Антропологический материализм Л. Фейербаха.

— Диалектика и метафизика. — Современные типы и направления философии.

Философия многолика, и различные философы в разные времена предлагали выделять те или иные ее типы. Одни говорили о восточной и западноевропейской философии, делили философию на языческую и христианскую, другие рассматривали философию природы — натурфилософию и философию истории, третьи членили ее на диалектику и метафизику на основании применяемого в ней метода. Со времен Гегеля утвердился взгляд, согласно которому периодизация историко-философского процесса связывалась с крупными историческими эпохами. Следовательно, можно было говорить о философии античности, средневековья, Возрождения, Нового времени и пр. Иногда для выделения типов философии в качестве опоры служили национальные факторы. Тогда речь шла о философии английского эмпиризма, о немецкой классической философии, русской религиозной философии и пр. Когда же во главу угла ставился основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — с точки зрения его первой онтологической стороны: Что первично? — Мышление или бытие, «создан мир Богом или он существует от века?», то в зависимости от того, как на этот вопрос мыслители отвечали, возникали такие исторические типы философии, как идеализм и материализм. Как известно, идеалисты полагали в качестве «первичного» — сознание, мысль, идеальное, материя же принималась вторичной и производной. Идеализм также был представлен несколькими разновидностями: объективный идеализм, субъективный идеализм, солипсизм.

Таким образом, объективный идеализм, признавая первичность мышления идеального, понимал это идеальное объективно безличностно: как Идею, Абсолютный дух либо как всеобщую творящую Волю. Сам же человек с его конкретным мышлением заставлял уже созданный мир и участвовал в его освоении, но не являлся его творцом.

Субъективный идеализм предполагал иное отношение. С точки зрения субъективного идеализма определяющим мышление и идея каждого отдельного субъекта, выступить как первичные

движущие силы и основания, как факторы, определяющие все мироздание и универсум, качестве творца мироздания оказывалось сознание, мышление проекта, оно наделялось функцией «творения».

Крайнее выражение субъективного идеализма — солипсизм. Кредо солипсизма было связано с утверждением, что «вещи суть мои ощущения». Это известное изречение Беркли описывало весь мир как скованный и представленный формами ощущения субъекта. Следовательно, ничего, кроме ощущений, не существует и существовать не может.

Натурфилософия — исторически первая форма философии. Традиционно считается, что философия возникла на ступени разложения мифологического сознания, когда синкретизм (нерасчлененность), образность и символичность мифа уступили место понятийному мышлению. Исторически первой формой философии была натурфилософия. В ней олицетворение сменяется абстракцией, на место множества человекообразных богов в основу всего сущего ставится единое «естество» — вечная и многообразная природа. Если в мифологии действительность воображалась, в натурфилософии она начинает пониматься. Происходит изгнание всех антропоморфных сил. Поэтика мифа уступает место зарождающемуся логосу — «разумному слову» о природе вещей. Личностно-образная форма мифа заменяется безличностно-понятийной формой философии.

Первые натурфилософы — «физиологи», по определению Аристотеля, изучали природу, пытаясь объяснить первопричины сущего в учениях о первоэлементах мира, исходя из общей первоосновы. В качестве таковой античное мышление полагало, как правило, конкретную физическую сущность, нечто чувственно данное. Это — вода в учении Фалеса, воздух — у его ученика Анаксимена или же огонь — у Гераклита Эфесского. Только Анаксимандр — другой ученик Фалеса высказал положение, что началом (принципом) и стихией (элементом) сущего является апейрон (с древнегреческого — бесконечное, неопределенное). Апейрон — абстрактная, не связанная чувственно конкретным образом сущность, лежит в основе всего, обладает творческой силой и является причиной всеобщего возникновения и уничтожения. Тем самым осуществлялось дальнейшее освобождение от метафоричности и переход от мышления, обремененного чувственными образами, к интеллекту, оперирующему понятиями. Сенека первым применил название «*philosophia naturalis*» как общее обозначение философских течений Древней Греции, предшествующих Сократу и софистам.

Примечательно, что первые «физиологи» или натурфилософы — представители Милетской школы: Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, а также Гераклит Эфесский, были не только натурфилософами, но также и учеными. Они занимались изучением астрономии, географии, геометрии, метеорологии. Фалес, например, предсказал солнечное затмение и первым объяснил природу лунного света, считая, что луна отражает свой свет от солнца. Доказывая простейшие геометрические теоремы, он вводил и использовал дедуктивный метод. Названия приписываемых по традиции Фалесу работ: «Морская астрология», «О солнцестоянии», «О равноденствии», «О началах» свидетельствуют, в какой степени ум его был обращен к познанию природы. Ученика Фалеса

Анаксимандра называют «истинным творцом греческой, а вместе с тем и всей европейской науки о природе».

Логос натурфилософии имел своим содержанием поиск основ мироздания, причин и законов строения мира. «Физиологи» стремились открыть единую основу многообразных природных явлений. Названные ими в качестве первоначал сущности были не просто физическими стихиями, они несли в себе сферхфизический смысл, так как выступали носителями мироединства. Сам термин «логос» трактовался многозначно: как всеобщий закон, основа мира, мировой разум, слово и огонь. Как слово о сущем логос противопоставлялся не только вымыслу мифа, но и видимости чувственного восприятия вещей. От мифа к логосу — так обозначалось то направление пути, которое выбрала человеческая мысль, осваивая' универсум. Считается, что античный мир обеспечил явные сдвиги в сторону всеобщей рационализации мышления. Большое внимание уделялось постижению и развертыванию истины, т.е. логике и диалектике. Постепенно философские системы приобретали вид все более и более рационально оформленного знания.

Натурфилософия, выступив исторически первой формой мышления, направленного на истолкование природы, взятой в ее целостности, привнесла вместо господствующего в мифологии образа «порождения» идею причинности. В рамках натурфилософии был выдвинут ряд гипотез, сыгравших значительную роль в истории науки. Например, атомистическая гипотеза, гипотеза о возникновении порядка из хаоса. Наметившиеся в натурфилософии два направления в объяснении мира могли быть обозначены как: «Многое есть единое» и «Единое есть многое». С точки зрения первого — многообразный природный мир имел в основе некую единую субстанцию и строился из первичных элементов, первокирпичиков — атомов. С точки зрения второго — единый в своей целостности универсум порождал из себя на протяжении хода развития все многообразие природных явлений. Тем самым натурфилософы поставили для всей последующей философии две важнейшие проблемы: проблему субстанции — вечной и пребывающей основы всего сущего и проблему движущего принципа — источника всех происходящих изменений.

Существенным стало то, что, формируя идею природы, мысль античных натурфилософов должна была приучиться осваивать то, что вне ее, что существует независимо от нее, не прибегая к закрепленным в мифологическом сознании приемам антропоморфизации, но лишь двигаясь по логике предмета. Натурфилософское мышление было направлено на объект. При этом, однако, неизвестные действительные связи заменялись «идеальными фантастическими связями», а «недостающие факты — вымыслами». Иначе и быть не могло.

Классическая философия Древней Греции — по определению Аристотеля — «италийская философия» выступила второй формой философии. К ней относятся Пифагорейский союз, элеаты, плюралисты Эмпедокл и Анаксагор, атомисты, софисты. Пифагорейцы связали философию с математикой и поставили вопрос о числовой структуре мироздания. Основанный Пифагором после его долгого путешествия на Восток Пифагорейский союз в Кротоне отличался строгими обычаями,

его члены вели аскетический образ жизни. «Самое мудрое — число», «число владеет вещами», «все вещи суть числа» — таковы выводы Пифагора, возникшие не без связи с каббалой. Пифагор говорил о «гармонии сфер» и считал космос упорядоченным, симметричным целым. Мир, по его мнению, был доступен лишь интеллекту, но не доступен чувствам. Математика парадоксальным образом утверждала сакральную сущность числа, а числовые соотношения определяли суть мироздания.

Элеаты, к числу которых относятся Ксенофан, Парменид, Зе-нон и Мелисс, поставили вопрос о субстанциальной основе бытия и о соотношении мышления и бытия. В своем главном сочинении «О природе» Парменид, вкладывая в уста Дике — богини справедливости идеи своего философского учения, говорит: «Одно и то же мысль о предмете и предмет мысли». Небытие не существует, потому что оно немыслимо. Ибо сама мысль о небытии делает небытие бытием в качестве предмета мысли. Сущее есть, несущего нет. Сущее бытие есть единое, неизменное и неделимое целое.

Ученик Парменида Зенон доказывал единство бытия методом от противного. «Если существует много /вещей/, то их должно быть /ровно/ столько, сколько их действительно есть, отнюдь не больше и не меньше, чем сколько их есть. Если же их столько, сколько их есть, то число их ограничено». То, что бытие неподвижно, Зенон пытается обосновать, обращаясь к апориям (трудно разрешимым проблемам). Зеноновские рассуждения против движения дошли до нас через «Физику» Аристотеля и впоследствии получили названия «Дихотомия», «Ахиллес и черепаха», «Стрела», «Стадион». В «Дихотомии» утверждается, что движение не может начаться, потому что прежде, чем пройти весь путь, движущийся должен пройти половину. Чтобы дойти до половины, он должен пройти половину половины, а чтобы пройти эту половину, ему необходимо пройти половину половины половины, и так без конца. Бесконечно малый отрезок стремится к нулю, но в то же время не исчезает. Его невозможно определить, поэтому движущийся не только не в состоянии пройти весь путь, он не в силах его начать. Этим Зенон пытается доказать, что все движущееся и изменяющееся не может быть мыслимо без противоречия. Физический мир противоречив. Чувственное познание обесценено.

Однако, если натурфилософы, пытаясь объяснить мир, исходили из принятия одного начала, и следовательно, были монистами, то учения, которые клали в основу мироздания несколько начал, получили название плюралистических.

Плюралистический подход в философии связан с именами Эмпедокла и Анаксагора. Эмпедокл в качестве начал мироздания выделяет четыре стихии, четыре корня: землю, воду, воздух и огонь. Они «равны и все одинаково древнего рода». Сочетание различных доз этих корней обуславливает многообразие явлений. Процессы мироздания сопряжены с борьбой двух начал, имеющих, однако, не физическое, а психическое происхождение. Это: любовь — Филия — космическая причина единства и добра и Нейкос — ненависть или вражда — причина множества и зла. Филия и Нейкос находятся в состоянии постоянной борьбы, во вращении космического вихря. Эмпедокл считал, что мир шарообразен. В золотой век вражда была снаружи, а любовь внутри. Затем в мир вошла вражда, любовь была изгнана. В наихудшие времена любовь оказалась вне мира. Впоследствии происходило

обратное движение, и цикл повторялся. В первой фазе побеждала любовь, во второй присутствовало равновесие любви и ненависти. В третьей победа была на стороне Нейкоса. В четвертой устанавливалось равновесие Нейкоса и Филии.

Плюрализм Анаксагора иного рода. Он отвергал конкретные стихии в качестве первоначал и выдвигал тезис — «все во всем». Для него первичными оказываются все состояния вещества, а этих состояний «неопределенное» множество. Анаксагор называет их семенами или «гомеометриями», т.е. подобночастными. Любая гомеометрия бесконечно делима, неоднородна и как целое включает в себе все существующее. Его сочинение «О природе» начинается словами: «Вместе все вещи были».

Однако гомеометрии Анаксагора играют роль материи пассивной, а хаос может развиваться в космос лишь при условии активного начала. Таковым у Анаксагора выступает Нус, или Ум. Первоначально он приводит все в круговое движение, затем происходит процесс формообразования. Легчайшее идет к периферии, тяжелейшее падает в центр. Анаксагор, введя в качестве движущего начала Ум, является сторонником рационалистической традиции. Везде, где возможно, он предпочитает механистическое объяснение процессов мироздания, и в его космологии нет «проведения».

Атомистика (от греч. *atomos* — неделимый), к которой относились Левкипп, Демокрит, Эпикур и Лукреций, в противовес элеатам, отрицающим небытие, признавала наличие пустоты. Она есть условие всех процессов и движений, но сама неподвижна, беспредельна и лишена плотности. Каждый член бытия определен формой, плотен и не содержит в себе никакой пустоты; он есть неделимое. Атомы могут иметь разную форму, отличаться порядком и положением. Складываясь и сплетаясь, они рожают различные вещи. Даже душа в учении Демокрита состоит из атомов. Таким образом, в атомистической картине мира отражаются процессы возникновения, уничтожения, взаимодействия и движения. Атомисты, как подмечает историк философии А.Чанышев, примирили Гераклита и Парменида, признав, что мир вещей текуч, мир элементов, из которых вещи состоят, неизменен. Кроме установленных законов сохранения бытия, сохранения движения атомисты провозгласили закон причинности: «Ни одна вещь не происходит попусту, но все в силу причинной связи и необходимости». Случайность, однако, понимается субъективно, как то, причину чего люди не знают.

Софисты и софистика. Поскольку в Древней Греции искусство красноречия и умение убеждать ставились необыкновенно высоко, в V в. до н. э. появились софисты (от греч. *sophistes* — мастер, художник) — платные учителя красноречия, «мудрецы за плату». В их деятельности произошло перемещение центра тяжести философских интересов из сферы натурфилософии в сферу этики, политику, теорию познания. Софисты учили искусству спора и могли показать, как защищать или оспаривать то или иное мнение. Считалось, что обучение риторике и логике рассуждения закладывается софистикой.

В силу того, что они, ловко и умело манипулируя словами и аргументами, могли ложное

доказать, а истинное опровергнуть, отношение к ним было неоднозначное. Их всегда более интересовали сами способы доказательства и опровержения, нежели суть споров и истинное положение вещей. Они пренебрегали нормами, моралью, обычаями, не признавали объективности критерия добра и зла. Благо понималось, как то, что выгодно. Сократ весьма неодобрительно отзывался о софистах: «Так красоту, если кто продает за деньги кому угодно, того называют распутником... Точно так же, кто продает свои знания за деньги кому угодно, тех обзывают софистами».

Софисты вели в основном странствующий образ жизни и по всеобщему мнению были очень заносчивы. Радикальная молодежь в лагере софистов выступала с критикой норм, признаваемых общезначимыми, утверждая, что вся нравственность выдумана организованным обществом в его интересах. Постепенно софистов стали именовать лжемудрецами или даже фокусниками, считая, что они либо вовсе не занимаются практическими вопросами, либо обнаруживают в них такую ловкость, что заморочат и обведут вокруг пальца любого. Когда Аристофан в комедии «Облака» зло высмеивал софистов, он подразумевал всю систему новой учености, которая имела целью «дать человеку средства поставить свой произвол выше «законов писанных и неписанных».

В платоновском диалоге «Софист» делается вывод: «Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящего признаки и с помощью речей выделяющего в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет полного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо».

Вот пример того, как два софиста решили запутать простого, человека по имени Ктисипп: «Скажи-ка, есть ли у тебя собака?» — «И очень злая», — отвечал Ктисипп.

«А есть ли у нее щенята?» — «Да, тоже злые» — «И их отец, конечно, собака же?» — «Я даже видел, как он занимается с самкой». — «Что ж, ведь эта собака твоя?» — «Конечно». — «Значит, этот отец — твой, следовательно, твой отец — собака и ты — брат щенят».

В дошедшем до нас сочинении «Двоякие речи» видно, как основные понятия добра и зла цинично доводятся до карикатуры, «Болезнь есть зло для больных, для врачей — благо». «Смерть есть зло для умирающих, а для продавцов вещей, нужных для похорон и для могильщиков, — благо». Неизвестный автор «Двояких речей» пытается объяснить, что зло и благо есть одновременно как хорошо, так и дурно. Примером древнего софизма является софизм «Рогатый»: «То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь».

Аристотель приводит примеры рассуждений софистического рода. Если человек, будучи образован в искусстве, стал сведущим в языке, то значит, он, будучи сведущ в языке, стал образован в искусстве. В трактате «О софистических опровержениях» Аристотель определяет софистику как мнимую мудрость. Он предпринимает серьезную попытку систематизации софистических приемов. Например софист может говорить очень быстро, чтобы его противник не смог уяснить смысл его

речи. И напротив, софист может нарочито растягивать свою речь, дабы его противнику было трудно охватить весь ход его рассуждений. В основе разоблачения тайны искусства вводить людей в заблуждение выявляют пять целей или намерений софистов:

- опровержение;
- ложь;
- несогласованность с общепринятым;
- погрешность в речи;
- принуждение собеседника к пустословию, т.е. к частому повторению одного и того же.

Больше всего софисты одержимы идеей опровержения, за ней по значимости следует стремление показать, что собеседник говорит неправду, третьим шагом является попытка привести его к тому, что не согласуется с общепринятым, четвертым — умение заставить противника делать ошибки и допускать погрешности в речи и в заключении привести к тавтологии, т.е. заставить говорить одно и то же.

Оценивая совокупный вклад софистики, можно отметить, что именно потому, что софисты были готовы следовать за доказательством куда угодно, они переместили акцент философских размышлений на противоречия познавательного процесса и парадоксы логики высказываний. В софистике были созданы определенные предпосылки для возникновения формальной логики, софистическая аргументация стояла у колыбели европейского способа мыслить. Исследователи определяют софистику как совокупность многообразных видов аргументации, основанных на субъективистском использовании правил логического вывода ради сохранения и утверждения наличных положений и теорий, которые по тем или иным причинам, независимо от фактического положения дел, признаются истинами, не подлежащими критике, пересмотру.

Софистика способствует активному выявлению малейших противоречий в системе. Фигуры софистики — софизмы, как отмечал Гегель, при ближайшем рассмотрении оказываются первичной формой теоретического освоения противоречий, представая обычно в виде апорий и парадоксов. Причем софизмы могут содержаться в любых сферах познавательной деятельности, а софистика занимает законное место проблемообразующего момента, вскрывает и указывает на логические тонкости мышления. Экспериментируя со словом и суждением, она показывает «пути и распутья» словесно оформленной мысли и обращает внимание на то, что объем понятия в словесном материале может быть выражен гибко и неоднозначно.

Различают две школы софистов — старшую и младшую. К старшей относились Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, АнтифЛт. Главой софистов был Протагор. Сын богатого отца, Протагор стал профессиональным преподавателем риторики и эристики — искусства речи и спора. Он один из первых стал брать деньги за обучение философии. Большая часть его зрелой жизни была проведена в непрерывном лекторском турне по городам Греции. Он учил за вознаграждение «всякого, кто желал практического успеха и более высокой культуры», устраивал публичные диспуты и ввел в обиход

софизмы. Протагор уделял особое внимание обучению тому, как сделать слабейший аргумент сильнейшим. Согласно характеристикам Секста Эмпирика, Протагор утверждал, что материя текуча и ее восприятие находится также в непрерывном изменении. Это положение готовило почву для онтологического релятивизма. Утверждение типа «Ничего не существует само по себе, но все только в отношении к другому» — и было основанием релятивизма софистов. Протагор известен также своим тезисом: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Именно данный тезис традиционно истолковывают как манифест этического релятивизма.

Древнегреческий философ-софист Антифонт, автор сочинений «Истина», «Согласие», разделяет мнение Протагора о том, что общественная жизнь, предписания законов есть результат соглашений, они искусственны и поддельны. Законы природы возникли сами собой. Боги — также результат «искусства», они созданы. Мысль об искусственности происхождения богов поддержал Продик — ученик Протагора. Его знаменитый антирелигиозный тезис гласит: «Солнце, луну, реки, источники и вообще все, что полезно для нашей жизни, древние признали богами вследствие получаемой от них пользы, подобно тому, как египтяне боготворили Нил». Продик занимался анализом языка, проблемами синонимии, учил правильному употреблению слов, особое внимание уделял правилам спора, приближался к формулировке общего способа опровержения ложных условных предложений.

На основании того, что в софистических рассуждениях становится возможным судить о всякой вещи по крайней мере двояко, с взаимоисключающих позиций, софистика вошла в историю интеллектуальной мысли человечества еще как визитная карточка релятивизма. Обратимся к суждениям софиста Горгия: «Ничего не существует, а если что-либо существует, то оно непознаваемо, если существует и познаваемо — оно невыразимо. Мир настолько изменчив, что невозможно, чтобы кто-либо смог передать свои знания другому». Таким образом, релятивизм обнаруживает себя как абсолютизация изменчивости и отрицание даже относительной устойчивости. В рассуждениях релятивистского типа эксплуатируется реальная особенность взаимодействий, согласно которой ничто не существует изолированно, само по себе, но лишь в отношении и взаимосвязи с другим. Все существующее приходит в состояние, отличное и противоположное себе, поэтому о каждой вещи возможны различные и противоположные мнения. Релятивизм активно используется для критики догматов. Вместе с тем он ведет к обоснованию субъективизма, к отрицанию общезначимых норм и законов. Онтологический релятивизм дополняется гносеологическим и завершается этическим.

Сократ и софисты. В диалогах Платона, из которых мы черпаем сведения об античной философии, *Сократ* (469—399) постоянно спорит с софистами, которые связывают несвязываемое, возводят в закон случайность, корысти ради обманывают людей. Сократ, сделав предмет пристального рассмотрения смысловой и содержательный объект понятия, объявляет и всю предшествующую натурфилософию, и приемы софистов неудовлетворительными. В период

процветания греческой культуры, названный периодом греческого Просвещения, важнейшим становится анализ человеческой души (psyche), центр внимания переносится на рассмотрение антропологических проблем. Сократ связывает душу с умственной деятельностью и представляет ее как лоно разума и мышления. Здесь сказывается его интеллектуализм. По словам Сократа, «душа царит в нас», но в отличие от тела она невидима. Душа — «незримая» хозяйка — управляет и нашим телом, и всеми нашими поступками. Она источник благоразумия и сдержанности. И хоть мудрец мыслит душу и тело в единстве, приоритет отдан душе.

От ограниченности человеческого разума Сократ переходит к разуму всеобщему, что выливается в учение об универсальном разуме и об отдельных богах — умах. Общий разум делает видимой целесообразность в делах. В качестве внутреннего голоса, совести или здравого смысла участвует во всех начинаниях так называемый «даймонион» Сократа. Толкование этого понятия неоднозначно. С ним связывают просветленное внутреннее чутье или инстинкт, выражение откровения или проявление религиозного энтузиазма.

Сократический метод достижения истины делится «по форме на иронию и майевтику, а по содержанию — на индукцию и определение». Причем в первой части «иронически-индуктивной» он практически совпадает с операциями софистических доказательств. Последовательное обнаружение противоречий во взглядах и высказываниях собеседников, а затем заключение: «Я знаю, что я ничего не знаю», — весьма напоминает чисто софистический парадокс «Лжец»: «Я знаю истинно, если и только если «я ничего не знаю». Однако в отличие от софистов, эксплуатирующих гибкость понятий, Сократ устремлен к поиску критерия, отличающего сущность от видимости.

Майевтика — от греч. maieutike, букв, повивальное искусство — способствует рождению истины. Следуя ей, Сократ подвергает испытанию и обличению неверные взгляды людей, этические нормы, общие представления, новшества. После многочисленных «наведений», при которых происходит уточнение понятий и отбрасывание лишних, ведущих к противоречиям следствий, после обращений к «воспоминаниям» бессмертной души о «правде обо всем» (что в современной интерпретации трактуется как подсказка бессознательного) Сократ останавливается на отождествлении. Справедливое — соответствует законному, прекрасное — полезному, добродетельное — знанию. Однако такой исход вскрывает грандиозную теоретическую проблему. Ведь прекрасное не есть ни прекрасный кувшин, ни прекрасная лошадь, ни прекрасная девушка. Сущность прекрасного нельзя определить путем «наведения». Поэтому главный урок для натурфилософии, извлеченный из деятельности софистов и Сократа, состоял в выявлении и фиксации самого факта противоречивости суждений, в том числе суждений о космосе и первоначалах Кризис античной «физики» проявился в невозможности построить логически непротиворечивую и образно-интуитивно-достоверную картину природы. Софисты подорвали доверие к многочисленным попыткам объяснения единого из многого и многого из единого. Космос и природа застыли в ожидании нового объяснения.

Объективный идеализм Платона. Фигурой, олицетворяющей собой объективный идеализм античности, был философ *Платон* (427—347). Разделяя тезис Гераклита Эфесского о том, что все вещи находятся в непрестанном становлении, учитывая попытки Парменида найти устойчивое единое, всеобщее, Платон развернул структуру мира, связанную с текучим многообразием чувственных вещей и одновременно этому многообразию противопоставленную всеобщность в мире идей. Именно в идее, представляющей, по Платону, сущность одноименных вещей, противоречия чувственного мира «снимаются» — т.е. одновременно уничтожаются и сохраняются. Согласно взглядам Платона и более древним установкам анимизма (от лат. *anima* — душа) и панпсихизма (одушевления всего сущего), душа есть в каждой вещи и в самом космосе. Подобно тому, как человек имеет душу, так и вещи природного мира обладают своей душой. Душа это «идея» их сущности. Наряду с теорией мировой души у Платона имеется концепция индивидуальной души.

В античной философии особое место занимал стоицизм. Античный стоицизм привлек пристальное внимание к проблеме человека, морали, исправлению нравственных недугов и воспитанию добродетели. Стоики рассматривали понятия совести и воли в качестве механизма морального поступка, они поднимали проблему виновности и греховности человеческой природы. К ранним стоикам относился Зенон, римский неостоицизм был представлен именами Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия. Важной идеей стоицизма стали тезисы о том, что добродетель не зависит от происхождения человека и что социальный и нравственный прогресс возможен лишь на основе любви к ближнему.

Эпикурейцы — последователи философии Эпикура и Лукреция Кара утверждали, что только живя разумно, человек может изба вить себя от страданий, а следовательно, обрести счастье. Удовольствие — это не что иное, как отсутствие страданий. Счастье в самом человеке, в его замкнутой личной жизни, оберегаемой им от различного рода увлечений. Атараксия — самое желаемое состояние человеческого бытия — есть отсутствие страдания и безмятежность духа. Однако более поздние версии эпикуреизма подчеркивали именно стремление человека к чувственным наслаждениям, видя в них главную цель жизни. Эпикурейцем стал называться всякий, кто стремился к умножению чувственных удовольствий. Такой упрощенный и вульгаризированный эпикуреизм подвергался резкой критике за гедонизм и аморальность.

Европейская философия средневековья. Средневековье имело в качестве официальной доктрины теологию, и независимые от теологии подходы и взгляды жестоко карались. Известное изречение: «Верую, ибо абсурдно» говорило об абсолютной несовместимости веры (религии) и философии (разума). В Средние века теология развивалась в направлении усвоения греческих моделей. Бог описывался как идея абсолютного блага, абсолютной истины, как чистое бытие.

Однако в самой религии велась непрекращаемая борьба мнений относительно толкования отдельных догматов. Местные и Вселенские соборы принимали решения и контррешения, то и дело провозглашались анафемы в адрес инакомыслящих. Религиозный фанатизм достиг своего апогея и

стал отличительной чертой, характеризующей психологический фон развития религии и философии в Средние века.

Важной концептуальной идеей философии средневековья была христологическая проблема и, в частности, монофизитство — учение о единой природе Бога. Монофизитство продолжало занимать существенное место в мировоззрении народных масс. Вместе с тем существовала и доктрина, связанная с признанием двойственной природы Христа. Чтобы найти компромисс, признание в Христе двух природ — божественной и человеческой, предлагалось положение о том, что вся божественная деятельность вдохновлена одной энергией. Эта концепция получила название моноэргийной — одноэнергийной. Но когда вместо одной энергии стали говорить об одной воле (thelema), предпочтительным оказалось монофелитство.

Иконоборство против иконопочитания выступило вторым по хронологии и, пожалуй, первым по остроте сюжетом после споров вокруг интерпретации монофизитства. Доказательством невиданной жестокости борьбы иконопочитателей и иконоборцев было ослепление императрицей Ириной (VIII в.), отстаивающей иконопочитание, своего сына и наследника престола Константина VI. После чего он уже не был опасен как противник иконопочитания и как претендент на трон.

Патристика. С I по VI в. философская проблематика развивалась в рамках патристики (от лат. pater — отец, имеется в виду отец церкви). Василий Великий, Августин Блаженный, Григорий Нисский, Тертуллиан, Ориген и другие обсуждали проблемы сущности Бога, движения истории к определенной конечной цели («град Божий»), соотношения свободы воли и спасения души. Средневековье в лице отцов церкви — Оригена, Дионисия Ареопагита затрагивало и вопрос о соотношении веры и разума, авторитета и разума. Богословие вынуждено было пользоваться правилами логического мышления. Последние же наталкивали религиозную мысль на противоречия, софизмы, несуразности и бессмыслицы. Философская мысль не укладывалась в прокрустово ложе теологических догматов.

В патристике проводится различие между пониманием человеческого Я как соборного, всечеловеческого единства душ (что впоследствии будет характерно для православия) и представлением о человеке как индивидуализированном Я, в своем одиночестве раскрытом Я — Бога, что в дальнейшем разовьется в католицизме и протестантизме.

Особое внимание привлекает к себе фигура *Тертуллиана* (160—222), о стиле мышления которого известно, что он отмечен тягой к интеллектуальной провокации. Тертуллиан подчеркивает пропасть между конкретной реальностью веры и истинами умопознания. «Что общего у Афин и Иерусалима? У Академии и церкви?» — вопрошает мыслитель. Он всякий раз показывает несоразмерность веры и разума. «Сын Божий распят; нам не стыдно, ибо полагалось бы стыдиться. И умер Сын Божий; это вполне достоверно, ибо ни с чем не сообразно. И после погребения он воскрес; это несомненно, ибо невозможно». Тертуллиану принадлежит суждение: все сущее есть тело, следовательно, и Бог должен быть понят как «тело, которое, впрочем, есть дух». Тертуллиан требует

представить душу такой, какой она является в видении, т.е. как прозрачное, светящееся тело. От вещественности души делается умозаключение к ее материальному происхождению. Она не вселяется в тело извне (согласно платонической доктрине), но зарождается в теле от спермы (стоицистическая концепция). Поскольку средневековый мыслитель стремился заглянуть в глубины человеческого духа, он требовал доверия не только к мистическому опыту, но и ко всевозможным спонтанным проявлениям души (необдуманным выкрикам, не доходящим до сознания стереотипным формулам речи). Видимо, поэтому к его наследию обращаются современные психоаналитики, в частности К.Юнг.

Схоластика. В эпоху средневековья философия была служанкой теологии, однако в VIII—XIV вв. происходил расцвет схоластической учености. Схоласты (от греч. *scholasticos* — школьный) защищают основные догматы официальной теологической доктрины, приспособлявая ее к удобствам преподавания в университетах и школах. Схоластом величал себя всякий, кто занимался преподавательской деятельностью. К ним принадлежали Эриугена, Альберт Великий, Фома Аквинский, Абеляр, Ансельм Кентерберийский. На первое место выступают вопросы о соотношении разума и веры, науки и религии. Со схоластикой связано оттачивание логического аппарата, рассудочных способов обоснования знания, при которых сталкиваются тезис и антитезис, приводятся аргументы и контраргументы. Однако взаимоотношение философии и теологии истолковывается неоднозначно. А. Кентербери иски и считает, что истины, добытые разумом, но противоречащие авторитету Священного Писания, должны быть забыты или отвергнуты. *Абеляр* (1079—1142) предлагает иной подход. Сначала с помощью разума исследовать религиозные истины, а затем судить, заслуживают они веры или нет. Абеляру принадлежит ставший знаменитым принцип: «Понимать, чтобы верить». В автобиографическом сочинении «История моих бедствий» он описал не только свою трагическую любовь, но и все конфликты с церковью и ортодоксальными схоластами. Абеляр стремился к четкому разграничению между верой и знанием. В отличие от веры философия, как и знание, опирается на доказательства разума. Человеческие познания постоянно возрастают, авторитет церкви все больше подвергается сомнению, а разум идет дорогой вопрошания. Работа Абеляра «Да и нет» собрала 159 сложных вопросов христианской догматики. На них были предложены ответы из авторитетных церковных писаний. Но оказалось, что на каждый из вопросов в распоряжении богослова имеется как утвердительный, так и отрицательный ответ.

Фома Аквинский (1225—1274) — выдающийся авторитет и вершина схоластического богословия — разграничивает область применения философии и теологии по предмету, источнику и цели. По предмету философия направлена на сущее, религия — на спасение, по источнику философия происходит из разума, теология — из веры, по цели философия стремится к знанию ради знания, теология — к знанию ради спасения.

Основной труд Фомы «Сумма теологии» направлен на отработку вероучения в форме здорового

смысла. Он находится в рамках теолого-рационалистических поисков и оперирует аристотелевской метафизикой, что позволяет придать теологии видимость научности и систематичности. Фома Аквинский считает некоторые догматы доказуемыми, а другие не доказуемыми, но последние он считает не противоразумными, а сверхразумными, доступными лишь божественному разуму.

Пристальный интерес у схоластов вызывало учение предшествующего периода — учение отцов церкви. Вопрос о свободе обретает форму вопроса о происхождении зла и предопределении. Зло связывается с человеческой деятельностью, а свобода заключается не в следовании необходимости, а в том, чтобы определять поступки совестью и нравственностью. История рассматривается под углом зрения божественной цели, поток времени линеен, он устремлен от сотворения мира к его концу.

Схоласты делились на ортодоксальных схоластов, санкционированных церковью, и оппозиционных, направляющих острие своей критики против богословских догматов. Последние стремились показать иррациональность религии, а следовательно, независимость от нее научных знаний. Поднимался вопрос о «ложных» религиях.

Борьба между номинализмом и реализмом имела существенное значение для церковной ортодоксии, ибо касалась вопроса о существовании общих понятий — «универсалий». Соответствуют ли общим понятиям — универсалиям — объективные реальности или универсалии лишь слова и имена? Номиналисты отрицали онтологическое (бытийствующее) значение общих понятий. Для них универсалии существуют лишь в уме. В XIV в. Оккам выразит эту идею номинализма, заявив, что предметом познания могут быть только единичные вещи — индивидуальности.

Реалисты утверждали, что универсалии существуют реально и независимо от сознания. Согласно Фоме, универсалии могут существовать тройко: «до вещей», в божественном разуме, как первообраз, «в вещах» — как сущности, «после вещей» — как понятия в человеческой голове.

Номиналисты, пытаясь освободиться от пут теологии, создали учение о двойственной истине: божественной и философской. Теория двойственной истины настаивала на разделении истин богословия и истин философии. Истины в философии могут быть ложными в теологии, и наоборот.

Для эпохи средневековья в целом было характерно, что она ориентировала на религиозное осмысление мира и вся активность человеческого духа была сопряжена с проблемами христианства и поиском спасения души.

Философия Ренессанса. Возрождение началось в XIV в. в Италии, к концу XV столетия распространилось на другие европейские страны, а в XVI в. охватило часть Восточной Европы. Главными действующими идеологическими силами оставались религия и схоластика, которые по-прежнему господствовали в европейских университетах. Однако гуманистическая мысль вступила с ними в ожесточенное сражение. Гуманистика опиралась на античный материал и находилась в тесной связи с многообразными явлениями городской буржуазной культуры. В новых условиях авторитет Священного Писания не мог ограничить стремление мышления к постижению истины. Культуре Возрождения была свойственна веротерпимость. Характерным стало и то, что критика

религии проводилась с рационалистических позиций. Происходило расшатывание авторитарного мышления. Оспаривалась идея бессмертия души. Внимание обращалось на то, что религиозное братство отнюдь не едино, а раздираемо распрями и раздорами.

Николай Кузанский (1401 — 1464) — одна из самых значительных фигур раннего Ренессанса, последовательный пантеист. С 1448 г. он кардинал, с 1458 г. — генеральный викарий в Риме при папе Пие II. Он рассматривал Бога как «бесконечный максимум», приближающийся к природе как к ограниченному максимуму. Низводя бесконечность Бога в природу, Кузанец формулирует идею бесконечности Вселенной.

Его самое значительное произведение «Об ученом незнании» (иногда переводится «Об умудренном неведении», или «О знающем незнании») осуждалось за явно выраженный пантеистический характер. Зримый и телесный мир зависим от начала полностью бестелесного и непостижимого. Начало «просвечивает» во всем, оставаясь недостижимым именно потому, что оно всему предшествует. Оно источник всякого движения, естественной и человеческой истории, оно же и его конец. Мир имеет и центром, и пределом своим Творца. Максимально бесконечный и предельно единый Бог становился не столько объектом одной положительной религии, сколько универсальным, межрелигиозным и межнациональным понятием. Бог выступает как возможность — бытие, как абсолютная возможность — форма форм. Бог как актуальная бесконечность принципиально непознаваем. Богопознание открывается человеку «на нем самом», он есть возможность быть по-человечески всем. 1

Вряд ли правомерно, обсуждая проблемы становления и развития философии в эпоху Возрождения, не упомянуть имени *Пико делла Мирандолы* (1463—1494), в трудах которого пантеистические идеи занимали большое место. Ибо понимание божественного закона предполагало, как утверждал мыслитель, углубление в природу вещей и выявление их действительных причин. В его яркой «Речи о достоинстве человека» обосновывалась субстанциональная свобода человека. Бог создал человека существом, подобным себе, поставил его в центр мироздания. Человеческий микрокосм тождествен природному макрокосму. Чудеса человеческого духа определяются свободой его воли и выбора. Бог-отец, творя человека, вложил в него «семена и зародыши разнообразной жизни», но их развитие и применение во власти самого человека. Человек способен к формированию своего бытия, он обладает свободой самоопределения.

Во взглядах Пико делла Мирандолы можно обнаружить и акцент рационального смысла магии, в противоположность закрепившемуся за ней колдовскому истолкованию. Одаренный, владевший древними языками, богатый флорентийский граф Пико обращал внимание своих современников на то, что магия связана с постижением действительных тайн природы. Именно поэтому она носит имя «*magia naturalis*» — «естественная магия». В сочинении «Против астрологии» граф Пико протестовал против своеобразного жесткого астрологического детерминизма, который сковывал и парализовывал человеческую активность.

Философия Нового времени. В XVI—XVII вв. в европейской цивилизации произошли радикальные изменения! Классическое христианство, ориентировавшее человека на сосредоточение в сфере духовной жизни и поиски спасения души, столкнулось с провозглашением иного идеала. Стала признаваться важность усилий человека в повседневном бытии. Активность была устремлена к делам практической значимости. А наука выступила необходимым средством рационализации практической жизнедеятельности. Философия Нового времени, развивая традиции Возрождения, возвела в высший принцип утилитаризм, оправдывающий и мобилизующий человеческую активность. Сильное влияние приобрел и принцип рациональности, ибо только искоренение невежества и распространение света научного знания могло обеспечить нравственное совершенство человека.

Учение о познании — гносеология — стало основным и наиболее важным компонентом всех философских систем Нового времени. Ориентация на науку приняла две формы: опытного естествознания, опирающегося на эксперимент, и теоретического построения, подчиненного правилам логики. Опора на опытное естествознание породила эмпиризм (Бэкон, Гоббс, Локк). Антитезой эмпиризму выступил рационализм (Декарт, Лейбниц), ориентирующийся на теоретические принципы организации научного знания и математику.

В философии Нового времени весьма сильны были установки механистического объяснения явлений. Поскольку конкретные науки, в частности механика, вступили в период бурного развития, то социальные и психические явления стали объясняться на основе прямого заимствования положений механики. Вошел в силу жесткий лапласовский детерминизм.

Картезианское сомнение поставило перед философией проблему предпосылок познавательной деятельности. Именно в философии Нового времени противопоставление человеку мира было заменено противопоставлением субъекта и объекта.

Родоначальником английского эмпиризма (опыт) по праву считают *Ф.Бэкона* (1561—1626). Он предпринял попытку «великого восстановления» наук, пытаясь показать их практическую пользу и значимость. «Знание — сила» — вот основной тезис Бэкона, который подчеркивал сущность и цель новоевропейской науки. Ученый должен вернуться к изучению природы. А чтобы избежать «великого обмана чувств», необходимо использовать хорошо организованные опыты, которые получили название экспериментов. Кроме того, необходимо проделать критическую работу над наукой, а именно выявить причины человеческих заблуждений (учение об идолах), а также провести ревизию прочно утвердившегося схоластического метода познания. Учение о методах познания стало ведущим в философии Бэкона.

Образно называя искаженные представления людей о действительности идолами познания, он предлагает их остроумную классификацию:

- идолы рода;
- идолы пещеры;

- идолы рынка;
- идолы театра.

Идолы рода выделяются Бэконом в силу того, что человеческому роду присущи многочисленные заблуждения, ограниченные и ложные представления. Причиной тому может служить очень распространенная процедура антропоморфизации, т.е. наделение природных процессов свойствами и особенностями человеческой психики. (Антропос — человек, морфе — форма.)

Идолы пещеры свидетельствуют о сложности и потаенности субъективного внутреннего мира человека, который во многом влияет и обуславливает восприятие мира, часто искажая его и деформируя.

Неправильное употребление слов, пустые бесплодные споры порождают идолов рынка. Поскольку словесные баталии еще со времен античности, а затем и во времена схоластов происходили в людных местах на площади, то идолы рынка называются также идолами площади.

К идолам театра причислялись все некритически заимствованные положения из различных философских систем и доктрин. Каждая система представляла сконструированный ею мир. Поэтому, ссылаясь на те или иные системы, индивиды оказывались на сцене вымышленного мира.

Борьба с идолами должна была вестись по многим направлениям. Идолы рода вытеснялись усилением просвещения и образования. Идолы пещеры — развитием интеллекта и мышления. Идолы рынка заставляли обратить внимание на понятийную структуру речи, язык и слово. Преодоление иаэлов театра предполагало отказ от доминирующей роли авторитетов и традиций.

Материалиста и натуралиста *Т.Гоббса* (1588—1679) часто величают систематизатором бэконовского материализма. Однако острые социальные катаклизмы (Гоббс жил во времена английской буржуазной революции) обусловили строение философской системы мыслителя иным образом. На передний план выдвигаются вопросы социальной философии, гносеология и онтология мыслятся как вводные части.

Т.Гоббс, проживший долгую жизнь, застал кризис абсолютизма, гражданскую войну и казнь короля, установление республики, а затем реставрацию Стюартов. Расцвет философского творчества мыслителя пришелся на его зрелые годы. Лишь в 1640 г. в 52-летнем возрасте Гоббс сделал набросок своего философского учения. Его труд «Основы философии» по замыслу автора должен был состоять из трех частей — «О теле», «О человеке», «О гражданине». Начавшаяся революция сделала наиболее актуальными размышления «О гражданине» (1642). В 1651 г. выходит его знаменитый «Левиафан». Примечательно само название. Левиафан — библейское чудовище, олицетворявшее государственную власть. С реставрацией Стюартов в жизни Гоббса произошли значительные осложнения. Поскольку в Левиафане высказывались возражения против стремления церковников подчинить своему руководству власть и общество, его произведения «Левиафан» и «О гражданине» были внесены в папский «Индекс запрещенных книг».

В контексте полного отрицания теологии звучит его концепция двух истин. Понятие истины, по мнению мыслителя, применимо лишь к философии, отождествляемой с наукой! Философию Гоббс истолковывает как систему действий познающего ума, который от известных причин идет к объяснению действий и от тех или иных явлений приходит к породившим их основаниям. Его отношение к теологии хорошо выражено следующим изречением: «Пилули религиозной веры следует проглатывать, не разжевывая». Поэтому понятно, почему в Англии XVII в. всякого вольнодумца называли «гоббистом».

Автор «Левиафана», разделяя позиции эмпиризма и сенсуализма, согласен, что «нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах, ощущениях». Философия Гоббса суха и аскетична, но именно таковой ее хочет видеть мыслитель. По его мнению, «истинная философия отвергает не только словесные румяна и белила, но и всякие прикрасы. Первые основы всякой науки действительно далеко не ослепляют своим блеском — они скорее являются невзрачно сухими и почти безобразными».

В центре философских интересов Гоббса стоит человек. Он одно из тел, наряду с прочими природными и физическими телами. Поэтому в объяснении человеческой жизнедеятельности и человеческой души у Гоббса преобладает механистический подход. Жизнь есть движение членов, сердце — пружина, нервы — нити, а суставы — колеса, сообщающие движение всей машине человеческого тела.

В человеке он подчеркивал его эгоистическую природу. Стремление человека к самосохранению приближает его к животному миру. «Люди от природы подвержены жадности, страху, гневу и остальным животным страстям», они ищут выгод и почета, действуют ради пользы или славы, т.е. ради любви к себе, а не к другим».

Любой народ, по мнению автора «Левиафана», проходит две стадии развития: догосударственную или естественную, которая сменяется государственной. Мыслитель ярко живописует чувственную природу людей, их алчность, присущую им в естественном состоянии. Свои выводы он резюмирует, используя древнеримскую поговорку: «Человек человеку волк». Естественное состояние обозначает непрерывную войну каждого с каждым. Однако такая война обречена на самоистребление. И поэтому естественное, догосударственное состояние должно смениться государственным.

В «Левиафане» можно почерпнуть непреходящие по своему значению образцы интеллектуальных достижений. Гоббс по-новому высвечивает роль речи. Он уверен, что именно человеческая речь может помочь выйти из индивидуалистического одиночества. «Без языка люди бы жили одиноко, каждый из них замыкался бы в себе и не общался бы с другими», «без способности к речи у людей не было бы ни государства, ни общества, ни договора, ни мира, так же как нет этого у львов, медведей и волков».

Люди, в противоположность естественной, сугубо эгоистической природе человека, должны

стать на путь общественного договора. Ибо даже плохой мир лучше войны. И конечно же, у Гоббса огромное значение придается широко известному правилу, зафиксированному еще в евангелиях: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе». В теории естественной природы человека Гоббса эта максима есть одновременно и самоограничение первобытного эгоизма. В историю философии Гоббс вошел как материалист и натуралист, он имел мало сторонников в эпоху, когда религия оставалась самой мощной идеологической силой. Материалистические воззрения Гоббса были развиты его соотечественником Локком.

О философии *Дж.Локка* (1632—1704) впоследствии скажут, что она — одно из ключевых звеньев не только в истории британского эмпиризма, но и в развитии всей материалистической мысли и в становлении научной гносеологии. Замысел основного сочинения Локка — «Опыты о человеческом разуме», в котором исследовались бы познавательные способности человека, **возник** в 1671 г., когда Локку было около 30 лет. Работа длилась на протяжении 19 лет, было осознано, что «мусор на пути науки — это теологически-схоластические представления, сковывающие естественный процесс развития человеческого разума, способности которого к познанию определяются ощущениями, опытом, выступающими в качестве источника знаний».

Основным содержанием локковских «Опытов» была критика врожденных идей. Схоластика искала истоки знания в душе и разуме человека, в котором в готовом виде запечатлены основополагающие принципы и идеи. Опираясь на данные этнографии и, как бы мы сказали сейчас, возрастной психологии, Локк опровергает саму возможность врожденных идей. Ни детям, ни идиотам, ни диким народам, ни множеству необразованного люда врожденные логические принципы неведомы. За всеми общими принципами неизбежно скрывается опыт. Локк отвергал «схоластическое всезнание» и понимал необходимость сужения и специализацию знания как важнейшее средство повышения его содержательности. Никто не обязан знать «все», — и далее: «Надо знать не все, а то, что важно для . нашего поведения». Бэконовский лозунг «Знание — сила» Локк пытается переинтерпретировать лично и субъективно. «Знание своих познавательных способностей предохранит вас от скептицизма и умственной бездеятельности».

Локк выделяет две разновидности опыта, объясняющие происхождение всех наших идей. Идеи внешнего опыта мы получаем посредством зрения, слуха, осязания и других органов чувств. Однако люди могут иметь еще и идеи о своей собственной деятельности, психических состояниях, чувстве радости, печали, гордости. Эта деятельность названа Локком размышлениями или рефлексией. В деятельности внутреннего опыта познавательные процессы неотделимы от волевых и эмоциональных. За этой важнейшей проблемой двух родов опыта встала проблема первичных и вторичных качеств. Первичные качества — это неотъемлемые свойства всех без исключения тел. Это протяженность, форма, движение, число, покой. К ним Локк прибавляет еще и плотность — непроницаемость. Вторичные — это всегда изменчивые качества, доводимые до нашего сознания органами наших чувств: цвет — глазами, звуки — ушами, запахи — обонянием, вкусы — органами

рта. О них в «Опытах» Локк пишет: «Идеи первичных качеств суть сходства, вторичных — нет... То, что является сладким, голубым или теплым в идее, то в самих телах есть только известный объем, форма, движение незаметных частиц».

Локк стремится выявить разновидности простых идей, из комбинатории которых возникают сложные. Так, идеи формы движения и покоя, теплого, холодного и цветного — это простые идеи внешнего опыта. Простые идеи рефлексии — это идеи мышления и хотения, разума и воли. Сложные идеи, например идеи субстанции, состояния, отношения или идея друга, предполагают комбинацию простых. В последних присутствуют и понятия любви, и расположения, и действия.

Знание Локк делит на интуитивное и демонстративное (выводное, доказательное). В совокупности они образуют умозрительное знание. Третью разновидность Локк называет сенситивным знанием, знанием относительно внешних предметов, получаемым нашими ощущениями. Оно с необходимостью свидетельствует о существовании единичного предмета и самого внешнего мира. Однако Локк нередко сбивается на путь одностороннего сенсуализма и эмпиризма.

Немало написано Локком на религиозно-политические темы: «Письма о веротерпимости», «Два трактата о государственном правлении», «Некоторые письма о воспитании». Следуя примеру Гассенди, Локк отрицает даже врожденность идеи Бога, указывая на существование атеистов и сам феномен атеизма.

Рационализм и сенсуализм. В философии Нового времени наряду с ярко выраженным эмпиризмом существовал и рационализм. В поисках ответа на вопрос, как следует понимать рационализм и рациональность, заметим, что **рационализм** (от лат. *ratio* — разум) есть прежде всего определенный способ объяснения мира, где доминирующая роль принадлежит разуму. Рациональность опосредована предварительной работой мысли, она предполагает построение схем деятельности в идеальном плане, связана с целесообразностью и общезначимостью. Если вы рационалист, то вы предваряете все свои действия их апробацией в мыслительном, идеальном плане, для вас главенствующей является идея, вы предпочитаете следовать общезначимой норме.

Об открытии рациональности говорят, имея в виду способность мышления работать с идеальными объектами и способность слова отражать мир понятийно. В этом смысле открытие рациональности приписывают античности и, в частности, учению Платона об «идеях» как основаниях мира сущности. За европейской цивилизацией изначально закрепилось значение рациональной цивилизации. Ей присущ дух разумного и рассудочного подхода к действительности, практично-прагматического способа решения проблем. Онтологический рационализм исходит из убеждения, что мир разумен и в основе бытия лежит некое разумное начало. С новой силой, после засилия в средневековые теологии, рационализм заявил о себе в эпоху Нового времени. К рационалистам причисляют Декарта, Лейбница, Фихте, Гегеля. Последнему принадлежит

программный тезис онтологического рационализма: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно».

Гносеологический рационализм (рационализм в познании) объявляет главным источником познавательной деятельности не опыт и эксперимент, а разум и независимые от опыта идеи. Он занят выяснением всеобщего и необходимого содержания познания, независимого от мира чувственных впечатлений. Этический рационализм предписывает каждому индивиду следовать нормам нравственности, утверждая, что в основе этических действий лежит разум. (Родоначальником и главным представителем этического рационализма считается Сократ.)

Рационализм противостоит сенсуализму и иррационализму. Сенсуализм (от лат. *sensus* — восприятие, чувство, ощущение) провозглашает в отличие от рационализма в качестве источника и основы познания человеческую чувственность. Все содержание познания выводится из деятельности органов чувств. Сенсуализм имеет две формы: материалистическую и идеалистическую. Материалистический сенсуализм именно в ощущениях видит связь человека с внешним миром, показания органов чувств трактует как тот канал, который обеспечивает адекватное отражение внешнего мира. Наиболее последовательным представителем этого направления в античности был Эпикур. Позиции умеренного сенсуализма занимали стоики. Именно они пришли к выводу, что человеческое сознание первоначально представляет собой чистую доску (*tabula rasa*), на которой опыт записывает свои данные. Сенсуалистам принадлежит и еще одна крылатая фраза: «Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах». Этим сенсуализм подчеркивал роль опытного знания. К сенсуалистам относят Бэкона, Гоббса, Локка, Гельвеция, Дидро, Гольбаха.

Идеалистический сенсуализм утверждает, что органы чувств сообщают человеку только данные относительно его собственного состояния, но никак не об объективно существующем вне субъекта мире. Так думал Беркли, заявляя, что вещи есть комплексы ощущений. К идеалистическому сенсуализму тяготел и Юм.

В современной философии преодолеваются ограничения абсолютизации как рационализма, так и сенсуализма. Процесс познания предстает как сложный процесс взаимосвязи и взаимодействия чувственного и рационального, включающий в себя и данные органов чувств и процедуры их умственного, логического упорядочивания, рациональные и чувственные формы познания.

«Мыслю, следовательно, существую», — говорил французский философ *Р.Декарт* (1596—1650). Он как яркий представитель рационализма уверен, что источником истины может быть только разум. Отвергнув обычаи, традиции, авторитет, необходимо во главу угла поставить знания, проверенные разумом. Этому способствует эффективный метод, опирающийся на четыре правила'

- принимать за истинное только то, что не дает никакого повода к сомнению;
- разлагать сложные проблемы на простые компоненты;
- располагать простые элементы в строгой последовательности;

- составлять полные перечни имеющихся элементов.

Классификация наук у Декарта уподобляется дереву. Корневищем является метафизика (наука о первопричинах), стволом — физика, крона включает в себя медицину, механику и этику.

Поскольку необходимо отбрасывать все, в чем сомневаешься (а это чувства, которые обманывают; образы, которые неустойчивы; понятия, которые бывают ошибочны), то предельным основанием, свидетельствующим о нашем собственном существовании, является акт сомнения. Тот, кто осуществляет акт сомнения, бесспорно, существует, отсюда знаменитое «*cogito ergo sum*» — «мыслю, следовательно, существую».

Р.Декарт вошел в историю философской мысли и как яркий представитель дуализма. Радикальный механицизм Декарта привел его к представлению о полной бездуховности материи. Материальная телесная субстанция в качестве своего атрибута имела лишь протяжение в длину, ширину и глубину. Она исключала абсолютную пустоту, но наделялась способностью к движению, т.е. разделению, перемещению и изменению телесных частиц.

Духовная жизнь представала перед философом в ее наиболее специфических проявлениях как познавательно-мыслительная деятельность, как интеллектуальная интуиция и дедукция. За понимаемой таким образом духовной субстанцией он закрепил прочное убеждение в ее бестелесности. И хоть Декарт выступил одним из родоначальников новой философии и новой науки, у него можно обнаружить как бы оставленное в наследство от средневековой философии употребление термина «субстанция» для осмысления индивидуальной вещи, а также провозглашенный им особый автономный статус двух важнейших универсальных и бесконечных субстанций: мышления и протяженности. Декартово «мыслю, следовательно, существую» говорит о безусловном превосходстве умопостигаемого над телесным. Декарт доказывает, что субстанция мыслящая неделима и открыта каждому Я — разумному существу непосредственно, в то время как субстанция протяженная — опосредованно. Неделимая субстанция — ум — предмет изучения метафизики, делимая — протяженность — предмет физики.

Рационализм Лейбница и его учение о монадах явились значительной вехой философии Нового времени. *Г.В.Лейбниц* (1646— 1716) немецкий философ-идеалист, математик, физик, изобретатель, юрист, историк и языковед явился предшественником немецкой классической философии. Несмотря на огромные научные успехи, Лейбниц отказывается от карьеры академического профессора. Причиной тому — серьезное отставание университетов от запросов науки. В XVII в. без естественных наук не могла уже обойтись ни экономика, ни военное дело. Появились новые организационные формы — академии наук, Королевское общество в Лондоне и в Париже. Многие выдающиеся ученые той эпохи, в частности Декарт, Гоббс, Спиноза, не связывали свою профессиональную деятельности с университетами.

Ведущие научные интересы Лейбница сводились к механике, объяснявшей природные явления пространственным перемещением. Ученый освоил и счетную технику, ознакомился с проектами

счетной машины Паскаля и разработал свой вариант машины, которая открыла новую эру счетно-решающих устройств. За это изобретение Лондонское Королевское общество избрало Лейбница своим членом. Впоследствии Норберт Винер — отец кибернетики назвал Лейбница предшественником и вдохновителем. Независимо от Лейбница к открытию математического анализа подошел и Исаак Ньютон. Но именно Лейбницу принадлежит честь введения в обиход математической мысли терминов: «алгоритм», «функция», «дифференциал», «дифференциальное исчисление», «координаты».

Наследие Лейбница — это выдающийся образец рационалистической философии и методологии. Суть ее состоит в признании решающей роли в процессе достижения истины способностей человеческого ума. Не отвергая значения опыта, рационалисты отводя¹ ему второстепенную роль Опыт подтверждает истины, открывшиеся уму, может служить основанием для многообразных открытий. Однако достижения самих истин всеобщего и необходимого характера опыт обеспечить не может. Поэтому в рационализме исходные положения трактовались как интуитивные. Именно от них началась непрерывная цепь дедуктивно-логического следования. Интуиция, в которой, по мнению Р.Декарта, концентрируется естественный свет разума, является центральной в рационалистической методологии. У Декарта интуиция — это понятие ясного и отчетливого ума, хотя он не дает определения, что следует считать ясным и отчетливым. У Лейбница интуитивные истины — это первичные истины, которые основываются на законе тождества. Они выражены посредством аналитических суждений, в которых предикат раскрывает признаки, содержащиеся в субъекте. Математические истины основываются на логическом законе противоречия.

В противоположность этим разумным истинам существуют истины факта, т.е. случайные истины. Для осмысления истин факта Лейбниц вводит закон достаточного основания. Закон достаточного основания, согласно которому все, что происходит, происходит на основании чего-нибудь, стал фундаментом принципа причинности (каузальности).

Лейбниц опровергал воззрение, согласно которому нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах, и соответствующее ему истолкование человеческой души как некоей изначальной чистой доски (*tabula rasa*), на которой опыт пишет свои письмена. На это Лейбниц остроумно заметил: «Нет ничего в разуме, чего ранее не было бы в чувствах... кроме самого разума, который не выводим ни из каких чувств». Вместо понимания души как чистой доски, Лейбниц ввел представление о ней как о глыбе мрамора, прожилки которой намечают формы будущей статуи.

Лейбниц стоял на позициях деизма. Отличие последнего от официального вероисповедания было в том, что здесь утверждалась вне природность божественного существа. Именно интеллектуализирующая функция Бога, разрешающая познавательные усилия человека, отражена в словосочетании «Надмировой разум», которое Лейбниц употребляет достаточно часто.

Лейбницеvский Бог творит многообразие субстанций, именуемых монадами (от греч. *monas* —

род, единое, единица). Монады Лейбница абсолютно просты, лишены частей и представляют собой некие непространственные точки. Главным атрибутом монады является сила. Монадам приписывают отрицательные качества: неделимость, неуничтожимость, нематериальность, неповторимость и положительные качества: самодостаточность, саморазвитие, психическую активность, проявляющуюся в перцепции и апперцепции.

Все многообразие монад Лейбниц делит на три разновидности: голые, души и духи. Голые — примитивные монады, бесконечно малые перцепции, образуют то, что мы называем неорганической природой. Душами называются монады, восприятие которых сопровождается ощущением и памятью. Лейбниц опровергает как взгляды Декарта, трактовавшего животное как машину, так и идею о метам-психозе (переселении душ), называя схоластическим предрассудком представление, будто душа может существовать без тела. По его мнению, душа роднит животный организм и человеческий, но в последнем она трансформируется в дух. Понятие дух означает всю сферу человеческого сознания. Любой монаде присуще стремление к познанию, и лишь в духе оно доходит до полной своей реализации в качестве саморефлексии.

Каждая монада сугубо индивидуальна, замкнута в себе и не имеет окон. Однако философ называет каждую монаду живым зеркалом универсума и использует древнюю идею о тождестве микро-и макрокосмоса. Как же может быть объяснима величайшая согласованность в результатах деятельности всех индивидуальных монад? Эта согласованность составляет всеобщую гармонию универсума, источником которой, по мнению Лейбница, является Божественная мудрость. Именно она так «запрограммировала» деятельность монад в «наилучшем из возможных миров», что совокупный результат есть закономерный упорядоченный универсум. В этом смысле учение Лейбница о предустановленной гармонии составляет главное содержание его деистической философии. Благодаря этой предустановленной гармонии возникает гармония между сущностью и явлением, между причиной и следствием, душой и телом.

В Новое время власть разума проявляется не только в политике и науке, но и в сфере этики. Человек освобождается от опеки религии, человеческая совесть оказывается свободной в выборе мировоззрения. Отношения между людьми в обществе перестают быть религиозно обусловленными.

Б.Спиноза (1632—1677) — нидерландский философ, вошел в историю философии как приверженец пантеизма. Это философское учение, объединявшее Бога и мир, иногда полностью отождествляло их. Натуралистическая тенденция пантеизма растворяла Бога в природе, тем самым отрицая его. На место Бога ставилась субстанция как причина самой себя, самодостаточная и самообуславливающая себя сущность, содержащая в себе потенции всех последующих состояний. Спиноза выступил с идеей очищения идеи Бога от всего личностного. В «Богословско-политическом трактате» он призывает к анализу Библии и отрицает идею богоизбранности еврейского народа. Бог — природа-субстанция — таково основное кредо мыслителя. Для целостной оценки пантеизма и понимания его роли в истории интеллектуальной мысли важно иметь в виду, что Ватиканский собор

1870 г. охарактеризовал пантеистов как безбожников.

В Спинозовской категории субстанции зафиксирована идея абсолютного начала, первоосновы, которая для своего обоснования не нуждается в основаниях, ей предшествующих. Субстанция самодостаточна. Именно это удачно выразил Б.Спиноза в словах «causa sui» — «причина самой себя». «Под субстанцией я разумею то: что существует само по себе и существует само через себя, то есть то, представления чего не нуждаются в другой вещи, из которой оно могло образоваться».

С одной стороны, субстанция понимается как материя, с другой — она выступает причиной и «субъектом» своих формообразований. Это заставляет Спинозу определить субстанцию одновременно и как природу, и как Бога, отождествить два эти понятия. Однако Спиноза полностью растворял Бога в природе, он стремился к его натурализации и устранению собственно теологического содержания.

В силу того, что субстанция есть первопричина, все в себя включающая и не предполагающая никакого иного основания или условия для себя самой, она исключает возможность любого независимого от нее образования. Будь то Бог, идея, самосознание, душа или экзистенция — субстанция единственна! Применение понятия «субстанция» во множественном числе невозможно. Определению этого понятия противоречит идея о множественности субстанций, так как при наличии двух или нескольких претендующих на подобный статус образований ни одно из них не является таковым. В этом состоит парадокс субстанциональности.

Когда алхимики охотно пользовались данным термином во множественном числе, говоря о «субстанциональных формах», «субстанциональных качествах», они вкладывали в него грубо физикалистское значение. Субстанция в данном случае отождествлялась с веществом. Субстанциональные свойства и формы были неизменны, однако при соответствующих процедурах могли превращаться друг в друга.

Самореализация субстанции происходит в атрибутах — всеобщих, неотъемлемых свойствах и модусах — конкретных, частных свойствах предметов. Признанием мышления и протяжения атрибутами единой субстанции Спиноза преодолел ту формальную трудность в определении субстанции, которая имела место и в средневековой схоластической философии, и в философии Декарта. Различение двух субстанций: духовной и телесной, что с логической точки зрения неправомерно и чревато массой трудностей, формировало установку дуализма. Когда мышление и протяжение рассматривались как два независимых друг от друга самостоятельных начала, трудно было понять, как синхронизируются в своих действиях «душа» и «тело» и как вообще «тело» способно стать мыслящим. По определению Спинозы, субстанция представала в качестве единой первоосновы всего существующего, первоосновы, все в себя вбирающей и не нуждающейся ни в чем для своего обоснования.

Французский материализм XVIII в. Философско-теоретическими источниками французского материализма XVIII в. явились картезианская физика, английский материализм и физическое учение

Ньютона. Это обусловило два направления французского материализма, которые вели свое начало от Декарта и Локка. Главным представителем первого был французский материалист *Ж.деЛаметри* (1709—1751). Его материализм преимущественно механистический, потому что из всех наук только механика достигла известной законченности. В глазах материалистов XVIII в. человек был машиной. Врач Ламетри в своем главном труде «Человек — машина» провозгласил программу опытного изучения жизненных процессов. Неорганическое, органическое, животное представляются ему различными формами единой материальной субстанции. Теория познания строится на позициях материалистического сенсуализма. Мыслительная деятельность понимается как сравнение и комбинирование представлений, возникших на основе ощущений и сохраняемых памятью представлений. Ламетри относят к вульгарным материалистам. Вместе с тем для него характерно признание решающей роли Просвещения, сознательной деятельности выдающихся людей в истории. Ему удалось показать уязвимость дуализма, особенно в воззрениях на человека. Не случайно одно из известнейших произведений Ламетри носило название «Естественная история души». Когда он как врач ставил на себе эксперимент (заболев горячкой, наблюдал за ее течением), он пришел к обоснованному выводу о том, что духовная деятельность определяется телесной организацией. Ламетри предлагал многочисленные аргументы в пользу монистически-материалистического воззрения. Он был уверен, что существует единая материальная субстанция, которая бесконечно совершенствуется. Присущие ей способности ощущать и мыслить обнаруживаются в организованных телах. Сами способности ощущать и мыслить связаны с воздействием внешних тел на мозг. Поэтому именно внешний мир отражается «на мозговом экране», а сами потребности тела, по мнению Ламетри, выступают «мерилом ума».

Главным представителем второго направления французского материализма был *К. Гельвеций* (1715—1771). Во многом исходя из Локка, он считал, что чувственное познание — это только первый шаг познающего мышления. Наблюдать, обобщать и извлекать заключения из чувственных впечатлений предстоит уму. Главным произведением Гельвеция является трактат «Об уме». Самой основополагающей способностью ума, по Гельвецию, следует считать сравнение. Сам же процесс познания предполагает признание неограниченных познавательных возможностей человека эпохи Просвещения.

Французский мыслитель XVIII в. *П.Гольбах* (1723—1789) последовательно проводил предложенную Спинозой идею натурализации субстанции. Он перенес все субстанциональные определения на природу, и только на природу. «Природа есть причина всего; она существует благодаря самой себе; она будет существовать и действовать вечно; она — своя собственная причина...». «Природа вовсе не есть какое-то изделие; она всегда существовала сама по себе; в ее лоне зарождается все; она колоссальная мастерская, снабженная всеми материалами...» В этом смысле она не нуждается ни в каком извне идущем импульсе. Всякая подлинная субстанция только и делает, что

В своем труде «Система природы», которую современники называли «Библией материализма», он обосновывал идею саморазвития Вселенной, которая одновременно есть великое целое и вне которого ничего существовать не может. Гольбах не был уверен в том, что религия содействует улучшению нравов. Он указывал на бедствия, страдания, обман, незнание, страх и воображение как на факторы, порождающие религию. Понятие Бога есть не что иное как перенесение качеств человека на природу и поклонение продуктам собственной фантазии.

Исключительное приложение масштаба механики к химической и органической природы, в области которых механические законы хотя и действуют, но отступают перед другими, более высокими законами, составляет первую неизбежную ограниченность французского материализма. Помещенный в центр внимания всех французских материалистов человек, которого они пытаются объяснить как часть природы, т.е. натуралистически, составляет другую отличительную особенность. Природа существует сама по себе и не нуждается ни в каком сверхприродном начале. От природы человек добр, злым его делают недостаток образования и несовершенные нравы. Таким образом, исправить мир можно только путем просвещения.

Немецкая классическая философия. Немецкая классическая философия представлена именами И.Канта, И.Фихте, Ф.Шеллинга, - Г.Гегеля, Л.Фейербаха и др. Она по-новому поставила многие философские и мировоззренческие проблемы, которые не в состоянии были решить ни рационализм, ни эмпиризм, ни просвещение.

И.Кант (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии вошел в сокровищницу интеллектуальной мысли своими знаменитыми вопросами: «Что я могу знать? На что я могу надеяться? В чем смысл жизни и что такое человек?». «Докритический» период его деятельности представлен естественнонаучными воззрениями. Небулярная гипотеза о происхождении Вселенной, доказательства эмпиричности постулата о трехмерности пространства, труд «Всеобщая естественная история и теория неба» (гипотеза о замедленном вращении Земли из-за приливов и отливов) свидетельствуют о том, что в первый («докритический») период его интересовали проблемы онтологии, космологии, идея развития мира, а также вопрос о том, как возможна метафизика как наука.

«Критический» период его творчества приводит к выводу о разделении мира на мир явлений феноменов и мир непознаваемых вещей-в-себе (ноуменов). В гносеологии Кант исходит из критики познавательных возможностей человека, просвещения, образования, ставит вопрос о границах научного знания и структуре мышления.

Подлинное знание должно обладать статусом всеобщности и необходимости. Суждения, полученные из опыта, этими признаками не обладают, так как опыт ограничен. Кант вводит понятие об «априорном» (доопытном, независимом от опыта) знании. Необходимые и всеобщие суждения суть априорные суждения, источник их происхождения в самой структуре познавательных

способностей. Субъект набрасывает на мир сеть категорий (априорных форм рассудка) и квантует моделирует мир в априорных формах чувствительности (пространство и время). Таким образом, для Канта познание действительности возможно благодаря созерцанию, а формами созерцания является пространство и время. Пространство и время у Канта носят; идеальный характер, это априорные формы нашей чувственности. Воспринимая, мы подводим предметы, данные в созерцании, под понятия.

Требования долга Кант подводит под формулу категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать основой всеобщего законодательства». Другая формулировка категорического императива уточняет: «Относись к человеку как к цели, но никак не как к средству».

И.Кант уделяет особое внимание теологическим доказательствам бытия Бога, раскрывает их логическую структуру и показывает что они постулативны. Он уверен, что религия необходима в целях? сохранения нравственных и моральных основ общества. Необходимость религии коренится в этической плоскости. Бессмертие, свобода, Бог — не теоретические догматы, но предположения для необходимого практического стремления. В трактате «Религия в пределах только разума» речь идет о том, что ни чудес, превышающий возможность закономерности, ни божественной тайны, превышающей возможности духа, нет. Вера в Бога поддерживает уверенность в собственных силах.

Философия религии Канта непосредственно примыкает к его этике. Мораль неизбежно ведет к религии. Человек, по Канту, никогда не свободен от вины. В связи с чем А.Швейцер, защитивший диссертацию по проблемам философии религии И.Канта, сказал: «Спокойная совесть — изобретение дьявола». Страх породил богов, боги — запреты. Боязнь нарушить табу стала основой потребности в искупительной жертве. Когда жертвоприношение превращается в самопожертвование, происходит «нравственно-религиозная революция».

При сопоставлении ветхозаветной и христианской религии Кант делает вывод, что десять библейских заповедей изложены в Ветхом Завете как «принудительные законы». Они устремлены на внешнюю сторону дела, в них нет требования морального образа мыслей.

Размышляя о развитии религии, Кант говорит о первоначальном безрелигиозном состоянии людей, затем упоминает — первый и несовершенный тип религии «богослужебный». Он рассчитан на снискание благосклонности высшего существа на основе жертв, обрядов и заповедей. Речь идет о своеобразной сделке, где священник выступает в роли посредника. Высший этап в раз это вера разума. Она представляет собой чистую бескорыстную веру в добро, она обязывает к внутреннему совершенствованию. Священник в данном случае просто наставник, а церковь — место собраний для поучений. «Страх породил богов, а боги установили запреты, но потом, - говорит Кант, — в дело включилась совесть». Именно она является главным регулятором религиозности. Совесть означает совместное ведание, знание; образ другого знающего, от которого нельзя спрятаться, вплетается в мое самосознание. Я совершил проступок, никто не может уличить меня в содеянном, и все же я чувствую, что есть свидетель и обвинитель. Совесть — это страх, ушедший внутрь, направленный на

самого себя. Самый страшный вид страха. В церковной вере он объективирован в виде Бога, который устанавливает заповеди и карает за их нарушение, но прощение и милость которого можно снискать. В чистой религии разума сделка с Богом (т.е. сделка с совестью) невозможна. Остается только не нарушать запреты, следуя категорическому императиву. Кант отвергает все религиозные атрибуты, молитву, хождение в церковь, ритуальные обряды. Бог — это моральный закон. Христианство понимается как программа человеколюбия.

Три доказательства бытия Бога — космологическое, физикотелеологическое и онтологическое, по мнению Канта, содержат в себе логические ошибки. Суть онтологического доказательства в том, что Бог — наисовершеннейшее существо, создавшее этот мир. Однако, если Бог не будет обладать предикатом существования и бытия, то он несовершенен. Кант указывает на противоречие, состоящее в том, что понятие существования введено в понятие вещи, мыслимой только лишь как возможная, и обращает внимание на то, что понятие не есть бытие. Подобная ошибка, по мнению мыслителя, содержится и в космологическом доказательстве бытия Бога. Существование мира требует причины, в качестве которой выступает Бог. Однако это всего лишь допущение, и нельзя настаивать на том, что подобная мысль обладает статусом бытийственности. Понятие не есть бытие.

В физико-телеологическом доказательстве речь идет о всеобщей целесообразности, которую мы обнаруживаем в природе и предполагаем ее как следствие деятельности Творца. Однако такое предположение — вновь повторение все той же ошибки. Произвольная мысль наделяется признаком реальности. Чтобы объяснять явления природы, Бог не нужен. Когда же речь заходит о поведении человека, то идея высшего существа может быть весьма и весьма полезной.

Кант отличает три вида веры. Прагматическая — вера человека в свою правоту в каждом конкретном случае. Доктринальная — вера в общие положения. Вера моральная — есть вера, которую ничто не может поколебать. Моральная вера выше знания, она реализуется в поведении.

Фиксация антиномичности разума — великая заслуга мыслителя. В антиномиях Канта делались попытки с равным успехом доказать или опровергнуть идею конечности — бесконечности мира. Если мир имеет начало во времени, значит, существовало чистое время, в котором до начала мира ничего не было, но из этого «ничего» не мог возникнуть мир. Если предположить, что мир не имеет начала в пространстве и времени, из этого следует, что до сегодняшнего момента прошла бесконечность, т.е. всякому событию предшествовал бы бесконечный период времени, а сегодня он кончился, и Вселенная почему-то возникла в данный момент времени, что также маловероятно.

Причина антиномий в изначальном дуализме феноменов — вещей-для-нас и ноуменов — вещей-в-себе. Мир как целое, бесконечность — не принадлежит царству феноменов. Фиксируя антиномии, разум выходит за свои границы, но ноумен непознаваем.

Г.Гегелю (1770—1831) — объективному идеалисту, представителю немецкой классической идеалистической философии принадлежит знаменитое суждение: «Что действительно, то разумно, что разумно, то действительно». У романтика Гете можно найти контрпример: «Сущее не делится на

разум без остатка». Осмысляя все «за» и «против», Гегель уточняет, что «истинно действителен» только Бог, Примечательно, что самая первая работа Гегеля носила название «Народная религия и христианство». Она осталась незавершенной и была издана лишь много лет спустя после смерти философа.

По Гегелю, мировой процесс есть процесс становления Мирового духа или Абсолютной идеи. Этот процесс запечатлен в формообразованиях его перехода в свое инобытие — в неорганическую и органическую природу. Он венчается созданием подлинного модуса (или органа), способного осуществить познание Мирового духа — человека. Абсолютная идея, развивающаяся по принципу триады: тезис, антитезис, синтез, выступает в трех формах: чистых логических сущностей, инобытия идеи — природы, формах конкретного духа. Тем самым означаются три части гегелевской системы: логика, философия природы, философия духа.

Первым предметом философской рефлексии должно быть мышление, а первой философской наукой — наука Логики. Мышление представлено тремя уровнями: рассудочным, диалектико-разумным и спекулятивно-разумным. Рассудок ищет конечные определения, но наталкивается на противоречия. Диалектический разум начинает искать тождество в этих противоположностях, взаимопереход конечных противоположных определений. В этом суть диалектического метода Гегеля. Когда же мыслитель вынужден выйти за пределы рассудка и наличного бытия, разумного взаимопроникновения противоположностей, он, «спекулируя», познает сущность явлений. Бытие, фиксируемое рассудком в опытном знании, от конкретных наук. Содержание конкретных наук, подвергаемое критике диалектическим разумом, собирается и концентрируется в философии. Спекулятивный разум ответственен за мировоззрение, которое отлично от мировоззрения, создаваемого системой наук.

Гегель развивает исторический подход и пытается представить историю смены верований как закономерный процесс. И если средневековые схоласты были уверены, что теология должна опираться на логику, то Гегель считает, что «истинное богословие» должно оперировать внутренними, диалектическими формами. Когда Гегель читал курс лекций на тему «Доказательства бытия Бога», аудитории были переполнены. Он демонстрировал свое диалектическое мастерство, знание логики и имел огромный успех.

Бог должен быть познан в его всеобщности. А это сфера разума и философии. Проблема всеобщности и индивидуальности религии решается Гегелем с указанием на то, что каждый индивид связан духом своего народа и обретает с момента рождения веру отцов, которая является для него святыней и авторитетом. И если для Канта религия — основа нравственности, то для Гегеля она — основа государства. Религиозный культ, регламентирующий жизнь и ритуальные действия, — необходимые условия государственного порядка. Сама религия представляется Гегелю как предшествующая философии ступень познания абсолютного духа, в несовершенных формах представления и веры.

В философское наследие Гегель привнес сформулированный им диалектический метод, принципы и универсальные законы развития. Закон единства и борьбы противоположностей указывает на источник развития, закон взаимоперехода количественных изменений в качественные выявляет механизм развития, закон отрицания отрицания показывает направление развития. Категориальная система гегелевской диалектики предполагает существование категориальных пар: всеобщее и единичное, необходимость и случайность, возможность и действительность, сущность и явление, причина и следствие, содержание и форма. Гегель разрабатывал принципы диалектического мышления: принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип соотношения исторического и логического.

Диалектику Гегель трактовал как умение отыскивать противоположности в развитии, т.е. как учение о развитии через противоречие. Однако сам Гегель оказался в парадоксальной ситуации. Доказав универсальность диалектического принципа — принципа развития, раскрыв его всеобщий механизм и источник — возникновение и борьбу противоположностей, он вместе с тем отрицал развитие в природе. У Гегеля природа не развивается, а лишь разнообразится во времени.

Гегелевская триада становления — тезис, антитезис, синтез — представляет собой весьма схематичный способ разрешения противоречий. Революционность диалектического метода, видящего на всем печать падения, бесконечного возникновения и уничтожения, и консервативность его системы, отчуждающей из абсолютной идеи мир природы, историю и в лице философа завершающей самопознание, указывает на глубинное противоречие философии мыслителя.

Антропологический материализм Л.Фейербаха (1804—1872). Фейербах отважился говорить о «религиозном происхождении» немецкого материализма. «Сущность христианства» и «Лекции о сущности религии» имеют значительное влияние и по сей день. О своем методе мыслитель писал так: «В чем же состоит мой метод? В том, чтобы посредством человека свести все сверхъестественное к природе и посредством природы все сверхчеловеческое свести к человеку...»

Все религии Фейербах разделил на естественные и духовные. Первые существовали на заре развития человеческой цивилизации и представляли собой обожествление природных явлений. Вторые обожествляли духовные свойства человека. Но и в том, и в другом случае главенствующим и конституирующим религию признаком становится чувство зависимости или от природы, или от социальных сил. Бог, по Фейербаху, есть объективированная абстракция, существующая в голове человека. В естественных религиях люди абстрагируют, отрывают от природы понятия о ее мощи и могуществе и затем объективируют их в виде непостижимой сакральной силы. В духовной религии этот механизм обращен на свойства и особенности человеческой природы. Разум, могущество, благо отделяются от человека и посредством силы воображения превращаются, гипостазируются в самостоятельное существо, в Бога.

Проанализировав отношения между христианством и язычеством, Фейербах пришел к выводу, что христианский Бог есть продукт длительного абстрагирования, отчуждения от человека его

сущности. Фейербах известен сведением религии к ее земной основе. Ведя речь о Боге, он отрицает его сверхъестественное происхождение. Рассматривая соотношение религии и морали, он уверен, что это противоречивые образования. Религия, догматы и вера отнимают у человека свободу, что аморально. Чувство зависимости от природы переходит в чувство зависимости от людей, в чувство взаимозависимости. Атеист Фейербах ратует за религию без Бога и за божественность любви.

Диалектика и метафизика. Если рассматривать типологию философского знания с учетом преобладания в нем тех или иных методов, то диалектика и метафизика предстают как типы философии и способы философствования. Термин «метафизика» не однозначен, и концентрирует в себе по крайней мере три значения. В первом метафизика понимается как учение о первоначалах и первоосновах бытия, постигаемых интеллигибельным способом, т.е. способом умопостижения. Второе значение связано с тем названием, которым комментатор наследия Аристотеля Андронник Родосский снабдил труд Стагирита, в котором разбирались вопросы, стоящие после физики. В этом смысле метафизика — это то, что после и поверх физики, и если физика изучает бытие природы, то метафизика рассматривает многочисленные смысложизненные проблемы. Третье значение метафизики представляло ее как антипод диалектики, т.е. как мировоззрение, не признающее противоречивое развитие. Причем метафизики могли тяготеть либо в сторону созерцательного, либо в сторону механистического материализма. Особняком стояли вульгарные материалисты, объясняющие специфику сознания и мышления конкретного индивида и человеческого рода в целом, ссылаясь на материальные факторы, например, апеллируя к пище, поглощаемой данным субъектом. Итак, метафизики (в третьем значении этого слова), в отличие от диалектиков, отрицали идею развития мироздания, мир мыслился как данный, готовый и сотворенный изначально. Если же идею развития в целом не признавать было невозможно, то она предельно упрощалась. Развитие мыслилось лишь как простое увеличение или уменьшение (мол, нечто было маленьким и выросло или, наоборот, уменьшилось), а не как сложный и противоречивый процесс отрицания предшествующего. Диалектики же признавали бесконечное, противоречивое и скачкообразное развитие мира. В онтологическом плане спор между диалектиками и метафизиками предполагал решение вопроса об атрибутивности движения. Вспоминается остроумная строфа из А.Пушкина:

«Движенья нет», — сказал мудрец брадатый.

Другой смолчал и стал пред ним ходить,

Сильнее бы не мог он возразить;

Хвалили все ответ замысловатый».

Так великий поэт в метафорической форме решил многовековой спор об атрибутивности движения. Сама же проблема атрибутивности движения заключалась в том, чтобы выяснить — действительно ли в мире нет и не может быть таких объектов, которые бы находились в состоянии абсолютного покоя, или же последнее возможно? Тогда движение — не атрибут (всеобщее, неотъемлемое, универсальное свойство) материи, а всего лишь модус (частное ее свойство, которое

может быть, а может и не быть). Это означает, что некоторые материальные тела находятся в движении, другие же нет, они пребывают в состоянии постоянного покоя. Но что тогда приводит эти иные тела в движение?

Античность в лице Гераклита, а затем и Эпикура обнаружила источник всякого движения в противоречивости внутренних процессов. Гераклит в наивно-образной форме, характеризуя огонь, «все возгорающий и все затухающий», как субстанцию всех изменений, выразил мысль о том, что материальная первооснова постоянно тождественна себе и в то же время находится в состоянии постоянного изменения. Итак, типологическое отличие метафизиков и диалектиков состояло в вопросе принятия или непринятия идеи противоречивости развития.

Заметим, однако, что древние понимали под диалектикой (от греч. *dialektike*) искусство вести беседу, эффективный спор. Считается, что диалектика родилась в Древней Греции и получила свое название от греческого глагола «разговаривать». Его впервые применил Сократ, обозначая им метод обсуждения проблемы с целью достижения истины путем противоборства мнений. Беседы или диалоги Сократа, известные по свидетельствам его ученика Платона, строились в форме вопросов и ответов. В начале беседы Сократ притворялся незнающим и просил просветить его. Однако затем при помощи последовательно задаваемых вопросов он приводит собеседника к пониманию того, что тот ничего не знает. Этот метод получил также название метода «сократической иронии».

Вслед за своим учителем Сократом Платон также понимал диалектику как диалог, логические операции мышления и прежде всего операции расчленения и связывания понятий (анализ и синтез). Поэтому диалектику иногда называют «тайной двойного». Древние очень высоко ценили диалектику как искусство, ведущее к истинному определению понятий. Диалектика входила в так называемый триумвират, который включал в себя еще логику и риторику. Все эти три дисциплины рассматривались как весьма близкие к искусству и требовали постоянных усилий при их овладении. Средневековая диалектика видела в борьбе божественного и дьявольского начал принцип динамики всего сущего.

В смысле, близком к современному, понятие диалектики как развития через противоречие впервые употребил Гегель. Тем не менее идея развития прочно утвердилась в естествознании. Открытие клеточного строения органического вещества, закона сохранения и превращения энергии, эволюционной теории полностью подтвердили выдвинутые философией предположения о всеобщности развития всех сфер универсума. Диалектика стала пониматься как учение о всеобщей связи и развитии. Диалектическая философия как тип философии провозглашала своим предметом именно сальные всеобщие закономерности, охватывающие природу, общество и мышление, а также выступала как учение о всеобщей связи.

Современные типы и направления философии. Когда мы задаемся вопросами: «Что есть бытие?», «Что есть мышление?» — мы получаем веер различных вариантов ответов. С течением времени они обрастают собственной аргументацией, методологическим инструментарием и

превращаются в философские направления. Так, например, если в бытии увидеть прежде всего те связи и закономерности, которые могут быть выявлены наукой и выражены в системе языка посредством знаково-символических средств с использованием формализации знания, то такой взгляд на бытие соответствует специальному направлению — позитивизму, поздней стадией которого является аналитическая философия. Здесь вопрос: «Что есть бытие?» упирается в анализ языка, проблеме корректности выражения тех или иных знаний. В рамках аналитической философии осуществился так называемый лингвистический поворот, и за основу всей философии стала приниматься философия языка.

Позитивизм, противопоставляя философию конкретным наукам, утверждал научное знание в качестве единственно позитивной формы освоения мира. Метафизика как синоним философии объявлялась лишенной смысла прежде всего с точки зрения логических норм языка. По мнению неопозитивистов, традиционные философские проблемы о смысле жизни, конечном и бесконечном, о первоначалах бытия и атрибутивности универсума формируются с помощью терминов, которые являются псевдопонятиями, так как их определения не поддаются проверке.

В этом же русле развивается философия науки, занятая проблемами научно-познавательной деятельности и отвечающая потребности осмыслить сам феномен науки, модели роста научного знания.

Если в поиске ответа, что такое бытие, философия останавливалась на позиции, фиксирующей прежде всего бытие как мир человеческого существования, который после двух мировых войн, глобальных цивилизационных потрясений предстал перед человечеством в терминах «заброшенность», «страх», «тревога», «метафизический ужас», «скука» и даже «тошнота», мы вступали в сферу экзистенциализма. Экзистенциальная философия развивалась в двух срезах как религиозная и как атеистическая. Религиозная экзистенциальная философия понимала бытие как веру и провозглашала акт веры, его проявление на горизонте человеческого бытия способом достижения «подлинного существования». Иной настрой присутствовал в атеистическом экзистенциализме. Бытийное существование Бога отрицается вследствие многочисленных противоречий в определении. Автономное и анонимно самодовлеющее бытие не может обладать сознанием, оно безжалостно к человеку. А это значит, что Бога нет!

Когда бытие прочитывалось как феномен жизни, как целостный органический процесс, предшествующий разделению материи и духа, о себе заявляло другое направление — философия жизни. Первичная жизненная реальность выступала в разных формах. В волюнтаризме Ницше она выступала как «воля во власти». У Бергсона жизнь — это космический прорыв, сутью которого является сознание и сверхсознание. У Дильтея и Зиммеля жизнь — поток переживаний, которые носят культурно-исторический характер. Однако во всех трактовках жизнь предстает как процесс творческого становления.

Бытие, понятое как действие, и прежде всего действие рационально продуктивное, вводит нас в

сферу прагматизма, получившего наибольшее распространение в США. Всякое действие направлено в будущее. Тезис М.Пирса — «Идея вещи есть идея ее чувственных последствий». Истина есть успешность и работоспособность той или иной идеи, ее полезность для достижения цели.

При отношении к бытию как к тайне, постигаемой интуитивно, мы сталкиваемся с интуитивизмом. Интуиция противостоит интеллекту и предполагает незаинтересованное погружение в предмет и преодоление дистанции между субъектом и объектом. В интуитивизме знание выступает в форме переживания. Если смысл бытия устанавливается посредством конституирующей деятельности сознания, смыслообразованием предметности, то мы затронули область феноменологии. Бытие схватывается сознанием. Его описание возможно в спонтанно смысловой жизни сознания. Феноменологический метод Гуссерля — это выявление и описание поля непосредственной смысловой сопряженности сознания и предмета.

Есть еще одно интересное направление философии, создающее свой специфический образ бытия. Когда бытие распадается на события и важен способ их истолкования и понимания, мы имеем дело с герменевтикой. В ее рамках понимающее толкование — основной способ, каким только и может осуществляться бытие. Реальность, на которую направлено познавательное усилие субъекта, всегда тем или иным способом проинтерпретирована. Для того, чтобы нечто понять, его необходимо объяснить, а для того, чтобы объяснить — понять. Это так называемый герменевтический круг, и задача состоит не в его размыкании, а в том, чтобы в него войти.

Все эти лики философии, сколь бы они ни различались, едины в том, что от имени философии предлагалось то или иное видение мира, назывались те или иные способы его освоения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чанышев А.Н. Курс по древней философии. М., 1981
2. Платон. Соч. В 3-х т. М., 1968-1971.
3. Аристотель. Соч. В 4-х т. М., 1976.
4. Философская энциклопедия. В 5 т. М., 1960— 1970.
5. Богомолов А.С. Диалектический логос. М., 1982.
6. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986.
7. Современная западная философия. Словарь. М., 1986.

Тема 3. ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ

Теокосмизм и космологическая зависимость человека. — Бесконечность Вселенной в релятивистской космологии. — Философское понимание конечного и бесконечного. — Эпоха ноосферы. — Проблема коэволюции. — Феномен пассионарности.

Установка, согласно которой в центр мироздания помещался человек, всегда именовалась антропоцентристской. Знаменитые слова античного софиста Протагора — «Человек есть мера всех вещей» — абсолютное ее выражение. Человекообразность становится одной из эталонных характеристик такого мира. Взаимодействие косной и органической природы, живого и неживого рассматривается с точки зрения человеческих потребностей, норм, идеалов, притязаний. Человек, соответственно, полагается основной и величайшей ценностью мироздания и Вселенной.

Однако, кроме антропоцентризма, при рассмотрении человека можно встретиться и с другими ориентациями. Это и натуралистическая ориентация, исходящая из культа природы, так называемый природоцентризм, и связанный с ним принцип натурализма. Здесь человек — дитя природы. Все его просчеты и недостатки так же правомерны и естественны, как и любые другие природные процессы. Это и космоцентризм — мировоззрение, указывающее на определяющее, детерминирующее влияние космоса, а также на «растворенность» человека в космических влияниях. Именно космические стихии осуществляют справедливое возмездие, возвеличивая универсальный закон всеобщего воздаяния.

Теокосмизм и космологическая зависимость человека. В современной литературе можно встретить и термин «теокосмизм», означающий разум космоса или космический разум. Иногда именно апелляции к этому высшему космическому разуму оказываются последней инстанцией при аргументации по поводу необходимости нового качественного развития человека и человечества в целом, его места во Вселенной. Высший космический разум как беспредпосылочное начало принимается за основную предпосылку, инициирующую активность, бесконечность движения и развития, одухотворенность всего и вся. Все менее и менее пренебрегают прогнозами о влиянии теокосмической идеи на планы и замыслы политиков, а также отдельных лиц в их обычной жизненной суете, разделенных по знакам зодиака и отнесенных по дате своего рождения к тем или иным годам, имеющим судьбоносные характеристики, связанные с повадками магического животного.

Взаимодействия человека и космоса были предметом пристальных размышлений ученых всех времен и народов. Космологии Аристотеля и Птолемея, астрономические системы *И.Кеплера* (1571 — 1630), Коперника и Галилея были направлены на изучение Вселенной. Кеплеру, например, принадлежит труд с примечательным названием «Гармония мира». Идея гармонии мира и образ находящегося в центре мира, объединяли и древнюю тайную мудрость герметизма, и новое видение мира, связанное с деятельностью прогрессивных ученых. Принцип, используемый Дж.Бруно

(1548—1600), а также Коперником, что Земля есть некоторый организм, части которого вынуждены двигаться вместе со всем целым, по свидетельству П.Фейерабенда, мог быть взят из герметической философии. Коперник однажды упоминает имя Гермеса Трисмегиста, обсуждая положение Солнца, а именно: «Однако в центре покоится солнце... которое Трисмегист называет видимым Богом». Поразительно, что уже в древней герметической философии фиксируется совершенно правильное восприятие гелиоцентрической Вселенной, которое основывается на весьма отличной от научно-рациональной в современном смысле этого слова аргументации. Однако для обоснования гелиоцентричности Вселенной европейской цивилизации потребовался длительный путь, исчисляемый веками и множеством заблуждений.

Космологическая зависимость человека была центральной проблемой для ученых-магов средневековья. Так, система Агриппы была построена на известном герметическом принципе — как высшее влияет на низшее, так и низшее влияет на высшее только в меньшей степени. Он был уверен, что мир имеет троякий характер: стихийный, небесный и интеллектуальный. Все низшее управляется высшим и от него получает свою силу. Скрытые свойства, получаемые вещами через посредство звездных лучей, могут быть найдены лишь путем догадки и опыта. Тот, кто хочет постичь мироздание, должен прежде всего знать, что всякая вещь тяготеет к себе подобной и всем своим существом притягивает к себе подобную. Это взаимное согласование древние греки называли «симпатией». Закон симпатии и антипатии имел значение еще в философии неоплатоников. Агриппой он был введен в ранг всеобщего закона природы и более двух столетий служил объяснительной моделью всех явлений. Так, понята магия получила название «натуральная философия».

Объяснительной моделью взаимодействия человека и Вселенной было соответствие микро- и макрокосма. Человек есть микрокосм и заключает в себе все элементы, числа, меры, движения. Мир— это макрокосм. Все однородное находится в условиях взаимного обмена, высшее господствует над низшим, но и низшее может действовать, привлекая к себе силы высшего. Поэтому магические операции основываются на действии единого всеобъемлющего закона природы, на целесообразном приложении сил природы. В этом суть великой реформации Агриппы, который хотел, чтобы ученых-магов считали не чернокнижниками, но носителями «высочайшей и священнейшей науки, постигающей законы взаимовлияния Вселенной и человека».

Известный под псевдонимом *Парацельс* немецкий врач и естествоиспытатель Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) опирался на астрологию и алхимию, основывался на глубочайшем знании природных процессов. Мироззрение Парацельса было насквозь пронизано принципом аналогии: микрокосм уподоблялся макрокосму, человек — Вселенной, его органы — небесным светилам: сердце — Солнцу, мозг — Луне, печень — Сатурну, почки — Юпитеру. Аналогии были распространены и на отношения между человеческими органами, растениями и минералами, а растения и минералы соотносились с небесными светилами. Из многовековой

практики алхимии Парацельс использовал аналогию, согласно которой ртуть соответствовала духу, соль — телу, сера — душе. Поэтому от любого заболевания он разыскивал лечение в природе. Он видел мир как сплетение и взаимосвязь различных возможностей.

Известный философ-утопист *Т. Кампанелла* (1568—1639) был известен не только как автор «Города Солнца», но и своей книгой «Об ощущении вещей и магии». Будучи уверенным, что «все наши действия возможны при условии действия неба», он очень высоко ценил астрологию и считал ее вполне научным занятием.

В фигуре знаменитого немецкого астронома *И. Кеплера* также сочетались характеристики ученого современного типа, который размышлял над законами космического механизма, и тяга к древним знаниям и идеям. Он увлекался астрологией, составлял гороскопы и всячески пропагандировал идею взаимного влияния небесных светил. Это весьма приемлемая и для современной науки идея о взаимодействии планет, имеющая свои корни в натурфилософии античности, давала плоды в астрологических гороскопах многих эпох. Как сообщают исследователи, именно Кеплер ввел термин «инерция» для обозначения «лени» планет. Идея относительной гармонии мира, которую могут воспринимать мудрецы с особо тонким слухом, привела Кеплера к созданию его знаменитого произведения «Гармонии мира» (1619). В наследство современной науке это произведение оставило математически точную зависимость между временем обращения планет вокруг Солнца и их расстоянием от него. Это так называемый третий закон Кеплера. Два других известных закона гласят:

- планеты движутся вокруг Солнца не по идеально круговым орбитам, как это представлялось Аристотелю, Птолемею, да и Копернику, а по эллиптическим;
- в движении планет по орбитам вокруг Солнца установлена неравномерность.

И хоть учебник коперниканской астрономии, опубликованный Кеплером, был внесен в «Индекс запрещенных книг» именно эпоха Ренессанса могла похвалиться тем, что была создана научная астрономия и произведена демаркация между астрономией астрологией.

Великие открытия, среди которых гелиоцентрическая система Коперника, теория эволюции путем естественного отбора Дарвина и психоанализ Фрейда, сыграли свою роль в низвержении человека ; высот, отражаемых сначала античной формулой: «Человек — мера всех вещей», а затем и ренессансным убеждением: «Человек — творец и венец творения». Бурное развитие науки и техники и устрашающие негативные последствия этого развития способствовали возникновению противоположной антропоцентризму ориентации, рассматривающей человека как одну из геологических сил, наряду с прочими. Дезантропоцентризм лишал человека его командного места и положения, заставлял задуматься о последствиях ничем неограниченного произвола. Вместе с тем дезантропоцентризм растворял человека в бесконечных взаимодействиях Вселенной, акцентировал принципиальную случайность его деятельности, принципиальную зависимость от игры космических стихий.

Современное мышление отталкивается от уровневого подхода к пониманию Вселенной, который означает, что доступная нам природа расчленяется на ряд взаимосвязанных, но относительно самостоятельных уровней. Выделяется микромир, описываемый законами квантовой механики; макромир, в котором действуют законы классической механики; мегамир, связанный законами теории относительности и релятивистской космологии. Для разных структурных уровней характерны особенные проявления пространственно-временных отношений, различные виды движения. Наш земной мир рассматривается как эталонный, и мы являемся наблюдателями и свидетелями процессов определенного вида. Процессы других типов протекают без свидетелей.

Абстрактная возможность переноса (экстраполяции) земных (геоцентрических) представлений на всю Вселенную породила установку на геоцентризм. Она основана на убеждении, что мир однороден, и та часть, которая познана в координатах земного бытия, универсальна в своих физических параметрах и применима для описания всей Вселенной. Иными словами, утвердилось весьма проблематичное представление, что во всем мироздании действуют закономерности, аналогичные познанным (земным). Последовательное проведение идеи неисчерпаемости материи требует отказа от геоцентризма и признание негеоцентризма, т.е. признание возможности мира с отклонениями от универсальных законов земного образца. Логическим следствием негеоцентризма становится вывод о возможности существования множества онтологически разных миров, каждый из которых представляет собой тип объективной реальности. И именно из принятия идеи бесконечности Вселенной следует предположение о том, что в процессе дальнейшего познания объективной реальности человечество, возможно, столкнется с ее диковинными, парадоксальными проявлениями, радикально отличающимися от известных нам ныне.

Бесконечность Вселенной в релятивистской космологии. Современные представления о Вселенной основаны на релятивистской космологии, у истоков которой стоят А.Эйнштейн и А.Фридман. Как научная дисциплина космология исследует структуру и свойства Вселенной и ставит проблему пространственно-временной бесконечности. Веками и тысячелетиями складывались представления о бесконечности мира в пространстве и времени. Они уходили своими истоками в античную натурфилософию и космологию. В возникшей в связи с общей теорией относительности релятивистской космологии оказалось возможным строить как бесконечные, так и конечные в пространственно-временном отношении модели Вселенной. Поскольку релятивистская концепция Вселенной подразумевала поначалу всю мыслимую материальную Вселенную, то идея ее «начала» вела, казалось, к полному перевороту и отрицанию идеи бесконечности. Утверждения космологов-релятивистов о единственности и всеохватности нашей расширяющейся Вселенной — Метагалактики напоминало многократно повторяемые в прошлом заявления о единственности Земли, со светилами вокруг нее, единственности солнечной системы или Галактики. На самом деле космологические модели Вселенной, хотя и строились с целью объяснения мира в целом, объясняли лишь некоторый его фрагмент, описывали локальную область универсума. Космологические

представления относительно конечности—бесконечности пространства и времени, проинтерпретированные как относящиеся к данной локальной области и не распространяющиеся на все мировое пространство и время, идею бесконечности не опровергали.

Вскоре после создания общей теории относительности в 1917 г. Эйнштейн построил первую релятивистскую модель Вселенной. Он исходил из следующих предположений, которые впоследствии были подвергнуты критике:

1. Вещество и излучение распределено во Вселенной в целом равномерно. Отсюда следует, что пространство Вселенной однородно и изотропно. Хотя вблизи массивных объектов геометрия пространства—времени изменяется, это изменение — лишь незначительное отклонение от однородного изотропного пространства Вселенной, обладающего постоянной кривизной.

2. Вселенная стационарна, неизменна во времени. В связи с этим геометрия пространства не может иметь эволюцию. Мир Эйнштейна обычно называют «цилиндрическим», так как его можно представить в виде бесконечно протяженного четырехмерного цилиндра. Вдоль образующей цилиндра простирается ось времени, она неограниченно направлена как в прошлое, так и в будущее. Сечение цилиндра дает пространство. В данной модели — это трехмерное сферическое пространство с постоянной положительной кривизной. Оно имеет конечный объем. Это не следует понимать так, что имеется какой-то «край света», за которым ничего не существует. Просто пространство, выражаясь фигурально, «замыкается само на себя», благодаря чему в нем можно бесконечно кружить, никогда не наталкиваясь на преграду.

Однако «цилиндрический мир» Эйнштейна уже в прошлом. Попытки Эйнштейна построить стационарную модель Вселенной в настоящее время рассматриваются как дань традиционным представлениям о неизменном существовании Вселенной в вечности. Следует обратить внимание и на тот факт, что стационарная модель Вселенной получена Эйнштейном на основании специальных допущений.

Более современное решение этой космологической проблемы было дано советским математиком А.Фридманом и развито бельгийским космологом М.Леметром. Фридман отказался от предположения о стационарности мира, сохранив постулат его однородности и изотропности. При этом стали возможны три решения:

1. Если плотность вещества и излучения во Вселенной равна некоторой критической величине, то пространство является евклидовым, т.е. обладает нулевой кривизной, и мир бесконечен.

2. Если плотность меньше критической, то пространство Вселенной описывается геометрией Лобачевского, обладает отрицательной кривизной и бесконечным объемом, оно открыто и выглядит как седловина.

3. Если же плотность вещества во Вселенной больше критической, то пространство имеет положительную кривизну, оно безгранично, но объем его конечен. Мир оказывается замкнут и конечен. Он описывается геометрией Римана.

Мнения ученых расходятся. Одни приняли гипотезу бесконечно расширяющейся Вселенной и считают, что согласно концепции «большого взрыва» около 17—20 миллиардов лет назад Вселенная была сконцентрирована в ничтожно малом объеме в сверхплотном сингулярном состоянии. Произошедший «большой взрыв» положил начало расширению Вселенной, в процессе которого плотность вещества изменялась, кривизна пространства разглаживалась. Другие считают, что на смену расширению вновь придет сжатие и весь процесс повторится. На этом основании выдвигается гипотеза пульсирующей Вселенной, в которой приблизительно каждые 100 миллиардов лет все начинается с «большого взрыва». В одной из наиболее поражающих воображение гипотез предполагается, что в результате «начального взрыва» в гравитационном сверхпространстве из сингулярного состояния возникла не одна наша Метагалактика, а множество метагалактик. Каждая из них может иметь самые разнообразные значения всех физических параметров: пространство особой топологии (локально-открытое или локально-замкнутое с разным количеством измерений) и свое космологическое время (возможно, неоднородное).

В современных концепциях «множественных миров» рисуется удивительная картина Вселенной. И это согласуется с основным положением фундаментальной философии, согласно которому пространственно-временную бесконечность материального мира следует понимать не в смысле метрической бесконечности, а как неисчерпаемое разнообразие пространственно-временного континуума.

Вопрос о том, будет ли Вселенная расширяться или начнется процесс сжатия, остается открытым. Хотя явление «красного смещения» в настоящее время является общепризнанным фактом, свидетельствующим об удалении источника излучения, т.е. о том, что галактики «разлетаются» со скоростями, примерно пропорциональными расстоянию до них. Так называемое «красное смещение» было открыто в 1912 г. В.Слайфером, который зафиксировал смещение спектральных линий излучения внегалактических туманностей к красному концу спектра. Спустя некоторое время (в 1929 г.) Э.Хаббл установил закон, согласно которому, чем дальше от наблюдателя находится туманность, тем больше величина красного смещения, тем больше скорость, с которой она удаляется от него. И на больших расстояниях скорости галактик достигают гигантских значений. Тем не менее существует теоретическая возможность того, что наряду с расширением можно предположить модель сжимающейся или даже пульсирующей Вселенной, в которой конечная в пространстве, но бесконечная во времени Вселенная попеременно то расширяется, то сжимается.

Философское понимание конечного и бесконечного. Бытие человека во Вселенной отражается философскими понятиями конечного и бесконечного. Конечное — это философская категория для обозначения такой характеристики предметов, явлений и процессов, которая фиксирует их определенность и границу, в пределах которой существует объект. В принципе не было ни одного значительного философа, который не размышлял бы о неизбежной гибели всего рожденного. Гегель отмечал, что «конечное вообще в том и состоит, что нечто имеет границу, т.е. в

том, что здесь положено его небытие, что здесь это нечто прекращается». «Открытие» конечности человеческого бытия указывало не только на жесткие границы существования, но и на бесконечность — ряд сменяющих друг друга поколений. Исходными и наиболее очевидными моментами конечного выступают определенность и граница.

Границы бывают пространственно-количественными (например, территориальные границы государств) и качественными (возрастные периоды). Однако граница — это не только то, что разъединяет, но и то что соединяет, дает возможность для соприкосновения, перехода через границу. Для обозначения этой противоположности Гегель ввел понятия «бытие в себе» и «бытие для другого».

Не следует понимать конечное как нечто застывшее, пребывающее вне движения. Сущность конечного в том и состоит, что оно само себя отрицает, движется к концу. Следовательно, конечное не может быть понято вне движения, а только будучи в движении.

Отрицанием конечности выступает бесконечность. С бесконечностью в философию и науку вошли парадоксы, антиномии, противоречия. Для классической греческой мысли бесконечность выступает как негативное понятие: бесконечность лишена границ и формы, она недетерминирована, а следовательно, недостижима для человеческого разума. Древний символ круга или змеи, кусающей себя за хвост, был призван для обозначения бесконечности.

Стремление постигнуть бесконечность неизменно сталкивалось с огромными трудностями. Существовало даже устоявшееся выражение «horror infiniti» — «ужас бесконечного». Сознание не может ни вообразить, ни представить бесконечность, оно раздваивается. И если исходным пунктом конечного выступает ограниченность, то идея бесконечности существует в человеческом мышлении как интуитивное представление об отсутствии границ и о существовании некоего неограниченного пространства, процесса или последовательности. Однако безграничность не есть бесконечность. Возьмем, например, шар: двигаясь по его поверхности, мы нигде не упрямся в границу. Это нечто безграничное, но в то же время конечное. Поэтому более существенными характеристиками бесконечного являются неисчерпаемость и неопределенность. Это осознается уже в эпоху Возрождения, где бесконечность теряет свою негативную окраску, означая собой неизмеримое и неисчисляемое богатство реальности, силу человеческого интеллекта. Бесконечный универсум не полагает границ человеческому разуму, напротив, он побуждает его к движению. Глубокий философский анализ идеи бесконечности принадлежит Гегелю, который связывал бесконечность с развитием и различал истинную (качественную) и «дурную» (как непрестанное увеличение количества) бесконечность.

Следует заметить, что человеческий опыт всегда ограничен и не может обнаружить бесконечное эмпирически. Для фиксации бесконечности к данным органам чувств следует присоединить еще и деятельность мышления. Поэтому бесконечность не представляется, а понимается, ее выявляет человеческий интеллект. Однако именно то обстоятельство, что бесконечное

нельзя охватить эмпирически, что человеческий опыт сталкивается только с миром конечных вещей, послужило основой идеалистического представления о бесконечности как о результате мыслительной деятельности. Идеалисты утверждают, что бесконечное — это мысль и существует бесконечное не в реальной природе, но лишь в мышлении, в духе. Бесконечное не имеет никакого объективного аналога. Субъективный идеалист Беркли, исходя из своего основного тезиса — «Существовать, значит, быть воспринимаемым», — заключает, что, поскольку бесконечное чувственно невоспринимаемо, оно не существует. Неотомизм, христианский экзистенциализм мистифицируют понятие бесконечности, приписывая ему сверхприродное, сверхразумное значение. Подлинная и высшая бесконечность заключена, по их мнению, лишь в божественном бытии, в потусторонней по отношению к чувственному миру трансценденции.

В неопозитивистской литературе проблема бесконечного сводится к анализу математических соотношений. В конечном и бесконечном видят выражение потребности человеческого мышления в ограничении предметов мысли, с одной стороны, а также в неограниченной свободе создания мысленных образов, с другой. Для неопозитивистской философии характерно стремление снять проблему отношения понятий конечного и бесконечного к реальности как псевдопроблему и ограничиться выяснением значения терминов в том или ином языке.

Обосновать онтологический статус бесконечного действительно очень трудно. Однако следует иметь в виду, что понятие бесконечного включает в себя актуальную и потенциальную бесконечность. Потенциальная бесконечность фиксирует в принципе незавершаемый процесс количественных и качественных изменений. Потенциальная бесконечность указывает на процесс становления, изменения и развития, которые нельзя остановить, отменить или объявить несуществующими. Актуальная бесконечность — это абстракция от существующей как бы целиком в данных условиях бесконечности. Это как бы объект особого рода, образованный из неограниченного множества сходных объектов, например волос на головах всех живущих на Земле или цветов, произрастающих на планете. Актуальная бесконечность берется как данное наличное бытие, но она всегда вызывает наибольшее возражение и неприятие. Ее стараются избегать, в чем немаловажную роль сыграл авторитет Аристотеля.

Выдвинутое им положение не теряет силу на протяжении двух тысячелетий. Бесконечность существует, но только потенциально, а не актуально. С точки зрения здравого смысла доводов на стороне Аристотеля достаточно. Если потенциальная бесконечность, образно говоря, позволяет к любому числу прибавить единицу и является абстракцией не очень высокого порядка, ее можно принять и с ней можно свыкнуться, то актуальная бесконечность парадоксальна определению, ибо претендует на право явить «здесь и теперь» бесконечность как оконченную, сосчитанную, целостную. Приведем забавный пример. Если гусар в одной из оперетт заявляет, что он может выпить шампанского сколько угодно плюс еще две бутылки, то это — потенциальная бесконечность. А вот если он скажет, что уже выпил бесконечное число бутылок, то к подобному заявлению следует

отнестись как к абсурдному. И вместе с тем это попытка обозначить актуальную бесконечность — бесконечность, существующую как реальный объект со всеми своими элементами. Постоянно развивающийся универсум не может быть охарактеризован как уже ставшая актуальная бесконечность. Однако сама идея актуальной бесконечности весьма плодотворна как источник творчества и питательная почва эвристического поиска.

Со своеобразной трактовкой актуальной бесконечности можно встретиться в «Мыслях» Паскаля. Актуальная бесконечность не увеличивается при прибавлении к ней любого числа и не уменьшается при его вычитании. Паскаль отождествляет актуальную бесконечность с идеей Бога — бездонного абсолюта, «неделимого и бесконечного Существа», а также с идеей божественной темноты. Ибо действительность, погруженная в непроглядный мрак бесконечности, многократно превосходит возможности человеческого понимания. Потенциальную бесконечность Паскаль считает всего лишь вариантом конечного.

Актуальная бесконечность имеет разновидности. Это «бесконечность в большом» — бесконечность универсума и «бесконечность в малом», которая менее очевидна, но выдвигается в качестве реальной проблемы в связи с развитием научной мысли в направлении изучения микромира. Во времена Паскаля таковую представляли явления микроскопии. Актуальная бесконечность непостижима для конечного человеческого духа. Человек, по мнению Паскаля, с трудом удерживается на грани двух бездн — «бездны бесконечности и бездны небытия». Неисчерпаемость бесконечности обрекает человека на безмолвное созерцание.

Понятие актуальной бесконечности не могло не беспокоить и не волновать умы ученых. Так, математик Д.Гильберт, пытаясь истолковать феномен актуальной бесконечности, отмечает, что таковой мы имеем, например, рассматривая саму совокупность чисел $1, 2, 3, \dots, n$ как некое законченное единство или точки отрезка как совокупность вещей, предстающую перед нами в законченном виде. Этого рода бесконечность мы будем называть актуальной бесконечностью. В математике существует определение бесконечного как множества, равномогущего своему истинному подмножеству.

С философской точки зрения бесконечность следует понимать как процесс, отрицающий границы конечного, преходящий через эти границы. Это означает, что конечное, выходя за свои пределы, отрицая свое отрицание, становится бесконечным. Невозможно изучать конечное в отрыве от бесконечного и никогда нельзя опровергнуть существование бесконечного, сохраняя в то же время существование конечного. Конечное является формой или способом существования бесконечного.

Существование человека во Вселенной связано с постижением неисчерпаемости материи и вглубь и вширь. Неисчерпаемость материи вглубь охватывается представлением об интенсивной бесконечности. Существование интенсивной бесконечности говорит о том, что в природе нет абсолютно элементарных, не имеющих внутренней структуры объектов. Взаимопревращаемость частиц доказывает их более сложную природу.

Экстенсивная бесконечность в отличие от интенсивной уходя не в глубь, а за пределы данного объекта, в мир «большого».

«Нет краев у нее и нет ни конца, ни предела

И безразлично, в какой ты находишься части Вселенной:

Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,

Все бесконечней она остается во всех направлениях...»

Так писал Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей». В действительности же существует одна бесконечность, которая может быть понята как потенциальная и актуальная, интенсивная или экстенсивная в связи с тем направлением, в котором концентрируются познавательные усилия.

Эпоха ноосферы. Большую роль в научном изучении бытия человека во Вселенной сыграло учение В.Вернадского о биосфере и ноосфере. Вернадский считал, что следует различать три реальности: реальность в области жизни человека, т.е. наблюдаемую реальность; микроскопическую реальность атомных явлений, ненаблюдаемую человеческим глазом; реальность в глобальном космическом масштабе. С понятием биосферы ученый связывал пленку жизни, возникшую на поверхности планеты, способную поглощать энергию космоса и трансформировать с ее помощью земное вещество. Сравнение Земли и Луны позволило наглядно демонстрировать эффективность живого вещества-биосферы. Сама биосфера как пленка жизни, окружившая внешнюю оболочку земли, многократно усилила и ускорила эволюционные процессы за счет способности утилизировать солнечную энергию. Живое вещество выступило в качестве катализатора процесса развития. На протяжении всей истории Земли количество живого вещества, согласно выводам Вернадского, было практически постоянным, благодаря так называемым геохимическим циклам или круговоротам веществ в природе. С возникновением Человека и человечества возник еще один могучий фактор природных взаимодействий в едином планетарном развитии — ноосфера — сфера разума. Можно встретить суждение, что ноосфера для второй половины XX в. — это такая же премудрая и туманная область, вызывающая трепет, как и теория относительности для первой половины XX в.

Сам термин «ноосфера» был предложен французским исследователем Э.Леруа в 1927 г. для обозначения современной стадии, геологически переживаемой биосферой, при обсуждении на парижском семинаре А.Бергсона доклада Вернадского. Впоследствии он широко использовался П.Тейяром де Шарденом, который понимал ноосферу как «мыслящий пласт», своеобразную оболочку земли, зародившуюся в конце третичного периода, разворачивающуюся над растениями и животными, вне биосферы и над ней. «...С первым проблеском мысли на Земле жизнь породила силу, способную критиковать ее саму и судить о ней», — писал Шарден. Ноосфера, включая в себя мысли и дела человека, в значительной степени будет определять эволюцию нашей планеты.

В едином эволюционном потоке понятие «ноосфера» фиксирует появление и использование новых средств и факторов развития, имеющих духовно-психическую природу. Это огромный эволюционный скачок в планетарном и космическом развитии, сравнимый разве что с явлением

вitalности, т.е. с возникновением самой жизни. Появление человека, способного к свободному изобретению и рефлексии, осознанию своих действий и мыслей, есть фактор, задающий перед лицом неодушевленной материи «новый порядок реальности». По своей «физической внедренности» он выступает не как внешний, инородный элемент, а как нечто равнозначное, но превосходящее все существующее.

Образование ноосферы из биосферы предполагает проявление всего человечества как единого мыслящего целого. Чтобы ноосфера оправдала свое наименование как «сфера разума», в ней действительно должна господствовать гуманистическая научная мысль. Разум должен стать не только специальным аппаратом познания, но и организующим источником жизнедеятельности. Взрыв научной мысли не может не оказать принципиального воздействия на условия существования человечества. В.Вернадский акцентирует масштабы этого явления, ибо ноосфера — такой тип материальной системы, которая охватывает гигантский всепланетарный процесс.

С введением понятия ноосферы философия задумывается над значением нового вида энергии. По своему субстратному составу он является разновидностью биохимических процессов, но по качественному проявлению выступает как энергия разума, культуuroобразующая энергия, энергия научной мысли. Вернадский уверен, что «эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией». Границы ноосферы полагаются интегральной силой человеческого разума и можно заключить, что они непостоянны, а весьма зависимы от степени разумности, качества мыслительных процессов. Ноосфера по своим онтологическим параметрам может быть понята как динамическая социо-биогеологическая система.

Легко показать, что идея ноосферы В.Вернадского имеет большую историко-философскую традицию. Наиболее древний образец убежденности во всемогуществе разума можно встретить в герметической философии и в философии гностиков, где познание мира и его изменение суть тождественны. А наиболее поздний — в представлении П.Флоренского о «духосфере» или «пневмосфере». Целостность мироздания и космопсихология человека как универсальные характеристики великого эволюционного процесса, великолепно описанные Рерихами, понятие живого и разумного Космоса, трепета пульса Земли (А.Чижевского), «лучевое человечество» как обозримое космическое будущее людей (по К.Циолковскому) — идеи, родственные емкому понятию «ноосфера».

Представление о ноосфере выступило программным возражением против тех многочисленных и, увы, фактографических наблюдений глобальных негативных последствий деятельности человека. В появившейся еще в 1866 г. книге Г.Марша «Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы» был приведен огромный материал относительно отрицательных воздействий человека на среду обитания. Подобная необдуманная эксплуатация природы грозила гибелью самому человеку. В связи с этим возникло два сценария

развития ноосферных процессов. Согласно первому, это — апокалипсис, когда ноосфера как сфера разума не оправдывает своего наименования, так как разум разрушает самое себя. Согласно второму, возможна гармоничная конвергенция всех типов материальных систем, коэволюция как новый этап согласованного существования природы и человека.

Проблема коэволюции. Проблема, состоящая в том, чтобы вписать человека с произведенным им технократическим, искусственным миром в универсальное эволюционное развитие, предстала как проблема коэволюции. Обеспечение коэволюции биосферы и общества как принципа их совместного развития с необходимостью предполагает определенные запреты и регламентацию человеческой деятельности. Здесь возникает потребность в некоем «экологическом императиве», который накладывал бы рамки определенных ограничений на совместные действия и поведение людей. Ноосфера как сфера разума предполагает и новую, разумную нравственность, и перестройку всего бытия с ориентацией на идеалы и непротиворечивого коэволюционного развития.

Термин «коэволюция» стал активно использоваться в 60 годах как удобная интерпретация термина «ноосфера». Человек знает не наблюдателем, а естественной частью Космоса, воспринимающей его жизнь не только рационально, но и чувственно через тело и душу. Развитием идеи коэволюции является предложенная социобиологами «теория геннокультурной коэволюции». В ней речь идет о наиболее оптимальных условиях совместного протекания органической и культурной эволюции, когда гены и культура, образно выражаясь, «держат друг друга на привязи». Примат, однако, отдается генам, считается, что именно они программируют основные правила коэволюции.

Эволюция человеческого общества происходит при сохранении генетических констант вида *homo sapiens* и реализуется через взаимосвязанные процессы развития социальных структур, общественного сознания, производственных систем, науки, техники, материальной и духовной культуры. Качественный характер этих взаимодействий меняется вследствие научно-технического прогресса, техноэволюции.

Рассматривая проблему коэволюции, следует выяснить, какие воздействия на совокупность всех живых организмов, в том числе и человека, будут иметь значение для выживания человека как биологического вида, для сохранения и воспроизводства на Земле человеческого общества и цивилизации. Биосфера — это сложная система, развивающаяся крайне неустойчиво. Ее эволюция знает множество катастроф. По современным данным, для естественного образования нового биологического вида требуется не менее 10 тысяч лет. Скорость техноэволюции в отличие от биоэволюции постоянно возрастает. При большой разнице в скоростях биоэволюции и техноэволюции говорить о коэволюции природы и общества невозможно. Очаговые и локальные последствия деградации окружающей среды приводят к заболеваниям, смертности, генетическому уродству, они чреваты региональными и глобальными потрясениями. Реакция системы на возмущение зависит от мощности последнего. Если возмущение ниже допустимого порога, то система в силах справиться и подавить негативные последствия, если выше, то последствия разрушают

систему. Поэтому нагрузки на биосферу не должны превышать ее возможности по сохранению стабильности биосферы. Такое взаимодействие и есть реальная основа принципа коэволюции.

Феномен пассионарности. В современное мировоззрение активно вошло понятие пассионарности. Его суть связывают с мощными историческими коллизиями, той необыкновенной ролью отдельных личностей в истории, которую не всегда хотели замечать и признавать. Его активное использование стало возможно благодаря деятельности и концепции Л.Гумилева. Гумилев использовал выводы В.Вернадского, в первом из которых провозглашалось, что человеческий разум является формулой энергии и проводит действия, как будто бы ей отвечающие. Его рассуждения таковы: если допустить, что человеческий разум — путь к ноосфере, к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, как зеркало отбрасывает солнечный луч, превращая его в лик, то обратный путь биохимического импульса, зафиксированный человеческим сознанием, будет тем, что принято называть мироощущением. С ним не следует смешивать сознание и мировоззрение. Концентрируемый в мироощущении особый вид энергии, так называемую «страсть», Гумилев предлагает называть пассионарностью, отмечая, что она «есть отклонение от • видовой нормы, но отнюдь не патологическое». Пассионарность есть некая «точка» — источник волны, заставляющий всякий раз реорганизовываться материю. Пассионарность есть способность и стремление к изменению окружающей среды, или, переводя на язык физики, к нарушению информации агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности может быть так силен, что носители этого признака не могут заставить себя рассчитать последствия своих действий. Поэтому Пассионарность следует понимать не как атрибут сознания, а как важный признак, выражающийся в конституции нервной системы.

Степень пассионарности может быть различной, но для того, чтобы явление пассионарности имело явные и фиксируемые в истории проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. Пассионарность полагается не только как признак индивидуальный, но и как популяционный. Гумилев формулирует следующий закон: «работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения», где «пассионарное напряжение этноса — это количество имеющейся в этнической системе пассионарности, поделенное на количество персон, составляющих этнос». Пассионарность, по мнению автора, — это не биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это явление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Фактом своего существования они нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели.

Пассионарность включает в себя два фактора: потерю энергии первоначального толчка — «старение» и насильственное воздействие соседних этносов или сил природы — смещение. Последнее имеет деформирующий характер. В развитии этноса Гумилев выделяет три параметра: мутацию, взрыв пассионарности и этнический реликт. Мутация и Пассионарность соответствуют

хаосогенной стадии развития. Пассионарность поглощает и выделяет огромный потенциал биохимической энергии, намного превышающий все затраты в нормальной жизнедеятельности. Этнический реликт свидетельствует о ставшей упорядоченности, которая остается тождественной самой себе на протяжении достаточно долгого времени.

Феномен пассионарности, выявленный Л.Гумилевым, позволяет развить представление о человеке как о «реальной геологической силе наряду с прочими», сформулированное В.Вернадским. Сила эта зачастую не носит созидательного характера, а ведет к разрушительным последствиям. Слова Гумилева: «Биосфера, способна прокормить людей, но не в состоянии насытить их стремление покрыть поверхность планеты хламом, выведенным из цикла конверсии биоценозов» есть реальное тому предостережение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейерабенд К.П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
2. Соколов В.В. Европейская философия XV—XVII веков. М., 1984.
3. Диалектика материального мира. Л., 1985.
4. Шарден П.Т. Феномен человека. М., 1978.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989.
7. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции//Вопросы философии. 1998, №8.

**Тема 4. ФИЛОСОФСКАЯ,
РЕЛИГИОЗНАЯ И НАУЧНАЯ
КАРТИНА МИРА**

*Особенности философской и религиозной картин мира.— Б.Рассел.
«Почему я не христианин?»— Религиозная картина мира в русской
философской школе. — Монизм, дуализм, плюрализм. — Субстанция и
субстрат. — Движение и развитие. — Категория материи. — Системная
организация материи. — Пространство и время как коренные условия бытия.
— Бытие и его формы. — Философское понимание сознания. — Научная
картина мира и ее функции.*

Особенности философской и религиозной картин мира. Мировоззренческое состояние нашего современника таково, что оно позволяет принимать за доминирующую не только строго научную картину мира, но и философскую, и даже религиозную ее версии. В чем же отличие научной, философской и религиозной картин мира? Философия навсегда пыталась объяснить возникновение универсума, опираясь на представления о субстанциональной первооснове, причинной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, с точки зрения развития, используя понятийный и категориальный аппарат. Философия, за редким исключением в лицах гностиков и скептиков, считала, что мир познаваем и наши понятия дают верное, адекватное отражение существующей вне нас реальности. Часто философская картина мира использовала идею стихийно-спонтанного структурогенеза, т.е. возникновения порядка из хаоса. Вспомним хотя бы Гесиода: «Прежде всего во Вселенной хаос зародился».

Религиозная картина мира связывала его происхождение с идеей божественного творения. Ее характерной чертой была вера, а единственным способом миропостижения — откровение. Значительную роль в религиозной картине мира сыграл принцип теоцентризма. Он провозглашал верховное, сверхъестественное существо центральным и определяющим фактором мироздания. И даже знаменитые естествоиспытатели воздавали хвалу Господу за тот порядок, который царил во Вселенной.

Мировые религии: христианство, ислам, буддизм, а также множество национальных, например конфуцианство, индуизм, иудаизм и прочие, имеют отличающиеся друг от друга религиозные картины мира. Однако суть их в одном: признание божества и божественного предопределения. Если в христианстве земная жизнь — это только пролог к жизни божественной и нужно прожить ее достойно, чтобы заслужить спасение, то шариат ислама предписывает строгое следование воле Аллаха, изложенной в кодексе норм мусульманской морали.

Религиозная картина мира богата многообразием представлений о сущности религии. Так, с точки зрения феноменолога, религия есть «встреча со священным и ответная деятельность» человека.

Религия познается из самой этой встречи. Контекст эпохи, культуры и истории оказывается второстепенным. Ответная деятельность при встрече со «священным» и может, во-первых, приобретать характер шаманизма, во-вторых, мистического слияния с Богом или следования его заповедям.

По Юнгу, религиозные учения есть выражения архетипов. Религия является особой установкой человеческого ума, особой установкой сознания. Юнг видит в религии коллективно вырабатываемую форму защиты от неврозов и делает вывод о необходимости религии и обращения к ней человека в его стремлении к душевному здоровью.

Фромм предлагает различать авторитарную религию и гуманистическую религию. Первая содержит идею повиновения внешней, господствующей над человеком силе. В ней главной добродетелью является послушание, а главный грех — неповиновение. Фромм рассуждает так: «Повиновение могущественной власти представляет собой один из способов, при помощи которого человек избавляется от чувства одиночества и собственной ограниченности. Этим актом подчинения он утрачивает свою независимость и цельность как индивид, но обретает чувство безопасности и защищенности, благодаря внушающей страх и благоговение силе, частью которой он как бы становится». Гуманистическая религия ориентирует человека на веру в собственные силы, на возможность реализации своих способностей, на право человека на счастье и свободу. В гуманистической религии религиозное переживание связано с единением со всем сущим, любовью к ближнему, солидарностью со всем человечеством. Добродетелью становится самореализация, а пороком беспомощность и бессилие.

Примечательно, что свою концепцию Фромм именуется «новой теологией». Новым оказывается то, что, по мнению философа, религия не должна быть связана с теизмом. Идея Бога во многом символична. Можно иметь религиозный опыт, но при этом говорить о безбожии. И наоборот, безбожие отнюдь не отрицает религиозности. Можно сделать вывод, что такие парадоксальные трансформации представлений о религии в рамках психоанализа весьма явно свидетельствуют о влиянии постмодернизма.

Б.Рассел. «Почему я не христианин?» Перу известного британского логика и математика *Б.Рассела* (1872—1970) принадлежит произведение с примечательным названием: «Почему я не христианин?». Ответ прост Все теоретико-познавательные проблемы необходимо ставить на почву логики, а никак не веры. Утверждения теологии не могут быть верифицированы. Поэтому и доказательства бытия Бога не могут обладать статусом доказательств, так как в них не срабатывают логические критерии доказательности.

Но было и другое обстоятельство, предлагающее отрицательный ответ на поставленный Расселом вопрос: «Почему я не христианин?». Рассел считал, что в религии воплощены три человеческих принципа: страх, тщеславие и ненависть. Цель религии в том и заключается, чтобы придать им характер благопристойности. Рассел утверждает, что именно потому, что эти страсти

являются источником страдания, религия является злом. Она позволяет людям безудержно предаваться своим страстям.

Церковная концепция праведности принижает разум. Христос учит, чтобы мы были малыми детьми. Но дети не могут постигнуть дифференциальных исчислений, принципов денежного обращения и современных методов борьбы с болезнями. Приобретение знания всегда объявлялось церковью делом опасным, потому что оно вело к гордыне разума, к оспариванию христианской догмы.

В религии, по мнению мыслителя, важны три основоположения, церковь, вероучение и кодекс личной морали. Наиболее совершенной формой морали является не религиозная мораль, а мораль свободного разума. Как ученый Рассел отвергает идею личного бессмертия, дуализм души и тела и уверен, что сознание не может существовать после разложения мозговых структур. Религия и христианство для логика — это прежде всего способ утешения, подлинным знанием обладают лишь реальные научные исследования, доступные верификации.

Уайтхед, например, считает возможным постулировать уникальную действительную сущность — Бога. Именно он содержит в себе все царство вечных объектов и стимулирует возникновение каждого нового происшествия. Божество является соавтором происходящих в мире событий. Его действующей причиной оказывается творческая энергия или креативность. Поэтому мир не бывает тем же самым дважды, но содержит в себе элемент божественной упорядоченности. Так косвенным образом в неореализме прослеживается попытка соединения науки и религии.

Религиозная картина мира в русской философской школе. Национальное своеобразие религиозной картины мира в русской философской школе было обусловлено тем, что в начальные этапы ее развития, в дохристианский период, пронизывали мировоззрение древних русичей языческие представления, растворенные в комплексе эмпирических знаний разных степеней общности. Византийское православие принесло с собой утверждение новых ценностей, однако оно не смогло достичь полного отрицания старых верований.

Ярко отличительная особенность всей русской философии — убеждение в значимости непосредственного переживания и постижения реальности. Сверхрациональные начала даны все вместе в опыте, сочетающем чувственную, интеллектуальную и мистическую интуицию. Выделяя различные уровни реальности — надрациональный и сверхрациональный — русская религиозная философия называет соответствующие им способы постижения: сердцем, рассудком (наукой), верой (интуицией). По Шестову, вера и религиозная картина мира призваны преодолеть алогизм самой почвы человеческого существования и дать спасение от удушающих требований долженствования и безличных научных истин. Шестов проповедует откровения Ветхого Завета, он ближе всех подходит к иудаизму, не связывает Бога с идеей логоса, так ему ненавистного. В силу подобной посылки Бог оказывается идеалом всемогущего своеволия, а верующий в него становится «по ту сторону добра и зла...» Сама жизнь выступает как чудо сверхъестественное, требующее к себе полного доверия.

Позиция философа Шестова противоречива. Он балансирует между принятием созданного Богом бытия и отрицанием смысловой составляющей основ мироздания, ибо мир человека есть результат грехопадения.

Отец *Павел Флоренский* (1882—1943) предлагает различить онтологическое и феноменологическое значение религиозной картины мира. Онтологическое значение есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, феноменологическое — это система таких действий и переживаний, которые могут обеспечить душе спасение, т.е. равновесие душевной жизни Настоящая, подлинная сфера приложения религии — это душа. И здесь задачи религии усложняются. Во-первых, она должна спасти нас от нас самих же. Во-вторых, уберечь наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса. В третьих, она должна устранить зов «подсознательного влечения». И только лишь после этой проделанной работы религия может бросить свой взгляд во вне: на природу и общество. После водворения мира в душе следует подумать об умиротворении и гармонии с окружающей действительностью.

П. Флоренский выступал с требованием победить рассудок и примириться с тем, что Троица существует в единице, а единица в Троице. В своем главном произведении «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» Флоренский пишет: «Обливаясь кровью, буду говорить в напряжении: *credo, gum absurdum est* (Верю, вопреки стонам рассудка, верю именно потому, что в самой враждебности вере моей усматриваю залог чего-то нового, чего-то неслыханного и высшего)». Вопрос об истинности решается им таким образом, что высшим критерием истинности православных догматов признается вера в них.

Гносеология религиозного сознания основана на критике разума как источника истинных знаний. Здесь играют огромную роль сомнение, отчаяние разума, интуиция. Центральной проблемой всякой гносеологии оказывается проблема истинности. Флоренский определяет истину как истину, то, что есть, и особо подчеркивает в качестве ее критерия интуитивное принятие и достоверность. Истина воспринимается как самодоказательность или самообоснованность. И в качестве таковой он называет догмат о Троице. Флоренский приписывает антиномичность и разуму, и миру, и религиозным догматам.

Для *Н.Бердяева* (1874—1948) религиозная картина мира есть прежде всего учение о смысле человеческого существования. Она становится делом непосредственного человеческого спасения. Божественное, выходя за пределы естественного мира, может раскрывать себя только символически. Религиозные символы связаны с мифами. Символизм Бердяева не ведет к иконоборству. Это реальный символизм, свидетельствующий о сверхреальной сфере божественного.

О религиозной онтологии Н.Бердяева Н.Лосский повествует следующее. Человеческая иррациональная свобода коренится в ничто, из которого Бог создал мир. Ничто как первичный принцип предшествует Богу и миру. Эту концепцию Бердяев позаимствовал у немецкого мистика Я.Бёме, а тот, по всей видимости, в отрицательной теологии Дионисия Ареопагита и в учении

Из божественного «ничто» рождается Святая Троица. Бог-созидатель является всемогущим над бытием, но у него нет власти над небытием, несотворенной свободой. Если бы и свобода была сотворена Богом, то он был бы ответственен за вселенское зло и теодицея (оправдание Бога) была бы невозможной.

Второй Божественный акт начинается тогда, когда Бог является в аспекте не творца, а Искупителя и Спасителя, т.е. в аспекте страдающего Бога, искупающего все грехи мира. Третий вид свободы проникнут любовью к Богу. Поэтому христианство, по мнению Бердяева, является религией свободы. Бердяев защищает свободу человека в вопросах веры, ибо любовь не может быть навязана принудительно. Бог ждет от человека свободного творчества. Бердяев уверен, что пути искупления зла и победы над адом могут быть найдены. В целом творчество Бердяева оценивается как способствующее развитию христианского мировоззрения.

Монизм, дуализм, плюрализм. Как философская, так и религиозная картины мира могут носить либо монистический, либо плюралистический характер. Монизм (от греч. monos — один, единственный) отстаивает приоритеты единства мира и выступает как способ рассмотрения многообразия явлений мира, исходя из единой основы. Разными философскими направлениями эта первооснова могла трактоваться по-разному и даже представлять собой взаимоисключающие начала — т.е. мыслиться как материальной, так и духовной. В подобных случаях монизм приобретал либо материалистическую, либо идеалистическую окраску. Однако сама основа мыслилась как единая и единственная. В этом и состоял критерий монистических воззрений.

Дуализм (от лат. dualis — двойственный) исходил из признания двух начал. Когда термин «дуализм» активно вводился в философский обиход немецким философом Х.Вольфом, он и не подозревал сколь нескончаем спор между монистами и дуалистами. Не исключено, что сам Вольф как рационалист и идеолог Просвещения, подчеркивая значимость дуализма, хотел выявить особую роль разума мышления, идеального в формировании устойчивого миропорядка. Дуализм мог выступать не только в форме паритета души, отождествляемой дуалистом Рене Декартом с умом и тела — с протяженностью. Любые философские теории, в которых утверждалось равноправие двух начал, будь то добро и зло, свобода и необходимость, хаосомность и упорядоченность и пр., выступали как дуалистические.

Если же мыслитель увлекался и сущностей, положенных в основу мироздания, насчитывалось не две, а более, то в таком случае его позиция оценивалась как плюралистическая. Плюрализм (от лат. pluralis — множественный) как термин был также предложен Х.Вольфом в 1712 г. Особые затруднения он вызывал в области онтологии — учении о бытии, ибо необходимо было выдвинуть множество независимых и несводимых друг к другу начал бытия. Классическим примером плюрализма считается монадология Лейбница, согласно которой мир состоит из бесчисленного множества духовных начал. Однако есть и более ранние аналоги плюралистического подхода. Так,

например, учение Эмпедокла о четырех началах мироздания выступает своеобразной разновидностью плюралистической онтологии. Иногда в плюрализме устанавливают не нечто самостоятельное, а трансформацию дуализма, как бы постепенное и последовательное членение сущностей, положенных в основу. Однако сами плюралисты видят основное предназначение своей теории в том, чтобы воспарить над неразрешимой в дуалистических дебатах противоположностью между духом и природой.

Субстанция и субстрат. В философской картине мира для обозначения первоначала использовалась категория субстанции. Древнейшая категория субстанции (от лат. *substantia*) переводилась как сущность, то, что лежит в основе. В качестве таковой мыслители античности называли разные сущности: это и вода у Фалеса, воздух у Анаксимена, апейрон у Анаксимандра, огонь у Гераклита и пр. Однако субстанция понималась как первопричина и причина самой себя, которая содержала в себе последующие состояния своего развития, все потенциальное многообразие мироздания. С понятием субстанции в философской картине мира соседствует понятие субстрат. Субстрат (от лат. *substratum* — подстилка) толкуется как самый нижний и фундаментальный слой реальности. Так, в атомистических учениях древности в качестве такового выступали атомы. Всякий конкретный субстрат выражает специфическое качество тех или иных формообразований, их качественную неоднородность. Субстратом известных физических процессов выступают элементарные частицы и фундаментальные взаимодействия (сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное). Субстратом химических процессов предстают атомы, остающиеся устойчивыми при образовании и превращениях различных веществ. Субстратом биологических процессов служат молекулы нуклеиновых кислот (ДНК и РНК) и белковых веществ, выступающие в качестве элементарных «единиц жизни». Субстратом социальной жизни является человек, целесообразная деятельность которого лежит в основе всех социальных изменений.

В современной фундаментальной философии онтологическое наполнение категории «субстанция» понимается, конечно же, не как вода, огонь, воздух и пр., а как взаимодействие. Именно взаимодействие является истинной и финальной причиной образования мироздания — *causa finalis* вещей. Исследовать вещи в аспекте их субстанциональности — значит раскрывать их существование с точки зрения внутренних причин и взаимодействий. Вслед за Э.Ильенковым субстанцию можно определить как «объективную реальность, рассматриваемую со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечным многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей». Категория субстанции и сегодня интересна многими аспектами.

- Во-первых, это идея причинной обусловленности всех явлений и процессов. Субстанция выступает в роли первопричины всего существующего.
- Во-вторых, с ней связано требование конкретизации онтологического наполнения универсума,

что нацеливает на поиск новых видов взаимодействия, обуславливающих все изменения, построение единой физической теории поля.

- В-третьих, субстанция на уровне своих многообразных проявлений должна быть понята как материя, взятая в аспекте всех ее изменений, как движущаяся материя со всем присущим ей эволюционным потенциалом.

- В-четвертых, обращение к категории субстанции позволяет снять вопрос об абсолютной противоположности материи и сознания.

Итак, к теоретическим характеристикам субстанции можно отнести:

- самодетерминацию (определяет самое себя, несотворима и неуничтожима);
- саморазвитие;
- целостность, универсальность (обозначает подлинную, устойчивую и постоянную, абсолютную, ни от чего не зависящую первооснову);
- каузальность (включает в себя всеобщую причинную обусловленность всех явлений);
- монистичность (предполагает единую первооснову);
- единство сущности и существования;
- объективность (указывает на существование внешнего мира включенного в него как момент его высшего развития сознания).

Движение и развитие. Именно Гераклиту в античности, а Гегелю в Новое время обязаны мы введением в картину мироздания идей становления, движения и развития, согласно которым действительность есть процесс. Гераклитовское «все течет» противостоит парменидовскому «сущее есть» и позволяет понять бытие как все в себя включающий и непрерывно изменяющийся поток жизни. Согласно Гераклиту, бытие, будучи небытием, неустойчиво. Выражением этой неустойчивости является борьба противоположностей. «Борьба (вражда) — отец всему и царь». В основе всех противоречий лежит противоречие между бытием и небытием. Отсюда *panta rei* — «все течет, все изменяется».

Однако идея бесконечного становления имеет свои напряженные следствия. Реальному человеку, живущему в конкретном месте со своими нерешенными повседневными заботами, импонирует мысль об изменяющемся мире, но желательна в лучшую сторону и исключительно целесообразно. Идея бесконечного и непреходящего изменения, изменения спонтанного и нерегулируемого — неудобна обыденному мышлению. Вся напряженность бытийственных отношений как раз и сосредоточивается в противоречии преходящего и непреходящего, конечного и бесконечного, устойчивого и изменчивого.

Само развитие не есть элементарный процесс количественного увеличения или уменьшения и не может быть изображено как движение от структуры с n количеством элементов к структуре с $n + 1$ или $n - 1$ элементов. В процессе развития элементы могут возникать и исчезать, а видимые качественные изменения могут иметь место и без изменения числа элементов, за счет трансформации

характера взаимоотношения между ними. Под развитием в общем случае понимаются необратимые, направленные, качественные изменения. Существуют три типа подобных изменений: переход объекта из качественного состояния одной степени сложности в качественное состояние той же степени сложности — так называемое одноплоскостное развитие;

- переход объекта из качественного состояния большей степени сложности в другое качественное состояние меньшей степени сложности — регрессивное развитие;

- переход объекта из качественного состояния меньшей степени сложности в качественное состояние большей степени сложности — прогрессивное развитие.

Суть принципа развития может быть выражена в следующем: как бы ни сочетались прогрессивные, регрессивные и одноплоскостные изменения, любой объект или сам проходит стадию прогрессивного развития, или входит в другой объект, проходящий такую стадию. Развитие материи и сознания, взятое в целом, отличается безусловной прогрессивной направленностью, восхождением от низшего к высшему. Оно есть бесконечное движение по восходящей спирали, движение противоречивое, включающее в себя отступления, возвращения назад. Однако в целом это движение от форм простых к формам более сложным, от систем примитивных к высокоорганизованным.

В отличие от движения как изменения вообще, развитие должно быть понято как самодвижение, т.е. как такой процесс, источники которого были заложены в самом развивающемся предмете. Развитие возникает в результате борьбы противоположностей, понимаемых как друг друга обуславливающие и друг друга отрицающие крайности. Другим отличительным признаком развития является то, что развитие, в отличие от движения, выступает как необратимый, направленный закономерный процесс изменений. Всеобщая универсальная связь и взаимодействие явлений и процессов должны найти свое адекватное отражение во взаимодействии человеческих понятий.

Важность изучения движения и развития осознавалась всеми философами без исключения. Мыслители эпохи Возрождения были уверены, что всякое бытие, от Вселенной и до мельчайшей частицы, приводится в движение присущей ему душой. Они исходили из так называемой установки панпсихизма — одухотворения всей Вселенной. Механика Нового времени показала чрезвычайную уязвимость подобного представления, так как с точки зрения механики, чтобы привести тело в движение, на него нужно подействовать какой-либо внешней силой. Преимущественное развитие механики в XVII—XVIII вв., успехи, достигнутые в объяснении некоторых немеханических явлений (например, тепловых и даже физиологических) привели к тому, что движение стали рассматривать в весьма узком смысле как механическое движение, т.е. простое пространственное перемещение. В целом ограниченность метафизических представлений была связана с отождествлением движения как такового с одним его специфическим видом — перемещением; с отношением к движению не как к атрибуту, а как к модусу; с убеждением в необходимости первотолчка.

В современной философии понятие движения истолковывается в «широком» смысле как представление о любом изменении вообще. Ф.Энгельсу принадлежат слова: «Движение,

рассматриваемое в самом общем смысле, т.е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий обнимает собой все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением». Понимание движения как изменения вообще предостерегает против сведения всего многообразия видов движения к какому - либо одному его виду и указывает на всеобщий характер и взаимопревращаемость движения. В понятии «изменение вообще» подразумеваются такие изменения, которые существуют объективно, вне наших рассуждений о них.

Категория материи. В философской картине мира значительная роль принадлежит категории материи, которая отражает объективную реальность, данную индивиду в его ощущениях, но существующую независимо от них. Сведение материи как таковой к одному из ее свойств — к массе, химическому весу, пространственному протяжению, непроницаемости — прием достаточно распространенный, но весьма ограниченный. В научном познании подобный прием породил так называемую установку на элементаризм, когда для того, чтобы понять сложное, необходимо было свести его к простому, а целое к элементу.

Ориентируясь на единичное или особенное, на конкретное вещество или свойство, невозможно составить целостное представление о материи. О неспособности дать определение материи на этих основаниях с тревогой писал еще Вольтер: «Мы взвешиваем материю, измеряем ее, разлагаем на составные части, но если мы хотим сделать хоть шаг за пределы сих грубых действий, мы чувствуем собственное бессилие и пропасть».

Во второй половине XIX в. исследованиями Фарадея и Максвелла были установлены законы изменения качественно новой по сравнению с веществом формы материи — электромагнитного поля. Законы электромагнитного поля оказались не сводимыми к законам классической механики. В конце XIX—начале XX в. последовала целая серия открытий: радиоактивности, сложности химических атомов, изменчивости массы в зависимости от скорости движения тел, зависимости пространственно-временных свойств тел от скорости их движения. Эти открытия положили начало новейшей революции в естествознании. Но одновременно в физике возник кризис механистического понимания материи, механистической картины мира. В ситуации отождествления материи с атомом и в связи с последующим углублением в его структуру ряд физиков, в том числе и Э. Мах и А. Пуанкаре (так называемые «физические идеалисты»), пришли к выводу об «исчезновении (аннигиляции) материи». Методологическая несостоятельность этого вывода заключалась в отождествлении материи как философской категории с учением о ее физическом строении.

Однако любые физические представления о строении материи учитывают лишь момент особенного, так как касаются не всей действительности, но лишь отдельных ее сторон. Философское понятие материи охватывает собой всю предметную действительность и обладает признаком всеобщности. Оно обозначает всю объективную реальность без ограничений. Философское понимание материи, опирающееся на признак всеобщности, в принципе не может устареть,

поскольку выражает неизменную способность человека отражать внешний мир. Физические представления о свойствах, строении и видах материи непрестанно устаревают и изменяются. Отсюда должен последовать вывод о том, что исчезает не материя, а вчерашний предел нашего знания о ней.

Системная организация материи. Какого бы взгляда мыслители ни придерживались относительно строения материи, не подлежит сомнению, что она расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп. Иными словами, все материальные объекты обладают внутренне упорядоченной, системной организацией. Истоки идеи структурности материи отнесены к античной философии и, в частности, к атомистике Демокрита, Эпикура, Лукреция Кара. Сама идея оказывала чрезвычайно стимулирующее воздействие на развитие естествознания. В современной философии она оформилась в достаточно объемную и научно обоснованную концепцию системной организации материи! В последней обычно выделяют три структурных уровня материи:

- мегамир — мир космоса (планеты, звездные комплексы, галактики, метagalактики);
- макромир — мир устойчивых форм и соразмерных человеку величин (куда входят также кристаллические комплексы молекул, организмы, сообщества организмов);
- микромир — мир атомов и элементарных частиц, где не применим принцип «состоит из».

Трудно установить точную качественную границу уровней. Она не всегда фиксируется наукой. «Электрон так же неисчерпаем, как и атом» (Ленин). Более того, все эксперименты, проводимые в микромире, приводят к удивительным результатам. Можно сказать, что микромир изначально парадоксален. После соударения двух элементарных частиц никаких меньших элементарных частиц не образуется. Возникают частицы того же класса, что и соударяемые, т.е. элементарные. Например, после столкновения двух протонов возникает много других элементарных частиц — в том числе и протонов, мезонов, гиперонов. Феномен «множественного рождения» частиц Гейзенберг объяснил следующим образом. При соударении элементарных частиц большая кинетическая энергия превращается в вещество в появляющиеся частицы, и мы наблюдаем этакое множественное рождение частиц. Около пятидесяти лет назад было известно всего лишь три типа элементарных частиц (электрон и протон как мельчайшие элементы вещества, а фотон как минимальная порция энергии), сейчас открыто более 200 элементарных частиц. Но если для выявления структуры обычных объектов подходит формула «состоит из» (каких-то меньших элементов), то для характеристики микромира она неприемлема.

Другой парадоксальный эффект микромира связан с двойственной природой микрочастицы, с тем, что она одновременно представляет собой корпускулу и волну. Поэтому такую частицу невозможно локализовать строго однозначно в пространстве и во времени. Эта особенность отражена в принципе соотношения неопределенностей Гейзенберга.

В качестве наиболее распространенных типов материальных систем выделяют: неорганическую, органическую и социальную. При классификации неорганического типа

материальной системы в качестве ее составляющих выделяют: элементарные частицы и поля, атомные ядра, атомы, молекулы, макроскопические тела, геологические образования. Органика как тип материальной системы имеет свои специфические уровни организации: доклеточный уровень включает в себя ДНК, РНК, нуклеиновые кислоты, белки. Клеточный — самостоятельно существующие одноклеточные организмы. Многоклеточный — ткани, органы, функциональные системы (нервная, кровеносная), организмы (растения и животные). Выделяют также и надорганизмический уровень, это популяции — сообщества особей одного вида, которые связаны общим генофондом (стая волков в лесу, стая рыб в озере, муравейник или же кустарник). Целостность популяции регулирует поведение и размножение отдельных, входящих в нее организмов. Например, когда биомасса саранчи превышает определенный предел, включаются механизмы, тормозящие программы размножения. Кроме популяций к надорганизменным уровням организации живой материи относят биоценозы. В целостной системе биоценоза популяции связаны так, что продукты жизнедеятельности одних становятся условиями жизни других. Определенным биоценозом является лес: популяции живущих в нем растений, а также животных, грибов, лишайников и микроорганизмов взаимодействуют между собой, образуя целостную систему.

В рамках биосферы начинает развиваться особый тип материальной системы — человеческое общество. Социальная материальная система также включает в себя особые подструктуры — индивид, семья, группа, коллектив, государство, нация. Как особый вид организации материи общество существует лишь благодаря деятельности людей. Поэтому предельной субстанциональной основой общества является его производственная деятельность, благодаря которой общество может удовлетворять свои потребности и воспроизводить себя.

Продолжая классификацию типов материальных систем, можно вспомнить рассуждения Л.Гумилева из его работы «Этногенез и биосфера Земли». Основания его классификации воспринимаются с интуитивной ясностью. «Где вы живете? — спрашивает автор. — На планете Земля. Под одной оболочкой вы ходите — это литосфера. Другая проникает во все клетки вашего организма — это гидросфера. Третьей вы дышите — это атмосфера. А четвертая — биосфера. Это вы сами со всеми живыми растениями, микроорганизмами».

Укрупняя это членение, можно подойти к классификации В.Вернадского, который предлагал выделять гео-, биоиноосферы.

Пространство и время как коренные условия бытия. Пространство и время понимаются как взаимосвязанные формы существования материальных тел. Пространство — это такая форма бытия материи, которая выражает ее протяженность, структурность, взаимодействие. Время — форма бытия материи, характеризующая длительность существования всех объектов и последующие смены состояний.

В истории философии сложились две концепции, вскрывающие сущность пространства и времени: субстанциональная и реляционная. Родоначальники субстанциональной концепции

Демокрит (по проблеме пространства) и Платон (во взглядах на время) трактовали пространство и время как самостоятельные сущности, не зависящие ни от материи, ни друг от друга. Демокрит ввел представление о реальном существовании пустоты как вместилища движения атомов. Без пустоты, по мнению Демокрита, атомы лишены такой возможности. Пространство, согласно учению Демокрита, Эпикура и Лукреция Кара, — объективно, однородно, бесконечно. Оно вместилище совокупностей атомов. Время отождествимо с вечностью — это чистая длительность, равномерно текущая от прошлого к будущему. Время есть вместилище событий.

Противоположное Демокриту понимание пространства было сформулировано Аристотелем. Его взгляды составили суть реляционной концепции. Аристотель отрицает существование пустоты как таковой. Пространство неоднородно и конечно — это система естественных мест, занимаемых материальными телами. Отвечая на вопрос: «Что есть время?», Аристотель рассуждает: «Как в движении, так и во времени всегда есть некоторое «прежде» и некоторое отличное от него «после». Именно в силу движения мы распознаем различные, не совпадающие друг с другом «теперь». Время оказывается ничем иным, как последовательностью этих «теперь», их сменой, перечислением, счетом, «числом движения в связи предыдущего и последующего».

Эти две тенденции в истолковании пространства и времени либо как самостоятельных, объективных и независимых от вещественного наполнения начал бытия, либо как неотъемлемых внутренних аспектов движущейся материи получили развитие в дальнейшем. Более двадцати веков просуществовала первая субстанциональная концепция, подвергаясь лишь некоторым модернизациям. Ньютоново пространство как неподвижное, непрерывное, однородное трехмерное вместилище материи, в сущности, также было и демокритовым. Время, по Ньютону, — однородная, равномерная, вечная и неизменная «чистая» длительность. В классической механике пространство и время — объективнее данности, которые все в себя вмещают и ни от чего не зависят. Ньютон говорил об абсолютном времени, которое «само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью».

Представления, аналогичные взглядам Аристотеля, о пространстве и времени развивались в Новое время Декартом и Лейбницем. Ни однородной пустоты, ни чистой длительности как самостоятельных и независимых начал бытия не существует. Пространство — порядок взаиморасположения тел, время — порядок последовательности сменяющих друг друга событий. Протяженность объектов и длительность процессов не первичные свойства, они обусловлены силами притяжения и отталкивания, внутренними и внешними взаимодействиями, движением и изменением.

Исторически сложилось так, что на протяжении XVIII—XIX вв. субстанциональная концепция — концепция абсолютного пространства и времени стала ведущей как в философии, так и в естествознании. По своему существу эта концепция была метафизична, ибо разрывала связь движущейся материи, пространства и времени, так как получалось, что могло существовать «этакое»

чистое пространство вне материи или время, абсолютно не связанное с материальными процессами. Тем не менее эти метафизические представления о пространстве и времени как о пустых вместительных вещах и событий имели под собой определенные эмпирические основания. В области обычного опыта и малых скоростей в макромире (а макромир есть основная среда обитания человека) не наблюдается прямой связи между пространством, временем и движущимся предметом. Объект может быть удален из определенного места, но от этого пространство не изменится и не исчезнет. Аналогичным образом воспринимается и время, оно безразлично к объектам. Именно поэтому метафизические представления были так живучи, особенно в условиях, когда естествознание еще не подошло к изучению микромира.

Однако против подобных взглядов энергично выступал диалектик Гегель. «Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно всегда есть наполненное пространство и нигде не отличается от своего наполнения». В отношении времени Гегель замечает: «...Не во времени все возникает и преходит, а само время есть это становление, есть возникновение и прохождение». В своих возражениях Гегель был прав.

Естественно-научные аргументы, опровергающие метафизические представления о природе пространства и времени, стали складываться лишь к концу XIX в. с возникновением в физике электромагнитной теории. Ее развитие привело к необходимости отбросить представления о пустом пространстве. Первоначально его заменили эфиром, который выполнил роль представителя теперь заполненного всюду, но все же абсолютного и ни от чего не зависящего пространства. А затем и эти представления были преодолены.

Однако субстанциональная и реляционная концепции, как и представления о пространстве и времени в рамках объективного идеализма Гегеля, не ставили под сомнение объективность существования пространства и времени. Для всей субъективно-идеалистской линии в философии и пространство и время — способ расположения впечатлений, а следовательно, имеют психологический источник своего происхождения. Кант трактует пространство и время как формы нашей чувственности — формы созерцания, согласно которым именно познающий субъект организует данный ему мир в определенный пространственно-временной образ. От Беркли к Маху идет цепочка доводов, согласно которым пространство и время — это формы упорядоченных рядов ощущений. Английский махист Пирсон утверждает, что пространство и время не имеют реального существования, а являются лишь субъективным способом восприятия вещей. Пространство — порядок или категория восприятия предметов. Время — категория восприятия событий. Русский махист Богданов считает пространство и время продуктами организующей и гармонизирующей человеческой мысли.

С точки зрения современного естествознания и соответствующих философских обобщений объективная реальность представляет собой нераздельную связь пространства, времени, движения и взаимодействия видов вещества и поля. Современные ученые предпочитают говорить о некоем

едином пространственно-временном континууме. Поскольку все существующие в мире тела пространственно ограничены именно тремя направлениями и самая плоская из всех фигур все же имеет длину, ширину и высоту, то трехмерность нашего пространства является повсеместно эмпирически обнаруживающим себя фактором. Итак, трехмерность пространства – эмпирический постулат. Это не значит, что вывод о трехмерности пространства базируется на нашей интуиции, исходит из стремления удобства, целесообразности, экономии мышления, эстетических предпочтений или убежденности в совершенстве мира. Трехмерность пространства обусловлена материальными взаимодействиями. Пространство, в котором мы живем, — трехмерно. Это не значит, что не может существовать иного мномерного пространства, но в том, ином, пространстве не было бы ни известных нам атомов, ни молекул, ни солнечной системы. Если бы пространство не было трехмерным, то нарушились бы все действующие физические закономерности, без всякой причины могли бы появляться и исчезать вещи (их причины были бы в иных измерениях). Не могли существовать атомы, так как электроны мгновенно бы падали на ядра. И весь мир должен бы быть иным. В нашем мире считается, что любое событие определяется четырьмя числами: тремя пространственными координатами, фиксирующими местоположение событий, и его временным параметром. Таким образом, универсальным свойством объектов материального мира является их принадлежность к $3 + 1$ пространственно-временной структуре.

В качестве основных свойств пространства и времени следует выделить бесконечность и неисчерпаемость пространства и времени, трехмерность пространства, однонаправленность и необратимость времени. Когда говорят о порядке и направлении времени, обычно подразумевают ход его течения от прошлого через настоящее к будущему. Время предстает как однонаправленный, асимметричный и необратимый процесс. Для временного упорядочивания явлений действительности использовались две серии временных понятий: серия А — «прошлое—настоящее—будущее» и серия В — «раньше-одновременно—позже». В тех случаях, когда фиксировались количественные характеристики времени, предпочтения отдавались второй серии временных понятий, например на 4 минуты раньше, на 5 минут позже и т.п. Структура нашего языка не позволяет строить предложения типа: 4 часа «прошедшее», 5 минут «будущее».

Время — одно из уникальных явлений, для которого существуют два способа описания. Это связано с тем, что в осмыслении времени присутствуют эталонный количественный аспект и психологическая окраска переживания временного потока, мировоззренческая оценка бренности мира. Понятия «прошлое—настоящего—будущего» более пригодны для передачи психологического, качественно содержательного описания времени. Для количественного анализа применяется менее эмоциональное описание: «раньше—одновременно—позже».

Эти два временных языка были четко выделены и разграничены в 1908 г. Дж.Мак-Таггартом. Он ввел представление о двух сериях понятий, разграничение которых позволяет уточнить постановку целого ряда проблем. С одной стороны, время осознается динамическим или временным

путем как воплощение потока и транзитивности переноса свойств. События, существующие в прошлом, настоящем и будущем, непрерывно меняются по отношению к этим временным определенностям. Прошлые события становятся все более прошлыми, будущие — все менее будущими. Этот процесс временного становления часто выражается посредством метафор и афоризмов: «река времени», «время течет», «завтра придет». Вместе с тем события, которые непрерывно изменяются, вытянуты в неизменном порядке и конституированы отношением «раньше, чем — позже, чем». Здесь присутствует этакая «демократическая эквивалентность всех времен».

Всеобщность пространства и времени означает, что они существуют, пронизывая все структуры универсума. В связи с этим следует отметить специфические проявления пространства и времени не только в макро-, микро- и мегамире, но и в живой и социально организованной материи. Специально анализируются биологическое время, психологическое время, социальное пространство и время.

Из теории относительности явствует, что при увеличении скорости движения тел и при приближении ее к скорости света увеличивается масса и замедляются временные процессы относительно состояний покоя. Замедление временных ритмов происходит также и под воздействием очень мощных гравитационных полей. В живых организмах действуют еще и биоритмы различных функциональных систем, зависящие от смены дня и ночи, времен года, циклов солнечной активности. Предполагается, что биологические часы, основанные на периодических ритмах, присутствуют у любого организма, даже у растений. Творец кибернетики Н.Винер высказывал гипотезу относительно того, что интуиция времени у человека связана с ритмами его мозга, в частности с альфа-ритмом, характеризующим его активность. Иногда чувство времени связывается с обменными процессами. Поскольку в старости интенсивность обмена веществ уменьшается, то и ход внутреннего часового механизма замедляется.

Собственные временные отношения и ритмы развития имеет и общество как целостный организм. Они могут либо ускоряться по мере развития производства и науки, либо замедляться, иногда говорят даже о состоянии стагнации тех или иных общественных процессов.

Сейчас вопрос: «Существует ли социальное время?» не является дискуссионным. Проблема в том, какие приоритеты и константы присутствуют в его содержании. Социальное время делится на время индивида и время поколения. Оно зависит от изменчивой информационной емкости человеческого сообщества. Можно встретиться и с проникновением пространственных характеристик во временные процессы, т.е. с указанием на длину социального времени как на последовательность этапов жизненных циклов. Ширину как количественное разнообразие видов деятельности. А также глубину как степень вовлеченности индивида в те виды деятельности, в которых он участвует. Наиболее иллюстративно связь времени и пространства поражается в такой принятой формуле, как «местное время», которое в разных пространственно отнесенных регионах различается. Все это вновь и вновь подчеркивает взаимозависимость пространственных, временных и материальных процессов.

Бытие и его формы. Согласно философской дисциплине онтологии — учении о бытии,

определяющему место человека в структуре бытия и Вселенной, в качестве первой формы выступает бытие Космоса, процессов природы. Вселенная, весь универсум и природа являются исторически первичной предпосылкой возникновения человека и человеческой деятельности. Они существовали «до», существуют «вне» и «независимо» от сознания человека.

Вторая форма охватывает собой бытие человека. Третья форма — бытие духовного. Она включает в себя индивидуализированное духовное (то, что в субъекте, в его мыслях, эмоциях и намерениях — т.е. мир состояний его сознания) и объективированное духовное (книги, картины, статуи и прочие плоды духовной деятельности человека. Мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства).

Четвертая форма — бытие социального распадается на бытие отдельного человека в природе и истории и бытие общества.

Согласно классическому определению, «Бытие людей есть реальный процесс их жизнедеятельности» (Маркс). Данный процесс невозможен без наличия многообразных факторов: объективно заданных условий деятельности отдельных людей и поколений; физических процессов Земли и Космоса; многообразных технологических приспособлений, созданных человеком и человечеством, а также отношений людей, их учреждений и социальных институтов.

Укрупняя наиболее общие системообразующие принципы осмысления проблемы бытия в философской картине мира, можно выявить следующие особенности. В центре античного миропостижения находится космос, оно космоцентрично. Космическая закономерность определяет законы полисной жизни, строй мироощущения, отражается в человеческой жизни как в микрокосмосе. Законы космоса, то или иное сочетание созвездий влияют на успех всех государственных предприятий, как-то походы, завоевания, строительство, а также на предназначение самого человека. Согласно меткому замечанию А.Ф.Лосева, античность построена на одушевленно-разумном, а не просто объективно-материальном и чувственном космологизме.

В качестве предельного основания бытия в средневековье выдвинут Бог. Как совокупность всех совершенств Бог обладает также и существованием, и существование всего заключено в Боге. Весь мир пронизан иерархическими структурами, основанными на соподчинении, субординации низшего и высшего. Центральной проблемой оказывается вопрос о взаимодействии человеческой души и божественного начала. Бытийственная проблематика средневековья теоцентрична.

Для Нового времени суть бытия сокрыта не в божественном промысле, но в природных закономерностях. Ее Величество Природа обнимает собой весь тайный смысл бытия, поэтому-то так важно вступить с ней в диалог, испытать естество. Первостепенную значимость приобретают науки, изучающие природу. Развитие инициативы, активности и предприимчивости, обусловленное зарождающимся капитализмом, сознает антропоцентристское видение мира с культом индивидуализма.

Ядром Новейшей истории в постижении сути бытия оказывается социальное творчество

человека. Такая ориентация зачастую именуется технократической.

Философское понимание сознания. Сознание выделяется из более обширной сферы психического и понимается как высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга. Существует по крайней мере два подхода, объясняющих природу сознания. Первый связан с именем Р.Декарта, который предлагал понимать сознание как замкнутый внутренний мир человека, содержащий в себе ощущения, восприятия, память, эмоции, волю, мысли, суждения, язык, а также образы вещей. Названные элементы составляют структуру сознания. Главной формой деятельности сознания признается логический строй мышления. Декартово «*cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, существую»), подчиняет сознанию все проявления человека вплоть до его существования.

Опираясь на этот подход, наука предлагает поход «внутри» сознания, т.е. исследование механизмов мозга. Однако нейрофизиологи сомневаются в возможностях получения полной информации о сознании на основе изучения структур и деятельности мозга. Возникает огромное количество проблем, связанных с общественной природой сознания, его конкретно-историческим и творческим характером.

Второй подход, согласно которому сущность сознания следует искать не в нем самом, а во внешнем мире, в общественной практике, развит марксовой традицией. В нем предполагается, что образы сознания рождаются в процессе деятельности, в результате воздействия на человека окружающей реальности. Мышление и сознание тем совершеннее, чем шире круг вещей, с которыми человек вступает в контакт, чем активнее сам субъект. Выводы данного подхода: «бытие определяет сознание», «сознание — субъективный образ объективного мира», «сознание — отражение бытия», «сознание - коллективно полученное знание» — подтверждают зависимость сознания от внешнего бытия, общественную природу сознания. Сознание предстает не как личностное и индивидуальное свойство, а как универсальный процесс всего человеческого рода.

Дальнейшее проникновение в суть феномена сознания требует объединения этих двух подходов. Изучение природы сознания должно проводиться одновременно и в сфере духовности, и в сфере материальных, предметно-практических отношений.

Таким образом, по способу своего бытия сознание есть свойство мозга, нервные процессы головного мозга служат материальными носителями сознания.

По содержанию сознание представляет собой отражение объективной реальности, информацию о внешнем мире и о себе, предварительное мысленное построение действий и предвидение их результатов.

По способу своего возникновения сознание является продуктом развития биологической и социальной форм движения материи, общественно-предметная деятельность человека есть условие исторического становления сознания.

По функциональному назначению сознание — фактор управления поведением и деятельностью

человека, обобщенное, оценочно-целенаправленное отражение и конструктивно-творческое преобразование действительности, условие становления форм логического мышления. **Научная картина мира и ее функции.** С понятием научной картины мира связывают широкую панораму знаний о природе, включающую в себя наиболее важные теории, гипотезы и факты. В научной картине мира выделяют центральное теоретическое ядро и частные теоретические модели. Центральное теоретическое ядро обладает относительной устойчивостью и сохраняет достаточно длительный срок своего существования. Частные теоретические модели постоянно достраиваются, изменяются и совершенствуются.

Научная картина мира представляет собой не просто сумму или набор отдельных знаний, а результат их взаимосогласования и организации в единую целостность и систему. С этим связана системная функция научной картины мира. Из требования к научной картине мира обеспечивать синтез различного рода знаний вытекает ее интегративная функция.

Научная картина мира задает систему установок и принципов освоения универсума. Она влияет на формирование социокультурных, методологических и логических норм научного исследования, задает этические ориентиры научного поиска. Научная картина мира накладывает определенные ограничения на характер допущений «разумных» новых гипотез, тем самым направляет движение научной мысли. Она влияет на стиль научного мышления, на способ аргументации, обоснования и объяснения. Поэтому необходимо выделять, как особо значимую, нормативную функцию научной картины мира. Содержание научной картины мира, обуславливая способ видения универсума, влияет на процессы активного отражения человеком объективной реальности. Когда проблему научной картины мира обсуждают естествоиспытатели (а среди них можно найти имена таких ученых, как Л.Больцман, М.Планк, П.Дюгем, В.Амбарцумян, В.Казютинский и др.), речь идет прежде всего о физической реальности. То есть о системе фундаментальных физических параметров, характеризующих основные свойства универсума: пространство, время, вещество, поле. К сверхустойчивым элементам любой картины мира относят принцип сохранения энергии, трехмерность пространства и однонаправленность времени, принцип постоянного роста энтропии (меры хаотизации).

Задумываясь над вопросом: «Как же создается научная картина мира?» — обратимся к мнению видного современного физика А.Фридмана. Он убежден, что как бы ничтожна ни была сумма людских знаний, всегда находились мудрецы, пытающиеся на основании постоянно ничтожных данных воссоздать картину мира. Ответ ученого предполагает совокупную деятельность философов, а точнее, методологов, кропотливо вносящих на полотно новые штрихи современного образа мира.

Следовательно, в более широком смысле научная картина мира понимается как обоснованное конкретно-историческое представление о мире, обуславливающее способ научного мышления. В структуру научной картины мира входит набор теоретических представлений о способах взаимодействия, генезисе (возникновении) и развитии.

Различают три этапа эволюции научной картины мира. Классическая картина мира основана на достижениях Галилея и Ньютона. В ней утвердился принцип жесткого лапласовского детерминизма, означающий, что все состояния мира от бесконечно отдаленного прошлого до весьма далекого грядущего могут быть просчитаны и предсказаны. Прошлое определяет настоящее так же изначально, как и настоящее определяет будущее. Классическая картина мира осуществляла описание объектов, как если бы они существовали изолированно, сами по себе, в строго заданной системе координат. Особую роль играла строго однозначная причинно-следственная зависимость. Классическая научная картина мира стремилась к обнаружению некоего единственно верного метода, гарантирующего достижение истины.

Неклассическая картина мира, пришедшая на смену классической, родилась под влиянием теорий термодинамики, оспаривающих универсальность законов классической механики. Переход к неклассическому мышлению был осуществлен в период революции в естествознании на рубеже XIX—XX вв., в том числе и под влиянием теории относительности. В ней возникает более гибкая схема детерминации, нежели в классической, и учитывается новый фактор — роль случая. Предположительно, изменения осуществляются, подчиняясь закону вероятности и больших чисел. Чем более отклонение, тем менее оно вероятно, ибо каждый раз реальное явление приближается к генеральной линии — «закону среднего». Такая форма детерминации вошла в теорию под названием «статистическая закономерность».

Третий этап эволюции научной картины мира связан с образом постнеклассической картины мира. Он разработан во второй трети XX в. с учетом достижений Брюссельской школы И.Приго-жина. В нем с самого начала и к любому данному моменту времени будущее остается неопределенным. Развитие может пойти в одном из нескольких направлений, что чаще всего определяется каким-нибудь незначительным фактором. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия, так называемого «укола», чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации.

В современной постнеклассической картине мира анализ общества предполагает исследование динамичных, открытых систем, в которых велика роль исходных условий, входящих в них индивидов, локальных изменений и случайных факторов. В перспективе становятся допустимыми многочисленные комбинации последующего развития. Поэтому наиболее пригодной для описания поведения подобных систем оказывается древовидная ветвящаяся графика.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Фромм Э. Психоанализ и религия/ Иметь или быть? М., 1990.
2. Рассел Б. Почему я не христианин? М., 1987.
3. Лосский И.О. История русской философии. М., 1991.
- 4 Пространство, время, движение. М., 1971.

5. Вольтер. Философские сочинения. М., 1989.
6. Гегель. Энциклопедия философских наук. В 2 т. М., 1974—1975.
7. Лешкевич Т.Г. Постнеклассическая методология: эволюция парадигмы фундаментальной философии// Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 1998, № 6.

Тема 5. ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И СМЫСЛ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Этический пафос легенды об Атлантиде. — Человек как продукт биологической, социальной и культурной эволюции. — Бытие человека. — Природа человека и бессознательное. — Проблема смысла человеческого существования.

Этический пафос легенды об Атлантиде. Традиционно считается, что античность открыла человека. Однако существует чрезвычайно притягательная легенда об Атлантиде, где жили люди необыкновенной красоты, доброты и силы. Это были высокоодаренные личности, которые могли общаться путем передачи мыслей на расстоянии и поэтому не нуждались в письменности. Атлантида использовала мыслительную энергию, что утрачено в настоящее время. В золотой век атланты жили по несколько сот лет. После 23—25 лет основным различием считался уровень мудрости, опыта, чистоты мыслей в отношении друг к другу. Дети с самого раннего возраста обучались математике, а подростки интересовались изобретениями; причем они могли производить расчеты в уме со скоростью современных компьютеров.

В Атлантиде женщина считалась цветком, а мужчина — лучом солнца. Согласно легенде, атланты сами решали, когда покинуть свою физическую оболочку, т.е. умереть. Концентрируя свою волю и внимание, они так ясно представляли себе другой мир, что переходили в него с полным сознанием.

В течение многих поколений жители Атлантиды сохраняли высокие моральные нормы. Но со временем они стали слишком честолюбивы и жадны. Когда атланты начали заботиться каждый о себе и лишь "о собственном благополучии, утилизировали знание в собственных целях и уверовали, что всякий сам для себя является законом, начался упадок Атлантиды. Сокровенные знания, направленные в противоположную сторону эволюции, в сторону эгоизма и недоброжелательства, превратились в деструктивную силу невиданных размахов.

Платон, в диалогах которого мы найдем легенду об Атлантиде, дал этому идеальному государству географическое место в Атлантическом океане и определил исторический период его существования — 11500 лет тому назад. Время вспомнить об Атлантиде пришло, когда Платону исполнилось 70 лет. В диалогах «Тимей» и «Критий» рассказывается легенда об Атлантиде, которую Платон слышал от своего деда Тимея, а последний — от близкого друга своего отца по имени Солон, который, в свою очередь, узнал ее от жреца, будучи в Египте по государственным делам. «Девять тысяч лет назад за проливом, который вы называете Геракловы столбы (Гибралтарский пролив), находился огромный остров, который назывался Атлантида. На этом острове возникла сильная и удивительная династия королей. Эта династия попыталась побороть многие страны. Однако несколько сильных землетрясений раскололи этот остров, и он затем погрузился в воду и полностью исчез».

Этический пафос легенды об Атлантиде очень высок, и, переходя к анализу философских размышлений о природе человека, следует сопроводить их словами Н.Бердяева, который отмечал: «Человек — двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и к великой жестокости и беспредельному эгоизму». И в то же время он считал, что «...наступает пора писать оправдание человека — антроподицею». Понять человека в его конкретных эмпирических проявлениях, его недостатках и достоинствах, сделать вопрос о человеке главным пунктом философского творчества — вот перспективная задача для многих поколений мыслителей.

Русской философской школе очень близка идея двойственной природы человека. Однако в различные эпохи и в различных философских системах человека определяли по-разному. Homo sapiens — «человек разумный», наиболее употребительное из определений. Animal rationale — «животное рациональное», фигурирует в зоологической классификации Линнея; a tool making animal — «животное, производящее орудия» — определение Франклина; animal symbolicum — «человек как символическое животное» — итоговый вывод Кассирера. Идеи Кьёркегора можно проинтерпретировать так: человек — существо, делающее выбор. А как не упомянуть суждение Ницше: «Человек — это животное, способное обещать», выводящее нас в мир нравственных императивов, или очень отрезвляющий вывод Руссо: «Размышляющий человек — просто испорченное животное». О человеке говорят как о звере, алчущем нового. Иногда его воспринимают как живое существо, которое может относиться принципиально аскетически к своей жизни. Подчас говорят о прямо-таки противоположном свойстве человека, а именно о том, что изначальным родовым признаком человека является избыток влечений.

М.Шелер уверен, что при слове «человек» в сознании образованного европейца сталкиваются три круга идей. Во-первых, это круг представлений иудейско-христианской традиции об Адаме и Еве, о творении, рае и грехопадении. Во-вторых, это греко-античный круг представлений, в котором самосознание человека впервые в мире возвысилось до понятия об его особом положении, и человек является человеком благодаря тому, что у него есть ум, речь, разумность. В-третьих, вспоминается круг представлений современного естествознания, согласно которому человек есть достаточно поздний итог развития Земли, существо, которое отличается от форм, предшествующих ему в животном мире, только степенью сложности соединения энергий и способностей, которые сами по себе уже встречаются в низшей, по сравнению с человеческой, природе.

Наиболее традиционное представление о природе человека в контексте европейского рационализма отливается в формулу: **Человек как продукт биологической, социальной и культурной эволюции.** Проблема возникновения человека и человеческого общества (проблема антропосоциогенеза, где генезис — возникновение, социум — общество и антропос — человек) — одна из наиболее важных проблем философии. И хотя происхождение человека таится в отдаленных

глубинах времени и «в нашей эволюции не все понятно», признание единой целостности всего человеческого рода не вызывает сомнений. Человек в его родовой сущности — это представитель племени *homo sapiens* — индивид, непременно тождественный подобным себе и отличающийся от них своей индивидуальностью. Существование человеческого рода как определенных сообществ людей, их групповая организация, орудийная деятельность, мышление и речь — вот атрибутивные, сущностные признаки антропос.

Традиционная теория антропосоциогенеза настаивает на том, что в предшествующей биологической эволюции были сформулированы условия, которые выступили предпосылками возникновения человека и человеческого общества. Речь шла о трех факторах:

- 1) сложная психическая деятельность высших животных;
- 2) зачатки орудийной деятельности, инстинктивный труд человекоподобных предков;
- 3) сложная стадная жизнь высших животных.

Каждая из названных предпосылок была трансформирована в новое качественное состояние на уровне социальной эволюции. Так, если сложная психическая деятельность высших животных всегда обусловлена закономерностями адаптивного (приспособительного) поведения и животное генетически связано с «поведенческим амплуа» только своего вида («рожденный ползать — летать не может»), то человеку свойственна вариативность поведения. В отличие от животных он может вести себя «по мерке любого вида». А там, где он ограничен естественно-природными данными, он создает и использует искусственных помощников — орудия труда.

Инстинктивный труд животных на этапе становления человека и человеческого общества характеризуется переходом от присвоения готовых продуктов к систематической орудийной деятельности и созданию «второй, очеловеченной природы».

Важнейшим обстоятельством в процессе превращения обезьяноподобного предка в человека является сложная стадная жизнь высокоорганизованных, человекоподобных предков. Конечно же, не может быть и речи о мгновенном или быстротечном превращении животного в человека. Как показывают современные исследования, процесс антропосоциогенеза длился в течение 3-3,5 млн. лет, из которых 95% ушло на формирование первых коллективов с четко выраженными человеческими чертами. Отличия человека как продукта социальной и культурной эволюции от предшествующих особей как представителей биологической эволюции состоят в следующем.

Общей предпосылкой всякого органического существования является обмен веществ между организмом и природой. В этом отношении и человек, и животное одинаково связаны с окружающей средой природными узами. Главной задачей оказывается перекачка из природной среды необходимой для жизнедеятельности энергии. Однако в отношении способов присвоения природных благ человек существенным образом отличается от животных.

Во-первых, в животном и растительном мире обмен веществ между организмами и природой происходит непосредственно. Животное воспринимает ферменты природы в том виде, в каком они

ему даны. Животные являются потребителями того, что дает природа, или сами служат объектами потребления для других организмов. В производстве потребляемых объектов они участия не принимают и ограничиваются тем, что пожирают готовые запасы пищи, никогда не преступая границ элементарного непосредственно потребительского отношения.

Во-вторых, каждый новый акт потребления только повторяет один и тот же процесс, и ничего нового, кроме естественных изменений в самой природе (рост, размножение биологического вида и стихийные изменения окружающей среды), не происходит. В конце акта такого потребления, как и в начале всякого нового акта, взаимодействия происходят между теми же двумя членами начального отношения: определенным биологическим видом и природной средой, разумеется, несколько измененной. Между этими двумя членами не возникает никакой новой действительности. Процесс вращается в одной и той же плоскости, в границах природно-биологического круга.

Существенно иного рода отношения людей к природной среде. В них разорван круг природно-биологического потребления. Осуществлен скачок в эволюционном развитии. Обмен веществ между человеком и природой происходит не прямо и непосредственно, как в мире животных, а через целый ряд опосредствующих звеньев, рождающих мир новых отношений общественного характера. Потребление оказывается лишь последним звеном в цепи, которому предшествуют:

- а) процесс производства, в котором продукты природы приспособляются к человеческим потребностям;
- б) распределение, которое разделяет продукты, согласно общественным законам;
- в) обмен, который доставляет каждому потребные. Именно ему объекты; и лишь затем
- г) потребление, выключаящее продукт из общественной циркуляции.

Человек, являясь потребителем благ природы, предваряет и определяет потребление производством этих благ. Если при потребительском отношении между животными и средой не возникало никаких новых связей и никакой новой действительности, то при производственных отношениях между человеком и природой вырастает целый мир материальной культуры. Этот мир не является только природным, он создается человеком и помещается им между собой и природой. Он составляет не естественную, но искусственную, произведенную действительность. Согласно лингвистическому анализу, искусственная действительность в большинстве языков означает ручную, рукотворную природу.

В 60-х годах XX в. было сделано открытие в области археологии, которое многое прояснило. Выяснилось, что непосредственным предшественником питекантропов был *homo habilis* — человек умелый. Хабилисы изготавливали орудия труда при помощи орудий (что доказывает наличие производственной деятельности), но по своему строению и морфофизиологической организации были чисто животными. В свете последних данных стало ясно, что производственная деятельность, с одной стороны, мышление и язык — с другой, возникли с разрывом примерно 1—1,5

млн. лет. Следовательно, именно труд создал человека. С этой точки зрения каверзный вопрос, предшествовал ли труд сознанию, получает сугубо положительный ответ.

Синергетика — теория самоорганизации предлагает новое объяснение проблемы возникновения человека. С позиций синергетики переход от приматов к человеку — становление качественно новой формы жизни — типичный результат бифуркации. Точки бифуркации знаменуют собой «перекресток эволюционной магистрали», в них характер развития качественно меняется. Бифуркация предполагает как минимум двухвекторное разветвление в эволюционном процессе. В силу принципиально вероятностного характера этого порогового бифуркационного состояния оно приобретает необратимость. Иначе говоря, вероятность повтора подобного события равна нулю. История Земли знает две бифуркации: первая связана с возникновением самой жизни (витальности), вторая — с появлением человека.

Скорость эволюции, характеризующая начальные стадии антропогенеза (возникновения человека и общества), носила поистине взрывной характер. В очень жестком отборе особое значение приобретали зачатки интеллекта. Эволюционная метаморфоза состояла в том, что наш предок из хилого животного превратился в сильного и умного хищника с развитым мозгом и прочной нервной системой.

Физиологи не могут обойти молчанием так называемый «парадокс резервирования». Суть его в том, что у человека в структуре головного мозга задействовано лишь несколько десятых долей процента клеток мозга, следовательно, степень резервирования несколько сотням. В то время как у обезьян она равна 14 – 20%. Перестройка информационной основы мозга дополнялась появлением лобных долей, ответственных за мироощущение индивида, к ним добавлялись существенные морфофизиологические отличия, выделяющие человека из числа приматов, — прямохождение.

Ученые утверждают, что на заключительном этапе антропогенеза скорость эволюции значительно замедлилась. 40—30 тыс. лет тому назад развитие человека как биологического вида практически остановилось. Человек из Кроманьона (грот во Франции, где впервые были найдены его останки) — общий предок всех людей, по существу ничем не отличался от человека современного типа.

С этого периода развитие человечества продолжалось с опорой на приобретение не индивидуальных, а социальных признаков. Компоненты дарвиновской триады — изменчивость, наследственность, отбор — продолжали действовать, однако отбор переносится на новый уровень — уровень организации общественной жизни. Темпы развития ускорились, но уже на другой — цивилизационной основе. Таким образом, природа человека понимается как продукт биологической, социальной и культурной эволюции.

Бытие человека. В современной философии и науке изучение человека исходит из понимания его как целостного социокультурного, биологического существа. Во всех проявлениях своей жизни человек предстает как биосоциальный организм, в единстве биологического и социального.

Биологизаторский и социологизаторский подходы к изучению природы человека, взятые по отдельности, недостаточны.

Биологизаторский подход к человеку ограничен, так как акцентирует лишь эволюционно-биологические предпосылки человеческой природы. Социологизаторский подход объясняет природу человека исходя из социально значимых факторов и приводит к представлению о человеке как социальном функционере, винтике государственной машины, использовать который можно без оглядки «на какие-то гены». Здесь человек предстает как податливый слепок социокультурной среды, он лишь продукт обстоятельств, в которые попадает и в которых вынужден существовать. У Маркса было понятие «частичного человека». Однако ситуация «частичного человека» актуальна и сегодня. Она обусловлена разделением труда, существованием неравенства, определяет отношение к человеку как к носителю определенной, весьма ограниченной социальной функции. «Частичный человек» — это послушный исполнитель предписанной ему социальной роли. Вместе с тем весьма притягательно заключение отечественного психолога А.Леонтьева, резюмировавшего, что человек рождается с единственной «способностью приобретать человеческие способности».

В дискуссиях о биологическом и социальном в человеке совершенно не получили освещения проблемы сексуальности, тендерные отношения, различия между мужчинами и женщинами, отношения поколений, проблема смерти. Между тем реальная жизнь человека «квантована» биологически датами рождения и смерти. В этих границах, как отмечает Р. Карпинская, жизнь континуальна и переполнена смысловыми измерениями, весьма зависимыми и от отношений поколений, и от отношений полов.

Современные ученые пытаются сломать схему социологизированного человека и доказать, что человека нельзя рассматривать как чистую доску (как это утверждал в свое время Локк), на которой общество пишет нужные слова. Не следует недооценивать природно-биологические задатки индивида. Широко обсуждаемые проблемы mind—body (разум—тело), nature—nurture (природа—воспитание) говорят о необходимости комплексного подхода и создания единого биосоциального образа бытия человека.

Изучение человека происходит в рамках философской дисциплины — антропологии. Философская антропология необыкновенно богата размышлениями философов о природе и сущности человека. Многочисленные произведения, носящие самые прямые и броские названия, как, например, «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандолы, «О человеке» Гоббса и, наконец, «Человек-машина» Ламетри, обогащают сокровищницу человеческой мысли мудрыми наставлениями и бесценными откровениями. Проистекающий из философской антропологии антропологический подход выясняет специфику и особенности собственно человеческого бытия, занимается экзистенциальной аналитикой человека.

Принято различать природу и сущность человека, И хоть строгой демаркационной линии здесь

провести нельзя, потому что человек всегда останется загадкой Вселенной, ее нераскрытой тайной, с природой человека принято связывать всю совокупность его наклонностей и качеств. Они, не посягая на его естественные проявления (о которых иногда с огорчением говорят: «Такова уж человеческая природа»), позволяют увидеть в нем homo sapiens. Среди них, конечно же, разумность, способность к общению и социальной жизни.

С сущностью же человека связывают глубинное ядро человеческой природы, «истинно человеческое» или нечто критериальное, позволяющее в эволюционном плане отличить человека от высшего животного. На вопрос: «В чем состоит сущность человека?» мыслители отвечают по-разному. Марксова формула, согласно которой «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», утверждает человеческую социальность в качестве приоритетной и фундаментальной составляющей всего человеческого рода. Она является реальной альтернативой антропологическому релятивизму, который отрицает наличие единой глубинной сущности всего человечества и четко фиксируемой человеческой природы.

Понятие экзистенции (существования) направляет исследовательское мышление в сторону поиска и выявления связей человека и мира, проявляющихся в первую очередь в его деяниях и страданиях. Философский анализ нацеливает на различение слоев духовного смыслополагания: от низших, чувственно ориентированных, до высших, истинно духовных, занимающихся критикой чувств.

Философская антропология как направление современной западной философии берет свое начало в трудах *М.Шелера* (1874—1928) и получает дальнейшее развитие в работах Плеснера, Гелена. Плеснеру принадлежит знаменитое суждение: «Если жизнь животного центрична, то жизнь человека эксцентрична, он не может порвать центрирования, но одновременно выходит из него вовне. Эксцентричность есть характерная для человека форма фронтальной поставленности по отношению к окружающей среде». Это значит, что подлинное познание человека предполагает наблюдения над самим течением его жизни с многообразием его эмоциональных проявлений, среди которых забота, отчаяние, надежда, радость, любовь и раскаяние, чередуясь, сменяют друг друга. Это и постижение человека в «пограничной ситуации», где на прочность проверяется истинно человеческое в нем. Это и размышление о человеке как вечном одиночестве, о котором Ортега-и-Гассет писал: «Мы оказываемся одни в универсуме, каждое Л по самой своей сущности является одиночеством».

Индивидуальный аспект человеческого существования предполагает рассмотрение периода жизни индивида, ограниченного во времени датами рождения и смерти. В качестве первичной предпосылки бытия человека является жизнь его тела. В этих границах бытие человека весьма зависимо как от его телесно-природных данных, так и от общественно-исторических условий существования. В природном мире человек, существуя как тело, находится в зависимости от законов

развития и гибели организмов, циклов природы. Из факта существования человека как живого тела вытекает его подвластность законам наследственности, отменить которые невозможно. Это настраивает на бережное обращение с природно-биологическим потенциалом человеческого бытия. Чтобы дать жизнь духу, нужно обеспечить жизнь телу. Во всех цивилизованных странах признание фундаментальных прав человека на удовлетворение его первичных потребностей, прав, связанных с сохранением жизни, закреплено юридически.

Включенность человека в бытие культуры раскрывает личностный аспект и смысл существования человека. Индивид становится общественно значимой личностью, обретает особый смысл своего существования в ходе самореализации, воплощения своих способностей и возможностей, в ходе освоения и пополнения сокровищницы человеческой культуры. Психолог АЛеонтьев назвал именно деятельность человека «единицей жизни», наделяющей ее смыслом.

Мыслители многих времен и народов искали связь между телом человека и его духовными исканиями, отмечая, что детерминация бытия человека со стороны его духа уникальна. Эгоизм телесных потребностей перекрывается поступками и действиями окультуренного существа, личности. Человек оказывается в состоянии контролировать и регулировать свои потребности, удовлетворяя их не просто в соответствии с естеством, но наделяя их смыслом в соответствии с социально-исторически закрепленными нормами и идеалами.

Природа человека и бессознательное. Согласно традициям русской философской школы, бытие человека должно отвечать осознанию смысла и значимости собственной жизни. Однако, согласно психоанализу З.Фрейда, состояние сознательности быстро проходит; представление в данный момент сознательное, в следующее мгновение перестает быть таковым, оно может вновь стать сознательным при известных, легко достижимых условиях. Каким оно было в промежуточный период — мы не знаем.

Психическая жизнь окружает и охватывает сознание человека со всех сторон, оставляя ему лишь островки в океане Психеи. Зона максимально ясного сознания в психической деятельности сравнительно невелика. За ней идет полоса просто ясного сознания, затем минимального сознания, за которым следует уже неосознаваемое. Понятие психического шире сознания. Психическая деятельность человека может находиться в фокусе сознания, иногда она не достигает уровня сознания (досознательное, предсознательное состояние, например у новорожденного) или же опускается ниже порога сознания (подсознательное). Сознание не во всяком состоянии человека характеризуется своей максимальной концентрацией и прозрачностью. Рассеяно оно у человека в состоянии сильного опьянения, стресса, отсутствует во сне, в результате гипнотического воздействия, у некоторых категорий душевнобольных.

Понятием бессознательного охватывается совокупность психических явлений, состояний и действий, не представленных в сознании человека, лежащих вне сферы разума, безотчетных и неподдающихся контролю. Бессознательное интерпретируется как действие, совершаемое

автоматически, рефлекторно, когда причина его не успела дойти до сознания (например, реакция защиты), а также при естественном или искусственном отключении сознания. В психологической литературе термин «бессознательное» для обозначения особой области психики, сосредотачивающей в себе влечения, стремления и мотивы, смысл которых определяется инстинктами и не доступен сознанию.

Бессознательное — глубинный фундамент психики. Оно проявляется в различных и многообразных формах: установка, влечение, ощущение, интуиция, сновидение, состояние аффекта и пр. Термин «бессознательное» используется для характеристики как индивидуального, так и группового поведения, цели и действия которого не осознаются участниками процесса. Ближайший соратник и популяризатор учения З.Фрейда К.Юнг подробно исследовал образы коллективного бессознательного — «архетипы». Они представляют собой систему врожденных программ и установок, типических реакций, которые не декларируются как социокультурные нормы, не лежат на поверхности каналов официального общения, но исходят из глубинных наслоений психической жизни человеческого рода. Коллективное бессознательное, понимаемое как передающийся по наследству итог коллективной жизни рода, может служить объяснительной моделью поведения человека и общества. Если сознание не будет воспринимать опыт архетипов и откажется выступать как элемент самоорганизующейся системы, в которой идет постоянный энергичный обмен, психике грозит вторжение бессознательного в самых примитивных формах. А это, как утверждает Юнг, ведет к индивидуальным и массовым психозам, лжепророчествам, волнениям и войнам. «Деликатное и разумное существо может превратиться в маньяка и дикого зверя. Теряя контакт с сознанием, бессознательное утверждает себя косвенным образом». «Прорываясь» в наше сознание, оно захлестывает и парализует рациональные психические структуры социального бытия личности. Анализируя связь бессознательных архетипов и сознательных компонентов психики, Юнг указывает на две опасности. Рост восточно-религиозных культов, в которых личностное начало оказывается полностью растворенным. И европейская экспансия научно-рационального Я, искажающая сущность психической жизни. Юнг предупреждает об опасности игнорирования бессознательного. Бессознательное не просто противоположно сознанию, оно является его модифицирующим противником-партнером. Бессознательное проистекает из самого стихийно-спонтанного жизненного потока, аккумулируя информацию как бы по ту сторону добра и зла, вне социальных предписаний.

На современном этапе развития объявлять бессознательное мистикой, не оказывающей никакого воздействия на жизнедеятельность, безграмотно. С физиологической точки зрения бессознательные процессы весьма целесообразны. Они выполняют охранную функцию, освобождая мозг от постоянного напряжения. О полном объеме хранящейся в памяти информации люди даже и не подозревают. Бессознательное осуществляет функцию автоматизации человеческих действий. Если бы все элементы человеческой жизнедеятельности одновременно потребовали бы осознанности и контроля, человек не мог бы ни думать, ни действовать. Получилось бы, как в известной сказке

О.Уайльда о сороконожке. Ее спросили, как она ходит? Она задумалась... и перестала ходить. Даже у вполне развитого человека основной запас информации хранится за пределами непосредственного контроля сознания. Человек испытывает все физиологически доступные ему воздействия, но не все они становятся фактом сознания.

Фрейд представил бессознательное в виде могущественной иррациональной силы, антагонистичной деятельности сознания. Вместе с тем он полагал, что бессознательные влечения могут выявляться и ставиться под контроль сознания с помощью техники психоанализа. Фрейд опирался на представление о глубинном бессознательном пласте человеческой психики, в недрах которого происходит особая жизнь, еще не достаточно изученная, но весьма значимая для сознания.

Центральным понятием фрейдовской концепции является либидо. В ранних работах Фрейда под либидо понимается энергия сексуального влечения. В дальнейшем Фрейд сводит либидо к эросу Платона, отождествляя с ним энергию того, что охватывается словом «любовь»: половая любовь, любовь к родителям и детям, любовь к людям вообще. У Юнга имеется более широкое энергетическое толкование понятия «либидо» как психической энергии, проявляющейся в жизненном процессе. Это поток витально-психической энергии, и все феномены сознательной и бессознательной жизни — суть проявления единой энергии либидо.

При рассмотрении фрейдовской концепции использовалось образное сравнение бессознательного с большой передней, где находились все душевные влечения, страсти и порывы. На пороге между передней и салоном стоял страж, разглядывающий каждое душевное влечение и решающий, пустить ли его из передней в салон, олицетворяющий собой область предсознательного, где имеется память, мышление, привычки разумного Я. Если душевное влечение допускается в салон, оно имеет шанс стать сознательным при условии, что привлечет к себе внимание сознания. За прихожей и салоном располагалась келья — собственно обитель сознания. Этот пространственный топологический образ достаточно иллюстративно показывал взаимосвязь сознательного бессознательного.

В работе Фрейда «Я и Оно» используется другая аналогия. Психика представляется состоящей из трех слоев: Оно—Я—Сверх-Я. Бессознательное Оно в своих недрах скрывает копошащиеся древние животные инстинкты, скрытые безотчетные влечения. Это «кипящий котел инстинктов». Сознательное Я — посредник между Оно и внешним миром — оказывает влияние на бессознательное, стремится к удовлетворению его влечений, допускаемых обществом. Сверх-Я — императивы и долженствования социальности — накладывает всевозможного рода запреты на проявление влечений. Я, таким образом, оказывается в тисках: со стороны внешнего мира, вождлений Оно и строгости Сверх-Я. Психическая жизнь человека беспрестанно потрясается конфликтами, защищаясь от них, человек руководствуется двумя принципами. Первый — «принцип удовольствия» автоматически направляет бессознательные влечения в русло получения максимального удовольствия. Второй — «принцип реальности» задает ориентиры и характеризует

ход протекания душевных процессов в соответствии с требованиями окружающей среды, накладывающей вето на возможность сиюминутного удовлетворения влечений. Впоследствии Фрейд уточнил область применения этих принципов. Психическая деятельность бессознательного подчиняется «принципу удовольствия», а психическая деятельность предсознательного — «принципу реальности».

Вытесненные в бессознательное желания человека в любой момент могут прорваться наружу и стать причиной драмы. Активность неразряженного желания находит «окольные пути» проникновения в сознание. Инстинктивный импульс может быть или разряжен в действии, или неразряженным вынесен опять в бессознательное, или лишен своей энергии посредством реактивных образований (стыд, мораль, сублимация). Сублимация понимается как энергия замещения социально низменных целей на культурно приемлемые. Сублимация — это процесс переориентации влечений на иную цель, отдаленную от сексуального удовлетворения, а также преобразование энергии инстинктов в нравственно одобряемую деятельность.

Как же оценить феномен бессознательного? В полемику с Фрейдом и Юнгом вступает врач и философ Э.Фромм. По Фрейду, бессознательное — в основном то в нас, что дурно, подавлено, то, что несовместимо с требованиями нашей культуры и нашего внешнего социального Я. В системе Юнга бессознательное становится источником откровения, символом того, что на религиозном языке есть сам Бог. Фромм считает, что обе концепции односторонни. Наше бессознательное — это та часть самости, которая присутствует в нашем Я, содержит и низшее и высшее, и худшее и лучшее. Мы должны подходить к бессознательному не как к Богу, которому следует поклоняться, и не как к дракону, которого следует убить, но со смирением, с глубоким чувством юмора; видеть эту другую часть нас самих такой, как она есть, без ужаса, но и без благоговения.

В отечественной науке после скоропалительного увлечения проблематикой бессознательного в ее психоаналитическом варианте в 20-е годы интерес к ней угас вплоть до 50-х годов. Благодаря Д.Узнадзе в качестве альтернативной модели фрейдовского «бессознательного» была создана «теория неосознаваемой психической установки», согласно которой действия, реакции, поступки и мысли человека всегда зависят от особого психического состояния — готовности к данному процессу. Кардинальной формой бессознательного оказывается установка, связанная с направленностью личности на активность в каком-либо виде деятельности, общей предрасположенностью к деятельности. Установка возникает при встрече двух факторов: потребности и ситуации удовлетворения потребности. Она определяет направление проявлений психики и характер поведения субъекта. Установка обладает сложной структурой, содержит эмоциональные, смысловые и поведенческие аспекты предрасположенности к восприятию или действию в отношении социальных объектов и ситуаций. Д.Узнадзе экспериментально и теоретически доказал, что установка как неосознаваемая психическая деятельность является составляющим элементом любого акта человеческого поведения. Особенно велика ее роль в

творческих процессах и в области межличностного общения.

Абстрактная постановка вопроса о гегемонии одной из форм психической деятельности над другой недопустима. И сознание и бессознательное — это реальные стороны психики, обеспечивающие ее единство. Каждая из этих сторон имеет свои специфические функции и органично или патологично представляет целостную природу человека.

Проблема смысла человеческого существования приобретает сегодня, на пороге третьего тысячелетия, особую остроту и напряженность. Потерпели крушения надежды на всецело гармоничное развитие, достойное существование и всестороннюю реализацию деятельных способностей. Резкое имущественное размежевание, экономическое существование за чертой бедности, вызывающее неравенство прав и свобод, ежедневно сталкивает каждого человека с проблемой социального и личностного выбора.

Смыслжизненная проблематика стихийно протестует против социальных технологий, приобретающих все большее влияние и связанных с продуцированием той или иной модели индивида. Мыслящий индивид хочет осознавать себя как уникальное существо, стремящееся к пониманию и полаганию смысла жизни. Причем в его возможности входят не только проекты о желаемом будущем, не только мечтания и надежды, но и способности к изменению его себя и мира.

Проблема смысла человеческого существования занимает особое место в связи с ее чрезвычайной личностной значимостью. При ее исследовании естественнонаучное познание весьма и весьма ограничено. Философское и гуманитарное знание также не может претендовать на монопольное знание о человеке. Остается надеяться на комплексный подход, при котором границы изучения человека значительно раздвинуты за счет использования потенциала всей рационалистической традиции осмысления природы человека и принимаемой во внимание в настоящее время эзотерической формы мышления.

Со стороны современной науки основной проблемой становится выявление социобиологических предпосылок поведения человека. Широко обсуждается плодотворность аналогий между поведением человека и высших животных, среди стереотипных форм, свойственных поведению приматов и человека, выделяются взаимный альтруизм, установка на защиту определенного местообитания, агрессивность, семейственность, следование отработанным в эволюции типическим для данного сообщества формам сексуальности. Однако крен в сторону естественнонаучных методов опасен сведением человекознания к биологии. Игнорирование же естественнонаучных достижений ведет к абстрактным и спекулятивным построениям, малополезным в деле реального изучения человека.

Экзистенциализм достаточно категорично заявил о неприменимости научных методов к познанию человека, проблемы смысла его существования. Дефицит гуманности европейской цивилизации в период между первой и второй мировыми войнами скомпрометировал всю науку. Подлинное существование человека, т.е. экзистенция, не равно его предметному бытию. Оно

ускользает от научной объективности познания посредством терминов, понятий и абстракций. Человек всегда помещен в ситуацию выбора, он многократно меняется на пути к «самому себе». Отрекаясь от традиционной науки, родоначальник экзистенциализма С. Кьёркегор предложил весьма четкую трехстадийную теорию восходящего движения к подлинной экзистенции. На первой стадии — эстетической, связанной с детерминацией внешним бытием, главной является ориентация на наслаждения. На второй, этической, господствует долг и предписания морального закона. На третьей, религиозной, принципом существования оказывается парадоксальная вера. Это самоуглубление позволяет постигнуть новое «трансцендентное» измерение бытия.

Противоборство духа и витальных влечений — вечное пульсирующее противоречие человеческого в смысле существования. И чем выше поднимается человек в своем духовном развитии, утверждает основоположник философской антропологии М.Шелер, тем жизненно слабее он становится. «Ах, если б молодость знала, ах, если б старость могла» — эта сентенция как нельзя удачнее подтверждает вывод мыслителя.

Не переставая представлять великой тайной и загадкой мироздания, человек с удивлением открывает для себя откристаллизовавшиеся в истории философии формулы, когда смысл существования человека определялся на основе единственно достоверного свидетельства. Примерами могут служить декартово *cogito ergo sum* («я мыслю, следовательно, существую»), или берклианское: «существовать — значит быть воспринимаемым». Определения *volo ergo sum*, принадлежащее Менде Бирану — «хочу, следовательно, существую», Камю: «я бунтую, следовательно, я существую» и прочие также дают весьма богатую палитру оттенков человеческих интенций, направленных на постижение смысла бытия. Если присовокупить к этому провозглашаемую Ницше в качестве руководящей идеи человека «волю к власти» или же роль либидо — скрытого сексуального влечения у Фрейда, обратить внимание на значимость экономического стимула, акцентированного Марксом, то станет ясно — столь проблемной областью оказывается формула смысла жизни. В подобном антагонизме идей и позиций единство и однородность человеческой природы более скрывается нежели раскрывается. Человек оказывается проблемой для самого себя.

Так, Гоббс, строя свой вариант философской антропологии, уверен, что начать рассмотрение человека следует с позиции, что он одно из тел, наряду с прочими природными и физическими телами. Вместе с тем он еще и существо моральное, духовное, создатель искусственных тел: культуры и государственности. Следовательно, смысл его существования в осуществлении данной созидательной миссии.

«Мысли» Паскаля имеют доминирующим мотивом убеждение в непостижимости смысла человеческого существования. Ибо человек не может уразуметь, ни что такое тело, ни что такое дух, а то, как они соединены между собой, — самое непостижимое. Выведенный Паскалем знаменитый образ человека — «мыслящий тростник» говорит о незащитности и слабости этого создания. Когда же это ничтожнейшее из созданий — «мыслящий тростник» начинает осознавать себя, он обретает

величие. Следовательно, величие человека заключается в способности мыслить. Мыслительное путешествие возможно как в направлении Бесконечности и Вселенной, так и в глубь другой бездны, заключенной в сжатых границах души человека.

Соединение ничтожества и величия резюмируется Паскалем в формуле, что человек есть «хаос», «сгусток противоречий», «междоусобица разума и страстей». Отсюда следует и основной тезис о двойственности человека, проявляющейся в рассогласовании души и тела, в необходимости сосуществования доброго и злого в человеке и, наконец, в его ничтожестве и величии.

Пожелания Паскаля человеку таковы: «Пусть человек отдастся созерцанию природы во всем ее высоком и неохватном величии, пусть отвратит взоры от ничтожных предметов, его окружающих. (...) Пусть уразумеет, что Земля — всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает это светило... Пусть воображение летит за пределы видимого... А потом пусть человек снова подумает о себе и сравнит свое существо со всем сущим, пусть уразумеет, чего стоит наша Земля со всеми ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам». Вопрос: «Что такое человек?» — приобретает у Паскаля весьма нетривиальный ответ: «Небытие в сравнении с бесконечностью, все сущее в сравнении с небытием, среднее между всем и ничем».

В эпоху Просвещения философская антропология как учение о человеке сделалась центральной проблемой философских размышлений. Ярким свидетельством тому служит тематика, вынесенная в названия основных трактатов того времени. У Ламетри, к примеру, первая философская работа носила название «Естественная история души», а главное философское произведение именовалось «Человек—машина». Размышления Гельвеция: «Об уме» и «О человеке, его умственных способностях и его воспитании»; его поэтическое произведение носит название «Счастье». Признание решающей роли просвещения во всех проявлениях человеческого бытия было наиболее характерным для этой эпохи. Однако данный тезис был противоречив в своей основе, так как согласно ему возникала детерминация от идеального (от передовых взглядов и идей, от просвещения). Вместе с тем сами идеи в рамках онтологии не воспринимались как нечто определяющее и независимое от существования тела. Ни о какой душе вне физиологических и биологических процессов врач Ламетри не желал и слышать. Ни о каком познании души вне тела не могло быть и речи у Дидро. Следовательно, тезис о приоритетном влиянии идей повисал в воздухе, ни на чем, кроме горячего желания представить все именно таким образом, не основываясь.

Своеобразным эхом отразились идеи Просвещения в новейших антропологических концепциях. Весьма интересной представляется мысль, что человека можно описать и определить в терминах его сознания. В этом случае все эмпирические методы, и метод наблюдения в частности, обнаруживают свою неэффективность. По мнению В.Налимова, новое видение природы человека должно быть связано с пониманием того, что именно смысл является организующим началом человека. Однако такая позиция базируется на признании трансличностного начала, объединяющего все человечество. Можно сказать и мягче, что человек не до конца рационален по своей природе. Не зная будущего, он

действует и надеется, реально проживая в ситуации неопределенности. Человек, как удачно выразился Э.Кассирер, оказывается существом, которое постоянно ищет самого себя, которое в каждый момент своего существования испытывает и перепроверяет условия своего существования. Смысл человеческого существования как категория антропологии заключает в себе всеобщность и необходимость самореализации человека и сопровождается фоном ценностно-созидательного отношения к бытию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогальская П. Атлантида//АУМ. Синтез мистических учений Запада и Востока. 1990, № 3.
2. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991.
3. Бердяев Н. Смысл творчества. М., 1916.
4. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
5. Карпинская Р.С. Человек и его жизнедеятельность. М., 1988.
6. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М., 1993.
7. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.
8. Фрейд З. Избранное. М., 1990.
9. Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
10. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов. М., 1989.
11. ГоббсТ. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1964.
12. Де Ларошфуко Франсуа. Максимы. Блез Паскаль Мысли. Де ЛабрюйерЖан. Характеры. М., 1974.
13. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.

Тема 6. ПОЗНАНИЕ, ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

Специфика научного познания. — Эмпирический и теоретический уровни познания. — Субъектно - объектное видение мира. — Агностицизм и скептицизм. Научное и вненаучное знание. — Истина и ее критерии.

Специфика научного познания. Научное познание — это процесс получения объективного, истинного знания. Научное познание имеет тройную задачу, так как связано с описанием, объяснением и предсказанием процессов и явлений действительности. Считается, что объем научной информации удваивается примерно каждые 15 лет. В развитии научного познания чередуются революционные его периоды, так называемые научные революции, которые приводят к смене теорий и принципов, и периоды эволюционного развития науки, на протяжении которых знания углубляются и детализируются.

В настоящее время помимо общественных, технических и естественных наук различают также науку фундаментальную и прикладную, теоретическую и экспериментальную. Наука сегодня представлена широким многообразием дисциплин и развивается с учетом глубокой специализации, а также на стыках различных междисциплинарных областей. Научное знание как форма сознательного поиска истины многообразно: оно бывает фактуальным и гипотетическим, экспериментальным и теоретическим, классификационным и концептуальным, гуманитарным, математическим и естественнонаучным. При этом все научные знания должны отвечать определенным стандартам и иметь определенные основания. В качестве последних принято выделять:

- идеалы и нормы познания, характерные для данной эпохи и конкретизируемые применительно к специфике исследуемой области;
- научную картину мира;
- философские основания.

Результаты научного познания характеризуются объективностью, универсальностью и претендуют на общезначимость. Обоснование общезначимости научного знания в истории философской мысли являлось одним из существенных вопросов. Платон, например, пытался объяснить наличие безличностного, общезначимого знания существованием высших идей, заложенных в человеческой душе. В философской школе Аристотеля — Ликее познавательная деятельность воспринималась только как коллективная, и потому каждый ученик выполнял лишь определенное задание. Аристотель подчеркивал важность в первую очередь общих правил, а уровень индивидуальных способностей — во вторую. В средневековой культуре господствующими выступали надличностные истины теологии и теологические догматы. Сама ремесленная деятельность, где важно было мастерство и личностная одаренность автора, объявлялась анонимной. Вместе с тем многочисленные теологические диспуты, а также сам факт существования еретиков, свидетельствовали о личностном, отличном от общепринятого отношении к миру. В Новое время,

когда на первое место выступает исследование природных явлений, личностное знание представало как субъективное, имеющее разного рода погрешности. Идеалом становится объективное знание. Оно наделяется статусом всеобщности и необходимости, что предполагает «очищение» от личностных характеристик и исключение личностных особенностей.

Наука всегда стремится видеть реальность как совокупность причинно обусловленных закономерных, естественных событий и процессов. Ей присущи строгость, достоверность, обоснованность, доказательность. Она ратует за естественный порядок, который может быть выражен в законах естественных наук и математики. Причинность и закономерность — вот та фундаментальная константа, которая существует во всех сферах науки. Другое дело, что закономерности могут носить динамический или статистический характер. В динамических закономерностях предсказания имеют точно определенный априорный характер. Они описывают свойства относительно изолированных систем, содержащих малое число элементов, в которых можно абстрагироваться от целого ряда случайных факторов (например, законы классической механики и др.). Статистические закономерности формулируются на языке вероятностных распределений и проявляются как законы массовых явлений на базе больших чисел. Считается, что их действие обнаруживается там, где на фоне множества случайных причин существуют глубокие необходимые связи. Они не дают абсолютной повторяемости, однако в общем случае правомерна их оценка как закономерностей постоянных причин. В общезначимом смысле статистические закономерности отражают такую форму проявления взаимосвязи явлений, при которой данное состояние системы определяет все ее последующие состояния не однозначно, а с определенной вероятностью.

В результате научных революций принципиально меняется видение мира, опровергаются существующие каноны и объяснительные модели. Это лишний раз подтверждает определенную относительность научного знания, делает чрезвычайно актуальной процедуру теоретической нагруженности эмпирических методов исследования, например наблюдения. Весь массив естественнонаучного знания переживает периоды научных революций и не всегда отвечает кумулятивной модели развития — простому накоплению и сохранению накопленного.

Важной и отличительной характеристикой науки как формы общественного сознания являлось то, что разнообразные ее отрасли были обращены к явлениям и процессам реальности, существующим объективно (вне человека, независимо ни от человека, ни от человечества). Закон тяготения, квадратные уравнения, периодическая система химических элементов, законы термодинамики объективны. Их действие не зависит от мнений, настроения, личности ученого. Свои выводы наука формулирует в теориях, законах и формулах, вынося за скобки индивидуальное, эмоциональное отношение ученого к изучаемым явлениям и тем социальным последствиям, к которым может привести то или иное открытие. Рациональное научное знание, опирающееся на систему общезначимых норм и принципов, предметно и безличностно объективно. Иными словами, все, что наука делает своим предметом, рассматривается через призму закономерностей и регулярных

каузальных связей.

Объективность всегда выступала идеалом и основным критерием научного знания. При этом объективность мыслилась, во-первых, как процедура, фиксирующая совпадение знания со своим объектом. Во-вторых, как процедура устранения из знания всего, что связано с субъектом и средствами его познавательной деятельности. Некоторые исследователи отмечают, что в контексте европейской христианской культуры этот второй смысл объективности связывался с представлением о греховной, «испорченной» природе человека, которая тяготеет над его познавательными устремлениями. Однако на самом деле знание трудно оторвать от процесса его получения. Объекты микрофизики, например, оказываются составными частями ситуации наблюдения, на это, в частности, указывал В.Гейзенберг, что зафиксировано в известном «соотношении неопределенностей» (1928). На сегодняшний день можно отметить неоднозначность понимания объективности. Иногда с объективностью связывают общезначимость и intersubjectivity. Часто под объективностью подразумевают нечто инвариантное, неизменное ни при каких обстоятельствах. Наиболее распространено представление об объективности как сочетании и совпадении множества условий: логических, методологических, философских. Независимость от субъекта при этом остается важной и основополагающей чертой объективности.

Методологи говорят об «удачливых науках», подразумевая под этим, что они преуспели в деле определения четких критериев научного познания и шлифовки категориального аппарата. Такие «удачливые науки» заимствуют по большей части уже готовый инструментарий из математических дисциплин и пользуются им при некоторой доработке. Однако объективность не означает предельную строгость и категориальность понятийного аппарата. Объективность направлена прежде всего на изучение сущности самой вещи, процесса или явления. Наука универсальна в том смысле, что она может сделать предметом научного исследования любой феномен, может изучать все в человеческом мире: будь то деятельность сознания или же человеческая психика. Однако в этом случае она (наука) рассматривает выбранный предмет с точки зрения его сущностных связей. Объективность есть то, что независимо ни от человека, ни от человеческой деятельности.

Традиционная классическая теория познания описывает движение научно-познавательного процесса как ход мышления, простирающийся от вопроса к проблеме, затем к гипотезе, которая после своего достаточного обоснования превращается в теорию и рождает концепцию. Итак, вопрос—проблема—гипотеза—теория—концепция — вот цепочка, скрепляющая развивающееся научное знание. О проблеме говорят, что это знание о незнании. Проблема понимается как совокупность суждений, включающая в себя ранее установленные факты, а также суждения о еще непознанном содержании объекта. Проблема выглядит как выраженное в понятии объективное противоречие между языком наблюдения и языком теории, эмпирическим фактом и теоретическим описанием. Постановка и решение проблемы служит средством получения нового знания. Но и сама проблема может определяться по-разному: как содержание, которое не имеется в накопленном

знания, и как реконструкция из имеющейся исходной теории, наличествующего массива знания.

Гипотеза понимается как первоначальный этап создания теории. Гипотеза (от греч. hypothesis — предположение) по форме представляет такого рода умозаключение, посредством которого происходит выдвижение какой-либо догадки, предположения, суждения о возможных основаниях и причинах явлений. Энгельсу принадлежат слова о том, что формой развития естествознания является гипотеза. Ньютону приписывают суждение: «Гипотез не измышляю», которое в некотором роде опровергает роль и значение гипотезы в научном познании. Когда гипотеза оказывается в состоянии объяснить весь круг явлений, для анализа которых она предложена, она перерастает в теорию. Лейбниц предложил формулировку следующих условий обоснованности гипотезы. Гипотеза наиболее вероятна во-первых, в том случае, чем более она проста, во-вторых, чем больше явлений с ее помощью может быть объяснено, и, в-третьих, чем лучше она помогает нам предвидеть новые явления.

Научное знание в целом представляет собой достаточно строгую форму организованности и характеризуется такими признаками, как непротиворечивость, доказательность, проверяемость, системность.

Эмпирический и теоретический уровни познания. Научное познание осуществляется на разных уровнях. Опыт, эксперимент, наблюдение суть составляющие эмпирического уровня познания. Абстракции, идеальные объекты, концепции, формулы и принципы - необходимые компоненты теоретического уровня. Размышлять над движением идей и наблюдать различные факты — занятия, отличающиеся друг от друга. Задача ученого-теоретика — создать теорию или сформулировать идею на основе «материи мысли», эмпирик же привязан к данным опыта и может позволить себе лишь обобщение и классификацию. Можно ли свести теоретический и эмпирический уровни познания к соотношению чувственного и рационального? Нельзя, потому что и на эмпирическом, и на теоретическом уровнях познания присутствуют как мышление, так и чувства. Взаимодействие и единство чувственного и рационального имеют место на обоих уровнях познания с различной мерой преобладания. Описание данных восприятия, фиксация результатов наблюдения, т.е. того, что относится к эмпирическому уровню, нельзя представить как сугубо чувственную деятельность. Оно также нуждается в определенных категориях, понятиях и принципах. Получение результатов на теоретическом уровне не есть исключительно сфера рации. Восприятие чертежей, графиков, схем, да и самого объекта предполагает чувственную деятельность. Особо значимыми оказываются процессы воображения. Поэтому подмена категорий «теоретическое — мыслительное (рациональное)», «эмпирическое — чувственное (сенситивное)» неправомерна.

В чем же отличие теоретического уровня познания от эмпирического? Хоть эмпирические знания также могут быть представлены гипотезами, обобщениями, эмпирическими законами/ однако они направлены на объект, который дан наблюдателю непосредственно. Эмпирический уровень выражает объективные факты, выявленные в результате экспериментов и наблюдений, как правило,

со стороны их внешних, очевидных связей.

Теоретический уровень познания также предполагает связь с действительностью. Однако связь эта не прямая, а опосредованная. Теоретическое мышление нельзя свести к суммированию эмпирического. Получается, что теория вырастает не из эмпирии, но как бы рядом с ней, а точнее, над ней и в связи с ней. И если эмпирический уровень предполагает обобщение фактических данных, опытных зависимостей, индуктивных законов, то мир теоретического знания составляют идеи, концепции, идеальные объекты, которые не встречаются в действительности. В основе деятельности теоретика лежит создание и исследование этих идеальных теоретических конструктов. Теоретический уровень — это концептуальное движение. Знания теоретического уровня возникают в результате внутреннего развития идей и концепций, а не простого обобщения данных наблюдения.

Мир явлений очень часто предстает как мир видимости и кажимости. Согласно данным органов чувств Солнце восходит и, описав дугу вокруг Земли, заходит. Создается впечатление, что оно как будто бы вращается вокруг Земли. Однако в действительности все обстоит иначе. Глубинная сущность и форма проявления процессов, как правило, не совпадают. Задача теоретического уровня познания состоит в обнаружении за видимыми проявлениями скрытых, внутренних, сущностных связей и отношений. Теоретическое мышление не заимствует своего содержания извне в готовом виде, на его формирование не влияет ограниченность наблюдения. И то, что ускользает от наблюдателя, не должно скраться от теоретика. Теоретический уровень познания направлен на формирование теоретических законов, которые отвечают требованиям всеобщности и необходимости, т.е. действуют везде и всегда.

Субъектно-объектное видение мира. В философии раздел, который занимается изучением особенностей научного познания, называется гносеологией (от греч. *gnosis* — познание, *logos* — учение) или эпистемологией (от греч. *episteme* — знание, *logos* — учение). Эти понятия весьма близки. Однако гносеология нацелена на изучение познавательного процесса в целом, начиная от его исходных предпосылок и кончая структурными компонентами и многообразием типов знания. Эпистемологию интересуют не все познавательные проблемы, а прежде всего отношение знания к реальности и условия истинности. Эпистемологи озабочены возможностью рационального осмысления перехода от чувственного к рациональному, от эмпирического к теоретическому, от слова к вещи, логикой исследовательского процесса. Эпистемология предполагает изучение познавательных процедур с точки зрения получения истинного знания. Эпистемологическая проблематика возникает в связи с тем, что в науке существуют отклонения от законов, неоднозначность научного доказательства, проблема объективности и самое существенное — проблема выяснения условий и критериев истинности. Эпистемологическая ось — это ось точного общенаучного знания, полных дефиниций, обоснованных концепций, не имеющих ничего общего с произволом. Мыслить научно в эпистемологии означает познать закон природы одновременно и как феномен (явление), и как ноумен (внутреннюю сущность). Исходная, отправная основа

эпистемологии должна отвечать требованиям изначальной ясности. Развитие наук представляется протекающим в направлении рациональной связанности. Продвижение знания сопровождается ростом согласованности выводов. Эпистемология требует одновременно и реалистического, и рационалистического языка. В ней взгляд индивидуального сознания оттеснен на второй план, поэтому происходит развенчание, «ниспровержение» субъекта.

В науке (естествознании и математике), впрочем, всегда существовала ситуация некоторой отстраненности от субъекта, ее не интересовал ни внутренний мир исследователя, ни темперамент, ни его вероисповедание и национальность. Субъект научного познания выступал как необходимый полюс или компонента научной деятельности, в которой другим полюсом притяжения оказывался объект. Под субъектом познания в общем плане понимается активно действующий, обладающий сознанием и волей индивид либо группа индивидов. Под объектом понимается тот фрагмент реальности или часть природного или социального бытия, на которые направлена познавательная активность человека. Теория познания, занятая изучением познавательного отношения человека к действительности, видит в субъекте участника познавательного процесса. Он зависим от конкретно-исторических условий и социокультурных факторов и во многом ограничен возможностями общественной практики.

Современная трактовка понятия «субъект познания» берет свое начало от Декарта, у которого противопоставление субъекта и объекта выступило исходным пунктом анализа познания. Следующий важный шаг был сделан Кантом, который раскрыл законы внутренней организации субъекта, развил учение о категориях как о формах суждения, представление о родовом субъекте, априорном и апостериорном знании.

Метафизический материализм оказался бессилён в решении вопроса о соотношении субъекта и объекта. Субъект понимался как отдельный, изолированный индивид, сущность которого связывалась с его природным происхождением, объект — как независимо существующий объективный мир. Их отношения определялись только воздействием объекта на субъект, последний оказывался пассивно воспринимающим, лишенным целей и интересов биологическим существом. Но если Фейербах считал, что наше Я познает объект, лишь подвергаясь его воздействию, то Маркс совершенно справедливо уточнял — воздействуя на него. Эта активная, деятельностная роль субъекта в процессе познания прекрасно понималась идеализмом. Причем она абсолютизировалась до такой степени, что даже объект трактовался производным и зависимым от субъективной активности. В субъективном идеализме, где властвовал тезис — «Вещь есть комплекс моих ощущений», объект фактически устранялся.

Современная философия, признавая независимое существование субъекта и объекта, обращает внимание на их связь и взаимодействие. Объект из фрагмента реальности активно преобразуется в «очеловеченный» объект, наделяется характеристиками, соответствующими человеческим потребностям, и сам изменяется в ходе этого взаимодействия. Субъект выступает не как абстрактный

биологический индивид, а как исторически развивающееся социальное существо. Основу их взаимодействия составляет предметно-практическая деятельность. Будучи активной силой во взаимодействии с объектом, человек не может действовать произвольно. Сам объект, а также уровень конкретно-исторического развития ставит определенные пределы и границы деятельности. Именно на этой основе возникает необходимость познания законов объекта, чтобы согласовать с ними деятельность и практические потребности субъекта.

Агностицизм и скептицизм. Большинство философов утвердительно решало вопрос о том, в состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о мире составлять верное отражение действительности. Однако существует ряд мыслителей, оспаривающих возможность познания мира или по крайней мере исчерпывающего познания. Агностицизм (от греч. *agnostos* — недоступный познанию) отражает определенную позицию в философии и науке, отрицающую возможности истинного познания окружающего мира. И хоть сам термин «агностицизм» был введен в конце XIX в. английским естествоиспытателем Т.Гексли, агностики заявляли о себе еще со времен античности. В произведении виднейшего софиста Протагора «Истина» провозглашается: «Человек есть мера всех вещей». Тем самым знание, законы и истина ставятся в зависимости от человека-индивида, их относительность абсолютизируется. Софисты — учителя мудрости должны научить каждого, обратившегося к ним, убедительно доказать или опровергнуть любую точку зрения, любое положение. В основе подобной деятельности коренится убеждение об отсутствии истинности и закономерности.

К самым ярким представителям агностицизма относят Д.Юма и И.Канта. Юм был уверен, что наше познание имеет дело с опытом и привычкой, а не с истиной и законом, и мы не можем судить о том, как соотносится наш опыт с реальностью, потому что не в силах выйти за его пределы. Кант назвал недоступный нашему познанию объективный мир «вещью в себе» и настаивал на принципиальной границе между действительностью и познанием. Мир явлений (феноменов) — «вещей для нас» ничего не говорит о скрытом от нас мире ноуменов — «вещей в себе», которые, согласно Канту, находятся вне пространства и времени.

Скептицизм, первоначально возникший как направление древнегреческой философии, хоть и переводился с древнегреческого как рассматривающий и исследующий, по сути своей был обращен к тому, чтобы подвергать все сомнению и недоверию. Скептики не допускали возможности достоверного знания, отвергали причинность в мире, отрицали существование добра и зла, не верили в возможность обоснования норм и законов, скептические тропы являлись аргументами против возможности достижения достоверного знания. Всех, не разделявших убеждений скептицизма, считали догматиками и называли глупцами. Возникновение античного скептицизма связывают с именем Пиррона (конец IV в. до н. э.). Резкое противопоставление знания, основанного на доказательстве, и субъективной чистой видимости, кажимости является, начиная с Пиррона, самым главным в скептицизме. Так как все течет и все меняется, то, согласно мнению скептиков, ни о чем

вообще ничего сказать нельзя и следует воздержаться от каких-либо суждений. Вещи не различимы, не исследуемы и не определимы; ни наши ощущения, ни наше мышление не являются ни истинными, ни ложными, им не следует верить. В суждении софиста Горгия: 1) ничего не существует; 2) если что-либо и существует, то оно непознаваемо; 3) если существует и познаваемо — оно невыразимо. В этих трех положениях заключается суть античного скептицизма. Мир настолько изменчив, что невозможно, чтобы кто-либо смог передать свои знания другому.

Однако скептицизм, сохраняя за собой свою критическую направленность, может выступать и в ином качестве, являясь частью свободомыслия и вольнодумной культуры, подвергая сомнению теологические истины. Поэтому в более широком смысле скептицизм можно рассматривать как метод, предлагающий возражения против принятого и устоявшегося. В первую очередь скептицизм направлен против догматизма, его цель — «подорвать авторитеты».

Хотя скептицизм и агностицизм — однотипные учения, разница между ними существует. Агностик, отрицая познаваемость реальности, не отрицает возможности теоретического знания и не придерживается принципа «воздержания от суждения». Агностицизм естествоиспытателей называется «стыдливым» материализмом в силу того, что в нем признается наличие теоретической проблемы, но на вопрос: «А каково ее решение?» — следует ответ: «Не знаю». Если же естествоиспытатель будет следовать традиционному скептицизму, то ему или не придется рассуждать вообще или рассуждать по типу: «Собака, кажется, имеет четыре ноги».

Агностицизм, отражая реальную противоречивость процесса познания, весьма живуч. Однако было бы ошибочно отождествлять его с идеализмом. Такие известные философы-идеалисты, как Р.Декарт, Г.Лейбниц и Г.Гегель не были агностиками, а, напротив, подвергали агностицизм справедливой критике, содержащей, правда, больше остроумия, нежели аргументов, вскрывающих его несостоятельность. Тем не менее его разрушительное воздействие на ход и течение познавательного процесса достаточно очевидно. Агностицизм, сжато выраженный в словесной формуле: «Не знаю» и повсеместно сопровождающий познавательный процесс, настаивает на выводе о произвольности в познании, когда «может быть так, а может быть по-другому». С агностицизмом связывается также убеждение в чисто символической природе познания, когда познавательный (гносеологический) образ предстает не как адекватное отражение познаваемого объекта, но всего лишь как не претендующее на сходство символическое его замещение. Представление об истинности познания в этом случае коренится только в вере.

Однако показать соответствие познания и действительности и тем самым отвергнуть агностицизм можно, лишь перенесясь из сферы умозрения в сферу практической деятельности. Самое решительное опровержение агностицизма и скептицизма заключается в практике, эксперименте и промышленности. Производя тот или иной предмет, мы одновременно показываем правильность понимания данного явления природы и закономерности его функционирования.

Научное и вненаучное знание. Познание не ограничено сферой науки, знание в той или иной

своей форме существует и за пределами науки. Появление научного знания не отменило, не упразднило и не сделало бесполезными другие формы знания. Весьма убедительно звучат слова Л.Шестова, уверенного, что «существуют и всегда существовали ненаучные приемы отыскания истины, которые и приводили, если не к самому познанию, то к его преддверию, но мы так опорочили их современными методологиями, что не смеем и думать о них серьезно».

Каждой форме общественного сознания: науке, философии, искусству, праву, политике, религии и пр., соответствуют специфические формы знания. Различают также формы знания, имеющие понятийную, символическую или художественно-образную основу.

Когда разграничивают научное, основанное на рациональности, и вненаучное знание, то важно сразу же оговориться, что вненаучное знание не является чистым произволом, выдумкой или фикцией. Оно вырабатывается в определенных интеллектуальных сообществах, в соответствии с другими, отличными от рационалистических традициями, нормами и эталонами, а также имеет свои источники познания. Очевидно, что многие формы вненаучного знания (например, астрология, алхимия) старше знания, признаваемого в качестве научного (астрономия, химия).

Выделяют следующие формы вненаучного знания:

- ненаучное, понимаемое как разрозненное, несистематическое знание, которое не формализуется и не описывается законами, находится в противоречии с существующей научной картиной мира;
- донаучное, выступающее прототипом, предпосылочной базой научного;
- паранаучное как несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом. Широкий класс паранормального знания включает в себя учения о тайных природных и психических силах и отношениях, скрывающихся за обычными явлениями;
- лженаучное как сознательно эксплуатирующее домыслы и прет рассудки.

Лженаука представляет собой ошибочное знание. В качестве симптомов лженауки выделяют малограмотный пафос, а также принципиальную нетерпимость к опровергающим доводам, претенциозность. Иногда лженаучное знание связывают с патологической деятельностью психики творца как такового, последнего в обиходе называют «маньяком», «сумасшедшим».

Следует заметить, что лженаучное знание очень чувствительно к злобе дня, сенсации. Особенностью лженаучных знаний является то, что они не обладают систематичностью, универсальностью. Считается, что лженаучное обнаруживает себя и развивается через квазинаучное.

- Квазинаучное знание ищет себе сторонников и приверженцев, опираясь на методы насилия и принуждения. Оно, как правило, расцветает в условиях жесткоиерархичной науки, где невозможна критика власти предрержащих, где жестко проявлен идеологический режим. В истории нашей страны периоды «триумфа квазинауки» хорошо известны: лисенковщина, обличение кибернетики, фиксизм как квазинаука в советской геологии 50-х годов.

- Антинаучное как утопичное и сознательно искажающее представления о действительности.

Приставка «анти» обращает внимание на то, что предмет и способы исследования противоположны науке. Это подход с «противоположным знаком». С ним связывают извечную потребность в обнаружении общего легко доступного «лекарства от всех болезней». Особый интерес и тяга к антинауке возникают в периоды нестабильности общества. И хоть феномен достаточно опасен, принципиального избавления от антинауки произойти не может.

- Псевдонаучное знание представляет собой интеллектуальную активность, спекулирующую на совокупности популярных теорий, например историй о древних астронавтах, о снежном человеке, о чудовище из озера Лох-Несс.

Уже на ранних этапах человеческой истории существовало обыденно-практическое знание, дающее элементарные сведения о природе и окружающей действительности. Его основой был опыт повседневной жизни, имеющий, однако, разрозненный, несистематический характер и зачастую представляющий собой простой набор сведений. Обыденные знания возникают везде в условиях элементарных жизненных отношений и являются исходным пластом всякого познания. Люди, как правило, располагают большим объемом обыденного знания. Иногда аксиомы здравого смысла противоречат научным положениям, препятствуют развитию науки, вживаются в человеческое сознание так крепко, что становятся сдерживающими прогресс предрассудками. Иногда, напротив, наука длинным и трудным путем доказательств и опровержений приходит к формулировке тех положений, которые давно утвердились в сфере обыденного знания.

Обыденное знание включает в себя и здравый смысл, и приметы, и назидания, и рецепты, и личный опыт, и традиции. И хоть в обыденном знании частично фиксируется истина, происходит это не систематично и бездоказательно. Особенностью обыденных знаний или знаний, вытекающих из повседневного опыта, является то, что они используются субъектом практически неосознанно и в своем применении не требуют каких бы то ни было предварительных систем доказательств. Иногда обыденное знание даже перескакивает ступень артикуляции и вне каких-либо вербальных (словесных) аргументов «молчаливо» руководит действиями субъекта.

Другой особенностью обыденного знания является его принципиально бесписьменный характер. Те пословицы и поговорки, которыми располагает фольклор каждой этнической общности, лишь фиксируют его факт, обеспечивают предварительное, ориентировочное восприятие и понимание мира, но никак не описывают теорию обыденного знания. Заметим, что ученый, используя узкоспециализированный арсенал научных понятий и теорий, всегда внедрен и в сферу повседневного опыта. Он не свободен от неспециализированного повседневного уровня мировосприятия, ибо, оставаясь ученым, не перестает быть просто человеком.

К исторически первым формам человеческого знания относят игровое познание, которое строится на основе условно принимаемых правил и целей. Игровое познание дает возможность возвыситься над повседневным бытием, не заботиться о практической выгоде и вести себя в соответствии со свободно принятыми игровыми нормами. В игровом познании возможно сокрытие

истины, обман партнера. Игровое познание носит обучающе-развивающий характер, выявляет качества и возможности человека, позволяет раздвинуть психологические границы общения.

Особую разновидность знания, являющегося достоянием отдельной личности, представляет личностное знание. Личностное знание ставится в зависимость от способностей того или иного субъекта и от особенностей его интеллектуальной познавательной деятельности. Коллективное знание — общезначимо или надличностно, оно предполагает наличие необходимой системы понятий, способов, приемов и правил построения знания. Личностное знание, в котором человек проявляет свою индивидуальность и творческие способности, признается необходимой и реально существующей компонентой знания. Оно подчеркивает тот очевидный факт, что науку создают люди и что искусству или познавательной деятельности нельзя научиться по учебнику, оно достигается лишь в общении с мастером.

Особую форму представляет собой так называемая «народная наука», которая в настоящее время стала делом отдельных групп или отдельных субъектов: знахарей, целителей, экстрасенсов, а ранее — шаманов, жрецов, старейшин рода. При своем возникновении «народная наука» обнаруживала себя как феномен коллективного сознания. В век классической науки она потеряла статус intersубъективности и прочно расположилась на отдаленной периферии от центра официальных экспериментальных и теоретических изысканий. Как правило, «народная наука» существует и транслируется в бесписьменной форме от наставника к ученику. Иногда можно выделить конденсат «народной науки» в виде заветов, примет, ритуалов и пр. Но хотя в «народной науке» видят ее большую проницательность, достаточно часто ее обвиняют в необоснованных претензиях на обладание истиной.

Примечательно, что феномен «народной науки» представляет предмет специального изучения для этнологов. Иногда они называют таковую «этнонаукой» и изучают ее особенности в зависимости от этнического и национального образа жизни. Конечно, этнонаука связана с интенсивной этнической жизнью, с типичными для нее ритуалами и коллективными обрядами как формами социальной памяти. В этом смысле этнонаука может быть рассмотрена как специфическим образом пространственно локализованная, т.е. связанная с конкретным ареалом распространения, а также с конкретным историческим периодом.

Очень часто измененные пространственно-временные условия существования этноса приводят к разложению или исчезновению «народных наук», которые, как правило, не восстанавливаются. Они очень жестко завязаны на конкретно исторически действующего субъекта. Модификация его мировоззрения и способов взаимодействия с миром изменяет, а точнее, блокирует весь рецептурно-рутинный комплекс сведений, наполняющих «народную науку». От развитой формы «народной науки» в распоряжении последующих поколений могут остаться лишь какие-либо незначительные следы. В этой связи весьма уместно вспомнить мнение автора концепции личностного знания М.Полани, который отмечал, что искусство, которое не практикуется в течение

жизни одного поколения, остается безвозвратно утраченным. Обычно эти потери не восполнимы. В картине мира, предлагаемой «народной наукой», большое значение имеет круговорот могущественных стихий бытия. Природа выступает как «дом человека», человек, в свою очередь, как органичная его частичка, через которую постоянно проходят силовые линии мирового круговорота. Считается, что «народные науки» обращены к самым элементарным, с одной стороны, и самым жизненно важным, с другой, сферам человеческой деятельности, как-то: земледелие, скотоводство, строительство. Символическое и абстрактное в них выражено минимально.

Таким образом, в истории культуры многообразные формы знания, отличающиеся от классического научного образца, отнесены к сфере вненаучного знания. К вненаучному знанию, которое претендует на статус специализированного, относится прежде всего астрология, алхимия, парапсихология, теософия и пр. Этот класс наук объединяется общим понятием — эзотеризм.

В сфере внерационального, вненаучного знания выделяют по крайней мере три вида познавательных феноменов: паранормальное знание, псевдонауку и девиантную науку. Причем их соотношение с научной деятельностью или «степень научности» возрастает по восходящей. То есть фиксируется некая эволюция от паранормального знания к разряду более уважаемой псевдонауки и от нее к девиантному знанию. Это косвенным образом свидетельствует о развитии вненаучного знания.

Широкий класс паранормального (от греч. пара — около, при, вне) знания включает в себя учения о тайных природных и психических силах и отношениях, скрывающихся за обычными явлениями. Самыми известными разделами паранормального знания являются мистика и спиритизм.

Для описания способов получения информации, выходящих за рамки научно допустимых, кроме термина «паранормальность» используются термины «внечувственное восприятие» (ВЧВ), «парачувствительность», или пси-феномены. Они предполагают возможность получения информации или оказания влияния, не прибегая к непосредственным физическим способам. Наука пока еще не может объяснить задействованные в данном случае механизмы. Различают экстрасенсорное восприятие (ЭСВ) и психокинез. ЭСВ подразделяется на телепатию и ясновидение. Телепатия предполагает обмен информацией между двумя и более особями паранормальными способами. Ясновидение — это способность получать информацию, используя некоторый неодушевленный предмет (ткань, кошелек, фотография и пр.). Психокинез — это способность воздействовать на внешние системы, находящиеся вне сферы нашей моторной деятельности, перемещать предметы нефизическим способом.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в наши дни исследованием паранормального знания занимается наука. После серий различных экспериментов в области паранормальных эффектов наука делает соответствующие выводы. К ним относятся весьма любопытные заключения типа: 1) с помощью ЭСВ можно получить значимую информацию; 2) расстояние, разделяющее испытуемого и воспринимаемый объект, не влияет на точность восприятия; 3) использование

электромагнитных экранов не снижает качества и точности получаемой информации. Следовательно, под сомнение может быть поставлена существовавшая ранее гипотеза об электромагнитных каналах ЭСВ. И можно предполагать наличие какого-то другого, например психофизического, канала, природа которого пока не ясна. Вместе с тем сфера парапсихического знания имеет уже выявленные особенности, которые противоречат сугубо научному подходу. Во-первых, результаты парапсихических исследований и экспериментов не воспроизводимы повторно, во-вторых, их невозможно предсказать и прогнозировать.

Для псевдонаучного знания характерна сенсационность тем, признание тайн и загадок, а также умелая обработка «фактов». Это все априорные условия деятельности в данной сфере, к которым присоединяется свойство исследования через истолкование. Привлекается материал, который содержит намеки или подтверждения высказанным взглядам и может быть истолкован в их пользу. К.Поппер -достаточно высоко ценил псевдонауку, прекрасно понимая, что наука может ошибаться, а псевдонаука «может случайно натолкнуться на истину». Он делает и другой вывод: «Если некоторая теория оказывается ненаучной — это значит, что она не важна».

По форме псевдонаука — прежде всего рассказ или история о тех или иных событиях. Этот типичный для псевдонауки способ подачи материала называют «объяснением через сценарий». Другой отличительный признак паранауки — ее безошибочность. Бессмысленно надеяться на корректировку псевдонаучных взглядов, а критические аргументы никак не влияют на суть истолкования рассказанной истории.

Термин «девиантное» (от лат. *deviatio* — отклонение) — означает отклоняющуюся от принятых и устоявшихся стандартов познавательную деятельность. Причем сравнение происходит не с ориентацией на эталон и образец, а в сопоставлении с нормами, разделяемыми большинством членов научного сообщества. Отличительной особенностью девиантного знания является то, что им занимаются, как правило, люди, имеющие научную подготовку. Однако они по тем или иным причинам могут выбирать весьма расходящиеся с общепринятыми представлениями методы и объекты исследования. Представители девиантного знания работают, как правило, в одиночестве или небольшими группами. Результаты их деятельности, равно как и само направление, имеют довольно кратковременный период существования.

Иногда встречается термин «анормальное знание», который не означает ничего иного, кроме того, что способ получения знания либо оно само не соответствуют тем нормам, которые считаются общепринятыми в науке изданном историческом этапе. Весьма интересно подразделение анормального знания на три типа. Первый тип возникает в результате расхождения регулятивов здравого смысла с установленными наукой нормами. Этот тип достаточно распространен и внедрен в реальную жизнедеятельность людей. Он не отталкивает своей аномальностью, а проявляется лишь в ситуации, когда действующий индивид, имея специальное образование или специальные научные знания, фиксирует проблему расхождения норм обыденного мироотношения и научного.

Второй тип аномального знания возникает при сопоставлении норм одной парадигмы с нормами другой. Третий тип обнаруживается при объединении норм и идеалов из принципиально различных форм человеческой деятельности. Уже давно вненаучное знание не рассматривают только как заблуждение. И раз существуют многообразные формы вненаучного знания, следовательно, они отвечают какой-то изначально имеющейся потребности. Можно сказать, что вывод, который разделяется современно мыслящими учеными, понимающими всю ограниченность рационализма, сводится к следующему: нельзя запрещать развитие вненаучных форм знания, как нельзя и культивировать сугубо и исключительно псевдонауку, нецелесообразно также отказываться в кредите доверия вызревшим в их недрах интересным идеям, какими бы первоначально сомнительными они ни казались. Даже если неожиданные аналогии, тайны и истории окажутся всего лишь «инофондом» идей, в нем очень остро нуждается как интеллектуальная элита, так и многочисленная армия ученых. Интерес представляет позиция современных философов науки и, в частности, П.Фейерабенда, который был уверен, что элементы нерационального имеют право на существование внутри самой науки.

Развитие этой идеи можно связать и с именем Дж.Холтона, который пришел к выводу, что в конце прошлого столетия в Европе возникло и стало шириться движение, провозгласившее банкротство науки. Оно включало в себя следующую доблестную когорту ниспровергателей научного разума:

1. Течения в современной философии, утверждавшие, что статус науки не выше любого функционального мифа.
2. Малочисленная, но довольно-таки влиятельная в культуре группа отчужденных маргинальных интеллектуалов, например Артер Кестлер.
3. Настроения научного сообщества, связанные стремлением отыскать соответствия между мышлением Нового века и восточным мистицизмом, найти выход из интеллектуального анархизма наших дней к «хрустально-чистой власти».
4. Радикальное крыло научного направления, склонного к высказываниям, принижающим значение научного знания, типа «сегодняшняя физика — это всего лишь примитивная модель подлинно физического».

Мнение о том, что именно научные знания обладают большей информационной емкостью, также оспаривается. Наука может «знать меньше» по сравнению с многообразием вненаучного знания, так как все, что она знает, должно выдержать жесткую проверку на достоверность фактов, гипотез и объяснений. Не выдерживающее эту проверку знание отбрасывается, и даже потенциально истинная информация может оказаться за пределами науки.

Истина и ее критерии. Целью научного познания является достижение истины. Однако споры о понятии истины, о ее критериях не затихают и поныне, имея более чем 2,5-тысячелетнюю историю. Платон весьма настоятельно рекомендовал отделять истинное знание как эпистеме от доха —

мнения. Аристотелю принадлежит определение истины, которое впоследствии получило название классического. Оно гласит: истина — это соответствие мысли и предмета, знания и действительности. В современной западной литературе классическую концепцию истины именуют теорией соответствия.

Вместе с тем возникает вопрос о том, что чему должно соответствовать. У Гегеля действительность должна соответствовать абсолютной идее. Материалисты пытаются доказать соответствие наших представлений реальности. Различные философские школы относят к критериям истины разные признаки: простота и ясность (Декарт), всеобщность и необходимость (Кант), логическая непротиворечивость, общезначимость (Богданов), а также полезность и экономность. Русский философ П.Флоренский утверждал, что истина есть «естина», то, что есть, и дается она с непосредственной очевидностью в переживании. Существует эстетический критерий истины, согласно которому истина заключается во внутреннем совершенстве теории, простой (красивой) форме уравнений, изяществе доказательств. Существуют логические критерии истинности, которые применяются в математике и требуют доказательств. Недостаточность всех подобных подходов состоит в том, что в них критерии истинности знания пытаются отыскать в самом знании. Выявить истину можно лишь при сопоставлении знания с объектом в процессе практической деятельности. Поэтому прав был Маркс, утверждавший, что вопрос об истинности познания вовсе не теоретический, а практический, общественно-историческая практика есть универсальный критерий истины.

В современной научной философии под объективной истиной понимается знание, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества. Это не значит, что вне сознания познающего субъекта существует пласт знания, содержащий в себе объективную истину. Это означает лишь то, что истина не несет в себе никаких искажений со стороны субъекта, а определяется самим познаваемым объектом.

История познания, по меткому определению Эйнштейна, есть «драма идей», смена одних теорий другими, принципиально отличными от предыдущих. Ошибка метафизической теории познания состояла в том, что истина рассматривалась как некое законченное состояние, в котором достигнуто исчерпывающее отражение объекта. При таком подходе не оставалось места для эволюции и развития. Впервые это противоречие было осознано Гегелем, который показал, что истина это не застывшая система, а постепенный процесс все большего и большего совпадения предмета с понятием. Истина представляет процесс, обусловленный взаимодействием субъекта и объекта, выделением в объективной реальности все новых и новых фрагментов. Поэтому ее следует понимать не просто как соответствие понятия предмету, мысли и действительности, а как процесс совпадения мышления с предметом, который неотделим от деятельности.

Понимание истины как процесса включает в себя понимание того, что истина всегда конкретна и включает в себя момент абсолютности и относительности. Термин «абсолютная истина» имеет три

значения:

1. Точное исчерпывающее знание, истина в «последней инстанции», некоторый своеобразный гносеологический идеал. В этом смысле истина не реализуется ни на одном из уровней познания, она не достижима, это метафора.

2. Понятие абсолютной истины приложимо к неким элементарным знаниям, которые носят инвариантный (постоянный) характер. Это так называемые «вечные истины». Примеры подобных истин: Лев Толстой родился в 1828 г., химический элемент обладает атомным весом.

3. Под абсолютной истиной в собственном смысле слова понимается такое знание, которое сохраняет свое значение, не опровергается последующим ходом развития науки, но лишь конкретизируется и обогащается новым содержанием, например законы классической механики Ньютона после открытия теории относительности Эйнштейна. Это наиболее важное значение термина «абсолютная истина». Целостная система знания включает в себя абсолютно истинные, которые подвергаются пересмотру и отрицанию.

Коль скоро исторично человеческое бытие, исторично и научное познание. Историчны и подвержены размыванию и старению критерии истинного знания. Обычно критерии определяются как правила оценки результатов познания, их соответствия стандартам науки и объективной реальности. Считается, что именно критерии позволяют субординировать результаты познания с позиций принадлежности или отдаленности их от науки. Автор монографии «Критерии научности» В.Ильин подчеркивает, что критерии научности задаются диспозициями (набором предписаний, инструкций, рекомендаций, императивов, запретов), санкциями (вступающими в силу вследствие игнорирования или деформаций диспозиций), условиями (фиксирующими особенности возможных ситуаций в науке). Поскольку критерии научности неоднородны, их следует классифицировать и, по мнению того же автора, подразделить на три группы:

1. Критерии группы «А» отделяют науку от ненауки при помощи формальной непротиворечивости, опытной проверяемости, рациональности, воспроизводимости, интерсубъективности.

2. Критерии группы «Б» представляют собой исторически преходящие нормативы, требования к онтологическим схемам, гипотезам существования. Они фиксируют культурно-стилистические размерности мышления ученых.

3. Критерии группы «В» составляют дисциплинарные критерии научности, предъявляемые к профессионально расчлененным отраслям знания. Они представляют собой инструмент аттестации конкретных видов знания и деятельности, отображающий частные параметры науки.

Исследования, многократно предпринимаемые учеными и методологами на современном этапе развития научной рациональности, приводят к утверждению о невозможности исчерпывающего реестра критериев истинности. Это справедливо в связи с постоянно прогрессирующим развитием науки, ее трансформацией, вступлением в новую, постнеклассическую стадию, во многом отличную

от предшествующих классической и неклассической. Чтобы заполнить нишу критериев, указывают на такие новомодные понятия, как прогрессизм или нетривиальность, достоверность, критицизм, оправданность. Выделяемые прежде критерии, среди которых на первых местах оказываются предметно-практическая деятельность, объективность, а на вторых — логическая непротиворечивость, а также простота и эстетическая организованность, также корреспондируются в список критериев истинного знания.

В объем логического критерия входят требования непротиворечивости, полноты, независимости. Среди этих составляющих непротиворечивость, которая, согласно сформулированному еще Аристотелем закону непротиворечивости, звучит так: невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время и было присуще и не было одному и тому же в одном и том же отношении, — занимает самую шаткую позицию. По отношению ко многим основополагающим логическим системам в отношении их содержательных выводов (например, теорема о неполноте Геделя) можно усмотреть их принципиальную противоречивость. И выдвинутый К.Поппером принцип фаллибилизма — принципиальной опровержимости научных положений, поскольку они носят гипотетический характер в отличие от религиозных догматов — обыгрывает именно ограниченность императива непротиворечивости.

Существенные изъяны очевидны и в требованиях полноты как компоненты логического критерия истинности. Семантическая и синтаксическая полнота — всего лишь желаемый идеал всестороннего описания действительности, а не реальность в бурно изменяющемся и постоянно развивающемся мире. С требованием независимости связывают ситуацию невыводимости одной аксиомы из другой и условия соблюдения принципа простоты в науке. Однако независимость как составляющая логического критерия в конечном счете упирается в конвенции — соглашения между учеными в выборе той или иной системы отсчета в качестве исходной.

Особое внимание привлекает к себе принцип простоты, который может быть обоснован как с онтологической стороны ссылкой на гармонию и завершенность, объективно присущую миру, так и с синтаксической и прагматической точек зрения. Понятие синтаксической простоты, как отмечают исследователи, задается представлением об оптимальности, удобстве применяемой символики, способов кодирования, трансляции. Понятие прагматической простоты уточняется посредством введения представлений о простоте экспериментальных, технических, алгоритмических аспектов научной деятельности. И именно из принципа простоты, с которым связывают стройность, изящность, ясность теории, вытекает эстетический критерий истинности. В высказываниях многих ученых чувствуется тяга к красоте теории, «темные понятия» которой уже с самого первого взгляда свидетельствуют о ее неудовлетворительности. Когда речь заходит об эстетическом критерии, то с необходимостью следует ссылка на П.Дирака, которому принадлежит суждение: «Красота уравнений важнее, чем их согласие с экспериментом». А.Эйнштейн также предлагал применять к научной теории критерий внутреннего совершенства. Внедрение в чуждую эстетику и художественному

видению мира автономную сферу строгой науки идеалов эстетичности весьма проблематично, хотя определенная в этих двух способов мироосвоения очевидна.

Особое место в массиве критериев научности отведено когерентности. Она обеспечивает согласованность, взаимосвязанность полученных исследовательских результатов с теми знаниями, которые уже были оценены как фундаментальные. Тем самым когерентность охраняет науку от проникновения в нее претенциозных, не имеющих достаточных оснований суждений и положений.

Нередко указывают также и на прагматический критерий научного знания, ориентирующий на успех как на самый главный признак научного исследования. Критерий строгости в науке имеет также весьма существенное значение. Понятие научной строгости входит в объем критерия объективности. Э. Агазии определяет научную строгость «как условие, предполагающее, что все положения научной дисциплины должны быть обоснованными и логически соотнесенными».

Иногда в качестве критерия истины выступает понятие эвристичности, отражая творческий потенциал содержащихся в теории основоположений. Эвристичность фиксирует способность теории к саморасширению, к выходу за собственные пределы, отвечает за появление принципиально нового и нетривиального. Именно при помощи категории «эвристичность» отрицается все, что не обеспечивает прироста информации.

С процедурой фальсифицируемости связывают исключительно эмпирический критерий научности. В отличие от фальсифицируемости фальсификация представляет собой методологическую процедуру, устанавливающую ложность гипотезы или теории в соответствии с правилами классической логики. При фальсификации должны быть сформулированы научные правила, усматривающие, при каких условиях система должна считаться фальсифицируемой. Фальсификация основывается на фальсифицируемой гипотезе, которая имеет эмпирический характер.

Поэтому не следует соглашаться с позицией, пытающейся отыскать и провозгласить один единственный критерий истинности. Такой критерий представал бы как абсолютный и внеисторичный, поскольку никак не зависел бы от конкретно-исторической формы развития науки и практики.

Давно известно, что фундаментальные открытия делаются «на кончике пера» и что практика в качестве критерия истины столь же определена, сколь и неопределенна, чтобы не позволить достигнутому уровню человеческих познаний превратиться в абсолют. И тем не менее недостаточность эстетического критерия истины (согласно которому истина заключается во внутреннем совершенстве теории, простой, красивой формой уравнений, изяществе доказательств), логического критерия истинности (когда все должно быть обосновано, непротиворечиво и самодостаточно, на основе выводов и доказательств) и всех подобных подходов состоит в том, что в них критерии истинности знания пытаются отыскать в самом знании, хотя выявить истину можно лишь при сопоставлении (соотнесении) знания с объектом. Видимо, следует согласиться с тем, что

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска/ Идеалы и нормы научного поиска. Минск, 1981.
2. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции//Вопросы философии, 1997, № 2.
3. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Л., 1991.
4. Дынич В.И., Емельяшевич М.А., Толкачев Е.А., Томильчик Л.М. Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения// Вопросы философии. 1994, № 9.
5. Холтон Дж. Что такое антинаука//Вопросы философии. 1992, № 2.
6. Ильин В.В. Критерии научности знания. М., 1989.
7. Агацки Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.

Тема 7. ЗНАНИЕ И ВЕРА

*Соотношение знания и веры в рамках гносеологии и за ее пределами. —
Вера как основа саморегуляции. - «Верующий разум» русских философов.*

Соотношение знания и веры в рамках гносеологии и за ее пределами.

Знание претендует на адекватное отражение действительности. Оно воспроизводит объективные закономерные связи реального мира, стремится к отбрасыванию ложной информации, к опоре на факты. Знание делает истину доступной для субъекта посредством доказательства. Оно рассматривается как результат познавательной деятельности. А с глаголом «знать» связывают наличие той или иной информации или совокупность навыков для выполнения той или иной деятельности. В этом смысле допустимо суждение: «Я знаю, как это делается».

Вера в отличие от знания есть сознательное признание чего-либо истинным на основании преобладания субъективной значимости. Вера — это не только основное понятие религии, но и важнейший компонент внутреннего духовного мира человека, психический акт и элемент познавательной деятельности. Она обнаруживает себя в непосредственном, не требующем доказательства принятии тех или иных положений, норм, суждений за истинные. Как психологический акт вера проявляется в состоянии убежденности и связана с чувством одобрения или неодобрения. Как внутреннее духовное состояние вера требует от человека соблюдения тех принципов и моральных предписаний, в которые он верит, например: в справедливость, нравственную чистоту, мировой порядок, добро.

Понятие веры может полностью совпадать с понятием религии и выступать как религиозная вера, противоположная рациональному знанию. Религиозная вера предполагает не доказательство, а откровение. «Верую, потому что абсурдно», — это высказывание Тертуллиана в емкой форме отражает суть религиозной веры. «Слепая» вера ничем не отличается от суеверия. Проблема взаимоотношения знания и веры активно обсуждалась средневековыми схоластами. Вера основывалась на авторитете догматов и традиции. Считалось необходимым познать в свете разума то, что уже принято верой. «Credo, ut intelligam» — «Верую, чтобы познать» — гласит латинское изречение, основанное на христианском: «Блажен не видящий, но знающий».

Соотношение знания (разума) и веры не может быть решено в пользу одной или другой компоненты. Так же как знание не может заменить веру, так и вера не может заменить знание. При помощи веры нельзя решить проблемы физики, химии, экономики. Однако вера как доинтеллектуальный акт, досознательная связь субъекта с миром предшествовала появлению знания. Она была связана не с понятиями, логикой и разумом, а с воображением, фантазией, чувственно-образным восприятием мира.

Если вера покидала сферу религии, а религия — это вера в сверхъестественное, то в составе

познавательного процесса она обозначала уверенность в истинности научных выводов, в высказанных гипотезах, являлась могучим стимулом научного творчества. В связи с этим весьма примечательно высказывание А.Эйнштейна, который отмечал, что без веры в познаваемость мира нет никакого естествознания. Мы верим в существование внешнего мира, в трехмерность пространства, необратимость времени, развитие науки. Вера есть бездоказательное признание истинным того или иного явления.

Вера как основа саморегуляции. Феномен веры может иметь религиозную, гносеологическую и экзистенциальную окраску. Самосознание каждого человека включает в качестве неотъемлемого компонента экзистенциальную веру в себя, в факт существования окружающего мира, личностно значимых ценностей: дружбы, любви, справедливости, благородства, порядочности и пр. Самосознание всегда присутствует в двух основных модусах: как самопознание и как саморегуляция. Установка «Познай самого себя», которую, согласно легенде, провозгласил дельфийский оракул и которую Сократ сделал основным принципом своей философии, может работать не только как источник нового знания о себе. Она может выступить основой саморегуляции или же ее антипода — самодеструкции. Это подчеркивает, как тесно связаны самопознание и саморегуляция. Зачастую в интроспективном плане самопознание и саморегуляция сливаются в едином феномене — в общении с самим собой. Вместе с тем существуют определенные отличия самопознания и саморегуляции. Если самопознание всегда происходит в состоянии явного сознания, когда включается рефлексия, проясняющая внутреннее состояние, обеспечивающее его «прозрачность», то саморегуляция как раз наоборот. Она совершается перед порогом сознания. Это то «тайное брожение духа», о котором говорил Гегель, противопоставляя его процессу познания. Саморегуляция всегда осуществляется на уровне смутных ощущений, предчувствий, неудовлетворенности собой, внутреннего дискомфорта, т.е. тогда, когда самопознание затруднено. Можно сказать, что заинтересованное в себе самопознание, имея психотерапевтический эффект, и есть частичная саморегуляция. Однако оно не приводит ни к чему новому, а лишь позволяет «разобраться в своем состоянии», «упорядочить переживания», «сориентироваться в себе». Чтобы саморегуляция имела конструктивный эффект, она должна опираться на духовные опоры веры, которые особенно востребованы в условиях современного нестабильного мира.

«Верующий разум» русских философов. Вопрос о соотношении веры и знания всегда интересовал русскую философскую мысль. Распространившееся в XIX в. увлечение немецким идеализмом было мощным импульсом для развития русской философии. Творчество славянофилов *А.Хомякова* (1804—1860) и *И.Киреевского*, (1806—1856) представляет собой попытку выработать систему православного миропонимания. Обращают на себя внимание сами названия работ Киреевского: «О характере просвещенной Европы и его отношения к просвещенной России», «О необходимости и возможности новых начал для философии». Именно потому, что на Западе вера ослаблена, что западный человек утратил «коренные понятия о вере» и принял «ложные выводы»

безбожного материализма, Киреевский отрицает не только западный путь развития, но и опровергает саму ценность европейского типа мышления. Торжество рационализма имеет отрицательное значение для «внутреннего сознания». Западная образованность несет в себе раздвоение и рассудочность. Образованность русская основывается на восприятии «цельного знания», сочетающего разум и веру. Подлинная философия должна быть философией «верующего разума». Можно назвать программным следующий тезис Киреевского, в котором он пытается определить истоки цельного философствования. Человек стремится собрать «все свои отдельные силы», важно, «чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины; чтобы голос восторженного чувства, не согласенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды..., но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума». Живое и цельное «зрение ума» — «то, ради чего» есть гармоническое сочетание всех духовных сил: «мышления, чувств, эстетического созерцания, любви своего сердца, совести и бескорыстной воли к истине». Такое знание, основанное на целостном единстве всех духовных сил и скрепленное верой, глубоко отличается от знания, вырабатываемого отвлеченным «логическим разумом».

Отсюда можно вывести отличительную особенность русской философии — убеждение в непосредственном постижении реальности, или интуитивизм. Как отмечал известный историк философии Н.Лосский, «обостренное чувство реальности, противящейся субъективированию и психологизированию содержания восприятия предметов внешнего мира, является характерной чертой русской философии». «Идеал целостного знания, т.е. органически всестороннего единства его, возможен не иначе, как под условием, что субстанциональный аспект мира (чувственные качества), рациональный аспект его (идеальная сторона мира) и сверхрациональные начала даны все вместе в опыте, сочетающем чувственную, интеллектуальную и мистическую интуицию. Выделяя различные уровни реальности — надрациональный, рациональный и сверхрациональный, — русская религиозная философия называет и соответствующие им способы постижения: сердцем, рассудком (наукой), верой (интуицией).

Русский философ А.Хомяков рассматривал веру в качестве некоего предела внутреннего развития человека. Хомяков не отвергал науку, не противопоставлял веру и знание, а иерархизировал их отношение: сначала знание, затем вера. Именно недостижимость абсолютного знания является постоянным условием существования веры. Хомяков был уверен, что всякая живая истина, а тем более истина божественная, не укладывается в границах логического постижения. Она есть предмет веры не в смысле субъективной уверенности, а в смысле непосредственной данности. У Хомякова вера не противоречит рассудку, она даже нуждается в том, чтобы бесконечное богатство данных, получаемых благодаря ее ясновидению, подвергалось анализу рассудка; только там, где достигнуто сочетание веры и рассудка, получается всецельный разум. По Хомякову, вера, по сути дела, есть интуиция, т.е. способность непосредственно познавать подлинное живое бытие. И только в

соединении с верой разум возвышается над отдельным мнением и мышлением, преобразуясь в цельное соборное сознание.

Н.Бердяев считал, что существует три возможных решения вопроса о взаимоотношении знания и веры:

- верховенство знания, отрицание веры;
- верховенство веры, отрицание знания;
- дуализм знания и веры.

Эти и подобные суждения акцентировали внимание на недостаточности чисто рассудочного, рационального способа отношения к миру, на острой потребности в основаниях, которые бы вышли за пределы диктата знания и воли, были бы внутренними, личностно глубинными регулятивами человеческой жизнедеятельности.

Оформившаяся в рамках русской философии идея всеединства предполагала всеохватывающий синтез как со стороны жизни, так и со стороны мысли, со стороны знания и веры. Идея всеединства, понимаемая как «все едино в Боге», была центральной в философии Вл. Соловьева. Однако при таком подходе Бог лишается антропоморфных характеристик и понимается как космический разум, сверхличное существо, особая организационная сила. Гносеологический аспект идеи всеединства проявляется в утверждении потребности в цельном знании. Цельность предполагает органичное объединение трех разновидностей знания: научного (философского), эмпирического (научного) и мистического (созерцательно-религиозного). Таким образом, русская философия предлагает весьма оригинальный проект гносеологии, который и по сей день ждет своего исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосский И.О. История русской философии. М, 1994. , 2. Бердяев Н.А. О русской философии. В 2-х ч. Омск, 1991.
3. Кураев А. О вере и знании без антиномий //Вопросы философии 1992, № 7.
4. Соловьев В.С. Вера, разум и опыт //Вопросы философии. 1994, № 1.
5. Вайнгартнер П. Сходство и различие между научной и религиозной верой//Вопросы философии. 1996, № 5.

Тема 8. ОБЩЕСТВО

Общественное бытие. — Взаимодействие общественного бытия и общественного сознания. — Общество как целостность особого рода. — Прогресс и его критерии. — «Мир естественного» и «мир искусственного». — Общество открытого и закрытого типов.

Бытие предстает как многоуровневый процесс, который не может быть сведен только к предметно-вещественному миру. Многоуровневость бытия предполагает специфичность каждой из его форм и несводимость одной к другим. Каждая форма бытия должна быть понята как исторически развивающаяся и изменяющаяся. Природа, человек, общество — суть основные формы бытия. И если природа является исторически первой предпосылкой возникновения человека и человеческой деятельности, она существовала до, существует вне и независимо от сознания, то общественное бытие понимается как материальная жизнь общества, связанная с производством материальных благ и теми отношениями, в которые люди вступают в процессе этого производства. Общество — от лат. *societas* — соединять, объединять, затевать совместный труд. По структуре общественное бытие представлено реалиями повседневности, предметно-практической деятельностью (практикой) и отношениями между людьми. Общественное бытие (сотканное из отношений людей к природе и друг к другу) возникает вместе со становлением человеческого общества и существует относительно независимо от индивидуального или общественного сознания) В свою очередь, индивид застает его как «сумму условий и обстоятельств» своего конкретно-исторического существования. Общественное бытие — это объективная общественная реальность, первичная по отношению к сознанию отдельного индивида и поколения.

Одной из важнейших категорий, характеризующих общественное бытие, является труд — целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов для удовлетворения своих потребностей. Испокон веков труд, его организация, осуществление и последствия находятся в центре человеческого существования. Идея первичности материального производства в жизни общества отличает материалистическое понимание истории от идеалистического.

Само общественное бытие рассматривается в неразрывной связи с другими формами бытия: неорганической и органической. Развитие общества невозможно без непрерывного взаимодействия со сферой неорганики (косной материей) и органической формой бытия. В наличном бытии, бытии «здесь» и «теперь» три формы бытия (неорганическая материя, живая и социальная) существуют одновременно, воздействуя друг на друга. Конечность жизни отдельного человека сопряжена в рамках социального бытия с бесконечностью существования человечества в целом. В свою очередь, становление и развитие общественного бытия, в частности «мира искусственного» предполагает непрерывное «оттеснение природных границ».

Общественное бытие имеет конкретно – исторический характер и пронизано животрепещущими проблемами современности. Общественное бытие как онтология социальной жизни, отражает необратимый исторический процесс. Особенностью общественного бытия является его осознанное развертывание в социальном пространстве и историческом времени той или иной эпохи. Именно поэтому общество должно быть понято в единстве его предметности и процессуальности, т.е. не только как результат жизнедеятельности индивидов, но и как конкретно-исторический цивилизационный процесс развития.

Социальное бытие выступает как вид социального творчества и теснейшим образом взаимодействует с общественным сознанием. История как деятельность преследующего свои цели индивида, т.е. историческое творчество, предстает как объективно бытийствующий процесс.

Взаимодействие общественного бытия и общественного сознания. Каждое поколение, вступая в жизнь, застаёт определенные материальные условия, сложившиеся в предшествующий период, те или иные общественные отношения. Уровень развития общества и способ производства оказываются факторами, не зависящими от воли и сознания вступающего в жизнь поколения, но во многом определяющими его сознание. Именно поэтому тезис о том, что бытие определяет сознание, отражает истинное положение вещей, является верным способом изучения общества. Изучение закономерностей и противоречий общественного бытия позволяет понять особенность политических, философских и религиозных воззрений той или иной эпохи. Общественное бытие воздействует на общественное сознание через ряд опосредствующих звеньев: государственный строй, хозяйственные и правовые нормы, политические приоритеты.

Вместе с тем при определяющей роли общественного бытия общественное сознание обладает относительной самостоятельностью. Это сказывается в том, что общественное сознание представлено многообразными формами (философия, наука, религия, право, мифология, искусство), которые имеют специфическую внутреннюю логику своего развития, отличающуюся от законов развития материальной практики. Изменения общественного бытия не создают заново все формы общественного сознания: научные, философские, художественные идеи сохраняют свою преемственность. Новое ощущает на себе влияние традиций старого. Изменения в общественном бытии не могут вызвать мгновенного и автоматического изменения во всех формах общественного сознания. Общественное сознание опирается на наличие традиций, привычек, обычаев, которые выступают в качестве цементирующих и инерционных элементов и во многом объясняют те или иные поведенческие реакции, вступающие в противоречие с данным уровнем развития общественного бытия. Вместе с тем общественное сознание может опережающим образом обнаруживать тенденции развития общественного бытия. И с этим связана активность общественного сознания. Идеи, если они овладевают массами, становятся действительной материальной силой!

По своей сущности общественное сознание представляет собой единство воззрений,

стремлений, интересов людей, живущих в общих условиях социальной среды. Оно предполагает некую общность взглядов представителей той или иной эпохи. История общественного сознания как бы движется, отражая историю общественного бытия. Общественное сознание представляет собой осознание обществом самого себя, своего общественного бытия и окружающей действительности. Изменения в общественном сознании подготавливаются изменениями в общественном бытии. И хотя исторически выработанные нормы общественного сознания во многом определяют личностное сознание, в этом аспекте общественное сознание выступает как коллективный разум, тем не менее по отношению к отдельному индивиду правомерно говорить об индивидуальном своеобразии его сознания, которое рождается вместе с ним, преодолевает все вехи личного жизненного пути и вместе с ним умирает.

Общество как целостность особого рода, объект, элементами которого являются действующие индивиды, наделенные сознанием, волей и умом. Жизнедеятельность общества должна быть понята не только как результирующая коллективного взаимодействия, она зависит и от конкретной деятельности преследующих свои цели индивидов. В отличие от природных закономерностей, которые часто имеют стихийный характер, общественные закономерности предполагают целесообразную и целенаправленную деятельность людей. Общество представляет собой целостную систему, неравновесного и открытого типа. Если природные закономерности, отраженные естествознанием, имеют повторяющийся характер, то законы общественного развития проявляются как законы-тенденции.

Под объективными факторами развития общества подразумевают факторы, которые не зависят от сознания людей, их воли и характера. Это могут быть или природно-климатические условия, или специфика конкретного способа производства. Субъективные условия развития общества предполагают особенности социальных действий индивидов, групп, классов или наций. В истории XX в. фиксируется возрастание роли субъективного фактора в развитии общества, т.е. возрастание активности социальных субъектов.

Прогресс и его критерии. Характеризуя развитие общества, обществоведы обращаются к понятиям «прогресс» и «регресс». Прогресс (от лат. progressus — движение вперед, успех) понимается как тип направленного развития, связанный переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. О прогрессе можно говорить как применительно к системе в целом, так и по отношению к отдельным ее параметрам.

Представление о прогрессе — направленном изменении к лучшему возникло в древности. Однако поначалу оно носило в основном оценочный характер. Идея исторического прогресса родилась из отрицания христианской эсхатологии — религиозного учения о конечной судьбе мира и человека. Сначала прогресс был отмечен в сфере научного познания, а затем идея прогресса была распространена на область социальных отношений.

Просветители связывали с понятием прогресса царство разума и в ранг конечной цели истории

возводили идеалы и иллюзии нарождающейся буржуазии. Невозможно не упомянуть имени итальянского философа XVII в. Дж.Вико, который наиболее тщательно разрабатывал идею общественного прогресса. Он утверждал, что все народы проходят три этапа своего развития: божественный, подчиненный жрецам, героический, реализующийся в аристократическом государстве, и человеческий, возможный в республике или представительной монархии. Пройдя эти этапы, человечество осуществляет движение по нисходящей линии. Начинается эпоха упадка, а затем все повторяется вновь. Таким образом, именно просветители обратили внимание на противоречивый характер исторического развития. Поэтому понятие прогресса необходимо соотносить с понятием регресса.

В целом прогресс характеризуется нарастанием темпов развития и принимается как объективный закон исторической эволюции. Однако одной из существенных особенностей прогресса является присутствие в нем регресса отдельных элементов, связей и функций. Французский буржуазный социолог Р.Арон в своей книге «Разочарование в прогрессе» ссылается на разрушительные войны, катастрофические феномены, общую деградацию человечества. Пессимистические выводы сопровождаются рассуждениями о биологическом перенаселении земли, биологическом вырождении человека в условиях научно-технической революции и ставят под сомнение саму идею прогресса.

Конечно, вряд ли возможно представить себе всемирную историю без катаклизмов и потрясений. Желание видеть мир исключительно упорядоченным, представлять естественно-исторический процесс в картинках всеобщего благоденствия — это область утопических прожектов, нежели теоретических прогнозов.

Еще Гесиод в античности представлял историю, прошедшую пять веков, где каждый был, увы, хуже предыдущего. Речь шла о «золотом веке», где царствовали благочестие и высокая мораль, «серебряном», в котором началось падение морали и благочестия. Оно завершилось самым худшим из веков — «железным», демонстрирующим полный развал нравственности. В рассуждениях Гесиода четко прослеживалась идея регресса (от лат. *regressus* — обратное движение, движение вспять). Позиция Гесиода объяснима и понятна: он жил в эпоху распада общинно-родового строя, и именно крушение старых устоев нашло отражение в его рассуждениях.

И хоть с общественным прогрессом всегда связывали восходящее поступательное развитие человеческого общества от низших ступеней к высшим, долгое время подлинная сущность, законы и движущие силы исторического прогресса оставались невыясненными. Идеалистически ориентированные философы и социологи отыскивали источник прогресса в духовном начале, в бесконечной способности к совершенствованию интеллекта, в уровне развития морали и правовых идей. Однако оставалось непонятным, что же заставляет развиваться эти высшие духовные силы.

Фаталистическое понимание прогресса, когда последний принимался за нечто неизбежное, настраивало на пассивность, созерцательность, безынициативность в отношении к жизни.

Волюнтаристское понимание прогресса связано с отрицанием объективных законов всемирной истории, стихийным волеизъявлением, изобретением произвольных оценок общественного развития. Религиозное видение исторического прогресса в своей основе имело теологические представления о божественном креационизме (творчестве) и финализме (конечном состоянии мира).

Материалистическая философия всегда настаивала на том, что корни исторического прогресса следует искать в сфере материального производства, в области экономики. В ней высшим объективным критерием общественного прогресса признавалось развитие производительных сил общества, включающих в себя человека и созданные им средства труда. В соответствии с развитием производительных сил определяется прогрессивность того или иного общественного строя.

Однако при этом следовало учитывать, что производительные силы определяют развитие общества только в конечном счете, во всемирно-историческом масштабе, в общем виде. Каждый достигнутый уровень производительных сил дает массу различных возможностей, и путь социального движения зависит от многих обстоятельств, в частности от исторического выбора, сделанного субъектом социальной деятельности.

Развитие духовной культуры в целом невозможно вывести непосредственно из уровня развития производительных сил, потому что надстроечные явления обладают относительной самостоятельностью по отношению к экономике. Известно, например, что Россия в XIX в. значительно отставала от Запада по уровню развития производительных сил. Однако это не помешало ей достичь высот культуры, явить свету великих композиторов, писателей, мыслителей и художников.

Прогресс — многогранное явление. В качестве конкретных критериев общественного прогресса выделяют экономический, социально-политический, идеологический и гуманистический. С их помощью определяется прогрессивность тех или иных социальных систем, политических режимов, общественных движений. Общество представляет собой сложную систему, включающую многообразное количество элементов и процессов. Они предстают как подсистемы, которые также развиваются, способны к прогрессу и имеют собственные критерии прогрессивных изменений. Вместе с тем эти частные критерии характеризуют лишь отдельные стороны общественной жизни и не дают представления о прогрессе в целом. Развитие общества как динамической саморазвивающейся системы вовсе не означает, что все ее подсистемы будут развиваться одинаково, имея равную интенсивность. Как правило, их развитие осуществляется неравномерно и прогресс одних сфер связан с регрессом или одноплоскостным развитием других.

Западные социологи рекомендуют искать критерии прогресса в сфере сознания и ставят эту проблему в этической плоскости в зависимости от того, чувствует ли себя человек наиболее счастливым и самоуспокоенным или нет. Однако такого рода оценки неизбежно страдают субъективностью, так как цели, идеалы и настроения людей постоянно меняются. Поэтому устоявшимся считается критерий, берущий за основу уровень развития производительных сил — более

высокий соответствует более сложной и прогрессивной форме производственных отношений и общественной организации в целом.

Исторический прогресс особенно отчетливо обнаруживается в смене общественно-экономических формаций. С точки зрения формационного взгляда на историю механизм данного процесса таков, на определенной стадии развития исторически ограниченный тип производственных отношений, господствующий в данной общественно-экономической формации, начинает тормозить развитие производительных сил, что в итоге ведет к смене общественно-экономической формации. Новая формация предлагает более быстрое развитие производительных сил, а следовательно, и рост темпов прогресса.

Понятие прогресса носит относительный характер. Возможность прогресса определяется наличием конкретно-исторических условий. Например, возникновение жизни зависит от множества физико-химических условий, температуры планеты, наличия атмосферы. Условия могут способствовать ускорению прогресса или же тормозить его, а иногда и препятствовать ему. И несмотря на то, что развитие в целом идет по восходящей линии, для сохранения «веры в прогресс» следует помнить о его противоречивом характере.

«Мир естественного» и «мир искусственного». В развитии общества большую роль играют взаимодействия мира естественного — природных закономерностей и мира искусственного, связанного со второй очеловеченной природой и активной деятельностью социального субъекта. Различия мира «естественного» и «искусственного» отражает одно из коренных качественных отличий классов явлений объективной действительности. В эпоху научно-технической революции и универсального применения науки выявление болевых точек взаимопроникновения этих двух миров весьма актуально. Мир естественного, природа является исторически первой предпосылкой возникновения человека и человеческой деятельности. Природа — это данность объективная и первичная не только в генетическом, но и в актуальном смысле: без нее невозможна жизнь и деятельность человека. Особенность мира естественного связана с бытийным различием между природой в целом и отдельными ее сущностями. Природа в целом бесконечна в пространстве и во времени, эволюционируя и изменяясь, она была, есть и будет. Бытие отдельных вещей, состояний и процессов природы сменяется их небытием, оно конечно. И когда бытие отдельной вещи прекращает свое существование и уступает место небытию, это вовсе не означает прекращение бытия природы в целом.

Вторая, антропологическая, очеловеченная, рукотворная природа, именуемая миром искусственного, является исторически более молодой, но весьма сложной реальностью.

В предметах «второй природы» опредмечены: труд, знания и культура человека, они предназначены для выполнения функций обеспечения жизнедеятельности людей и потому изначально телеологичны, т.е. целесообразны. Искусственное, прежде чем войти в мир искусственного, должно кем-то быть создано, спроектировано, произведено. В то время как развитие

природы подчинено естественно-исторической закономерности и не терпит предзаданности и заранее поставленной цели.

Бытие «второй природы» не может быть понято по логике ее саморазвития. Бытие предметов мира искусственного представляет собой единство природного материала и определенногo духовного (идеального) содержания, опредмеченной деятельности и социального предназначения. Перед последующими поколениями такая реальность выступает как заданная и ниспосланная.

Природа — это бесконечное непреходящее бытие, где существование человека, человеческой цивилизации и даже человечества является преходящим моментом. «Вторая природа» — мир искусственного связана с пространством и временем существования человеческого общества. В ходе исторического развития происходит переход от примата естественного базиса общественного производства — земли, которая играла определяющую роль еще при первобытно-общинном строе, к примату искусственного базиса — промышленного производства, главенствующего при капитализме.

«Первая природа» теоретически описывается фундаментальными законами естествознания. В ее познании преобладают процедуры анализа. В мире искусственного важным и оказываются задачи синтеза. Логика «инженерного синтеза» вряд ли может стать столь же эффективной в вопросах естественно-научного знания. Законы природы причудливо, а иногда и конфликтно переплетаются с преобразующими действиями людей, сталкиваются с их частными, а зачастую и корыстными интересами. Поэтому между двумя мирами возникают не только отношения самосогласованности и гармонии, но и противостояния и конфликты. Сегодня конфликт обнаружил себя в виде экологической и энергетической проблем. В связи с этим весьма важной оказывается задача разработки теории конструирования или основ методологии создания мира искусственного, включающих в себя и общую теорию управления, и теорию организации, и теорию систем. Выявляя специфику мира естественного и мира искусственного, важно понимать неразрывное единство этих двух миров, их непреодолимый, но своеобразный симбиоз.

Общества открытого и закрытого типов. При анализе современных типов общества, с учетом методологии К. Поп пера, можно выделить такую форму организации общественного устройства, как открытое общество. Речь идет о модели средневропейского цивилизованного общества, о некоем общем типе. Образ открытого общества характеризуется прогрессивной изменчивостью и социальными инициативами. Противоположное ему общество закрытого типа тяготеет к самосохранению, воспроизведению принятого порядка, возводит в абсолют императив подчинения. Впервые два типа общества — открытое и закрытое были выделены и проанализированы в известной работе А.Бергсона «Два источника морали и религии» (1932). Согласно Бергсону, каждому из этих типов соответствует своя форма морали (закрытая или открытая) и своя разновидность религии (статическая или динамическая). Открытость предполагает также устремленность к будущему, неизведанному, а закрытость означает пребывание в неподвижном,

«задержанном и остановленном» состоянии. Можно говорить о многомерной (полной) и одномерной (усеченной), внутрисоциальной и межсоциальной открытости. Сточки зрения Т. Парсонса, социальные системы предстают как открытые, когда они находятся в состоянии постоянного обмена на входах и выходах в окружающую среду.

За исходные в шкале основополагающих признаков открытого общества берутся базисные, экономические структуры, где предполагается своеобразный «метаболизм», т.е. свободное сосуществование многообразных форм собственности, отсутствие дискриминационных и юридических барьеров, выполнение договоров и уважение к частной собственности.

Информационные приоритеты открытого общества предполагают, что накопление, комментирование и опровержение сведений о политических, экономических, социальных и прочих параметрах происходит не в режиме жесткого контроля, а в условиях информационной причастности к важнейшим социальным акциям. Информационная открытость переносит процедуру оценки деятельности правящей элиты за пределы самой элиты и властных структур, благодаря чему становится реальным рычагом самокоррекции общественного целого. К гуманитарным характеристикам открытости относится идея свободы личности, уважение к индивидуальности, суверенитет, широкое общение и возможность самореализации. Естественным фоном развития гуманности оказывается демократия.

Ключевым в теории открытого общества является либерализм, отстаивание свободы всегда было, есть и будет основной задачей открытого общества. Конечно же, открытое общество несвободно от противоречий. Они проявляются в напряжении между индивидуальной инициативой и институционализмом, в предельной изменчивости открытого общества, а также в его принципиальной критичности.

К основным ценностям открытого общества Ф.Хайек относит: частную собственность, индивидуальную свободу, право, справедливость, корпоративную деятельность. Для К.Поппера ими являются: вера в разум, индивидуализм, равенство в правах и свободах. Вызов ценностям такого общества связан с абсолютизацией жестконормативных, рассудочно регулируемых способов организации жизнедеятельности; с идеей «централизованного контроля» и управления; с ориентацией на природный инстинкт. Претензия централизованного планирования на обладание рациональным знанием о необъятном множестве фактов и обстоятельств удлинит цепь управленческого процесса. Стремление к централизованному планированию и тотальному регулированию всех сторон жизнедеятельности Ф.Хайек называет «дорогой в рабство».

К характеристикам социальной организации закрытого общества относятся: манипулирование поведением человека, жестко программируемые императивы и фетиши идеологии. Они приобретают мистическую власть над мировоззрением людей, оказывая благодаря средствам информации такое влияние, в котором напряжение индивидуального самосознания и ответственности подавляется механизмом подчинения и безответственности. От имени анонимного авторитета (государства,

идеологии, национальной идеи или начальства) происходит транслирование общепринятого от поколения к поколению. В закрытом обществе говорящий не имеет возможности называть вещи своими именами. Реальный эмпирический субъект обязан жить по образцу «двойного стандарта», отчетливо представлять, что и где он может сказать, независимо от того, как на самом деле он думает и оценивает происходящее.

От гражданина закрытого общества требуется вера в принятую доктрину и культ коллективизма. Мышление «сообщества единоверцев», послушание оказываются главной добродетелью обывателя и составляют атмосферу закрытого общества. Неповиновение, наличие особого мнения осуждается. Аномальным и принципиально несвойственным данному типу является индивидуальная состязательность и мораль личной инициативы и успеха. Эффективная самореализация становится предметом настороженности и зависти. Важнейшим элементом закрытого общества является сам субъект общественного процесса — субъект с агрессивным и «оборонным» сознанием.

Открытому обществу противостоят Авторитет, Сообщество и Бюрократия. Не допустить подчинения индивидуальной свободы авторитету, не дать свободе затеряться в лабиринте бюрократических структур — значит избежать грубых ошибок. Идеальная регуляция поведения в отношении конкурентов заключается в использовании при смене лидеров механизма рациональной дискуссии, а не насилия, стремление чему-то научиться у своих оппонентов. К мелким препятствиям на пути становления демократического, а в перспективе — открытого общества можно отнести: отсутствие в общественном сознании должного уважения к закону и праву, недооценка роли частной собственности, игнорирование свободы и соответствующим образом понятой справедливости. Важное значение имеет характер человеческих отношений. Особо актуально сохранение хрупкого гражданского мира и политического согласия. Анализ будет грешить утопизмом, если в качестве «врагов» открытого общества не видеть бедность, порождаемую ею беспомощность, преступность, комплекс самых опасных психических отклонений: от апатии до потери контроля над собой.

Тоталитаризм и террор рассматриваются как высшая степень закрытости общества. В тоталитарности с ее отрицанием инакомыслия можно увидеть «своеобразный способ гармонизации» отношений и средство «достижения единства», предполагающее, однако, всеобщую подконтрольность. Три основы общества — власть, идеология и собственность — при тоталитарных режимах концентрируются в едином русле.

Однако образ европейского Запада не следует унифицировать. Запад разделяют на Запад католический и протестантский, англоамериканский и континентальный. Стратегия открытого общества, понятого во многом метафорически (как цивилизационного, справедливого и процветающего), в проекте его создателя К.Поппера в деталях не уточнена. Путь России в направлении цивилизованного будущего непохож на уже освоенные маршруты, Россия не может быть вписанной в общий стандарт европейского развития.

В современном анализе типов общественных структур к представлениям об «открытом», «информационном» обществе добавляются концепции «постиндустриального» (Д.Белл), «единого индустриального» (Р.Арон и Ж.Фурастье), «технотронного» (З.Бжезинский), «справедливого общества» (Дж.Роулса). Весьма неопределенная характеристика образовавшихся на территории бывшего СССР обществ как посттоталитарных также отвечает требованиям данной классификации. Все они объединены общим типом функционирования в прошлом как подвиды закрытого общества. Вместе с тем прогноз, предполагающий благополучное будущее развитие России с учетом ее самобытности и универсальности, возможен. Он концентрируется в аспекте нахождения оптимального режима функционирования социального устройства с центральной идеей общественного блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М., 1992.
2. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
3. На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия. М., 1998.
4. Ноттурно М. Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет, бюрократия/Вопросы философии. 1997, № 11.
5. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. М., 1991.
6. Лешкевич Т.Г. Неопределенность в мире и мир неопределенности. Ростов-на-Дону, 1994.

Тема 9. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

Многообразие представлений о культуре — Философия культуры. — Психоанализ и культура.- Функции культуры и взаимосвязь языка и мышления. — Новый тип человека в культуре постмодерна, — Размышления о логике постмодерна. — Что такое киборгкультура?— Виртуальная реальность и культура XXI в.

Многообразие представлений о культуре. Культура (от лат. culture — возделывание) — понятие комплексное, включающее в себя совокупность всех материальных и духовных благ, произведенных человечеством. Понятие культуры обнимает собой и предметный мир культуры, и субъектов культурно-исторического процесса, и многообразие отношений — «образцов поведения», определяющих социальную жизнь. Существует ряд концепций, представляющих культуру с той или иной точек зрения: аксеологическая — со стороны воспроизводимых в культуре ценностей, деятельностная — со стороны понимания культуры как результата развития деятельных способностей индивида. Культура интерпретируется и как образованность, воспитанность, просвещенность. Широко известны упоминания о том, что поначалу культура понималась как уход за землей, возделывание земли, т.е. как агрокультура, в которой духовная составляющая фактически отсутствовала.

Совокупный потенциал культуры выступает основой трансляции опыта и знания предшествующих поколений последующим. Культура выступает как материальная и духовная основа мировоззрения. Лишенная духовного измерения, культура перестает быть таковой и не является подлинной культурой. Считается, что к высшему достоинству духовности, которое выражено в даре любви, человек поднимается, воспитывая cultura anima («культуру души»).

В целостной системе культуры целесообразно выделять четыре подсистемы:

- технологическую, характеризующуюся использованием технических средств и орудий труда;
- официальную, включающую многообразные типы поведения, «культурный стандарт жизни», системы родства, этикет, особенности профессиональных, а также эстетических, экономических, политических и прочих отношений;
- идеологическую культуру, обслуживающую господствующую в обществе официальную доктрину, тесно смыкающуюся с системой воспитания и образования, включающую в себя систему принципов, установок, различные виды знания и выступающую как способ социального контроля; • этническую культуру, описывающую многообразие и самобытность норм и ценностей жизнедеятельности различных этносов (специалисты насчитывают до трех тысяч различных этнических общностей).

Одна из основополагающих работ Э.Тайлора «Первобытная культура» на основании богатого этнографического описания создает целостное видение культуры периода «дикости». Отождествляя

культуру с цивилизацией, Тайлор считает, что в наиболее широком смысле культура складывается из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества.

В основе античной культуры лежит идеал человека, развивающегося в гармонии с космосом, упорядоченным социальным целым. Добродетель, разум, чувство справедливости, способность к размышлениям и мера во всем — вот приоритеты культуры античности.

Немецкий философ О.Шпенглер, указывая на многообразие типов культур (египетская, индийская, вавилонская, китайская, античная, византийско-арабская, западноевропейская, южноамериканская), выделяет три обобщающих типа: античная, фаустовская и магическая. Он формулирует концепцию культурно-исторического цикла. В своем знаменитом произведении «Закат Европы» Шпенглер утверждает, что всякая культура, родившись и достигнув своего расцвета, истощается цивилизацией и приходит в упадок. Нынешнее состояние европейской цивилизации как раз и свидетельствует о закате культуры.

Русский философ Н.Данилевский призывал посмотреть на историческое многообразие культур как на бытие этнических общностей, которые весьма отличны друг от друга и находятся в конкурентном взаимодействии. Крупнейший социолог XX в. П.Сорокин обращал внимание на различие трех типов культур: культуры чувственной, утверждающей преобладание чувственного начала; идеациональной, с преобладанием рационального мышления; идеалистической, с преобладанием интуитивного познания.

Философия культуры. Процесс саморефлексии культуры, самоосознавания культурой ее собственной сущности и значимости обозначен понятием «философия культуры». Она охватывает целый ряд направлений — это и философия языка, и философия мифа, и философия права, и, конечно же, философия религии.

П.Флоренский считал, что сама культура возникла в недрах религии, искусство также первоначально представало как культовое. Теургия — богоделание — является лоном всех наук и искусств. Культурные ценности — это производные культа. В данном контексте культура понимается как самореализация Бога в мире и истории посредством человеческой деятельности. Эту тенденцию к преобладанию и доминированию духовности культура обнаруживает на протяжении всего периода своего существования.

Психоанализ и культура. Кризис европейской цивилизации в результате первой мировой войны свидетельствовал о трагичности бытия, отягощенности культуры витально-инстинктивными влечениями, а духа — предрассудками. Дефицит гуманности в период между первой и второй мировыми войнами скомпрометировал всю культуру. Подлинное существование человека, т.е. его «экзистенция», не тождественна его предметному бытию, следовательно, материальная компонента культуры недостаточна для самовыражения человека. Неврозы и депрессии, столь распространенные в обществе, заставляют психоаналитиков смотреть на бытие культуры с принципиально иной точки

зрения. Для Фрейда великолепные образцы античной культуры — мифы — продукты вытесненных в подсознание сексуальных влечений. Они постоянно воспроизводятся каждым новым поколением, потому что проблемы сексуальной жизни остаются, как правило, теми же самыми, что и в прежние периоды жизни общества. В центре всех мифов, по Фрейду, лежит Эдипов комплекс, без учета которого невозможно понимание всей человеческой культуры. Именно здесь сходятся воедино начала религии, морали и культуры. Убийство сыном отца рождает комплекс вины и обожествление образа отца (религию). Осознание преступности интимной связи с матерью рождает начало нравственности и привносит в жизнь требования элементарной морали. Сублимация сексуальной энергии порождает различные виды искусства.

Функции культуры и взаимосвязь языка и мышления. К основным функциям культуры относят предметно-преобразующую, социально-регулятивную и коммуникативно-нравственную функции.

Поскольку общество в любой момент существования нуждается в синхронном общении как средстве согласования деятельности индивидов и в общении диахронном как средстве передачи наличной информации, «суммы обстоятельств» от поколения к поколению, неотъемлемым элементом культуры является язык. Язык — это знаковая реальность, система знаков, служащая средством человеческого общения. Язык является специфическим средством хранения, передачи информации, а также средством управления человеческим поведением.

Биологической предпосылкой человеческого языка явились сложные двигательные и звуковые формы сигнализации высших животных и прежде всего антропоидных обезьян. От элементарных нечленораздельных звуковых комплексов первобытные люди переходили ко все более совершенным и сложным звуковым образованиям. Физиологической базой явилась вторая сигнальная система, присущая только человеку.

Понять знаковую природу языка можно, лишь понимая, что социальность (отношение людей по поводу вещей и отношение людей по поводу людей) не ассимилируется генами. Люди вынуждены использовать иные, внебиологические средства воспроизведения социальности в смене поколений. Знак и есть та своеобразная сущность внебиологического социального кодирования. Он обеспечивает трансляцию всего того, что необходимо обществу, но не может быть передано благодаря биологическому коду.

Язык — явление общественное. В нем задаются и отражаются требования коллективного общения. Разве может быть значим язык, произвольно сконструированный отдельным человеком? Как продукт творчества единичного индивида язык — это бессмыслица, он не имеет всеобщей значимости и воспринимается как тарабарщина. «Язык есть практическое, существующее для других людей и лишь тем самым ... и для меня самого, действительное сознание» (К.Маркс). Можно сказать, что язык никем не придумывается и не изобретается, а стихийно становится, т.е. возникает и развивается вместе с социальностью, с человеческим коллективом. «Язык так же древен, как и

сознание», «Язык есть непосредственная действительность мысли» (К.Маркс). Эти суждения во многом справедливы. Словесные знаки фиксируют предмет и «одевают» мысли. Язык выступает в качестве необходимого связующего звена между практическим действием и сознанием.

В языке находят отражение различия условий человеческой жизнедеятельности. В связи с особыми практическими потребностями и различными природными и социально-экономическими условиями язык приобретает такую характеристику, как избирательность. У народов Крайнего Севера, например, существует специфика в названии снега и отсутствует таковая в названии цветковых растений, не имеющих в их жизни важного значения.

Для любого лингвиста очевидно, что мир живого языка представляет собой относительно автономную иерархическую систему, элементами которой выступают и звукотипы, и фонемы, и морфемы, и лексемы. Этим во многом объясняется различный грамматический строй языка. Языковые средства придают явлениям при их осмыслении определенную направленность, образуя сферу духовного преобразования. При использовании материальных орудий на практике имеют место материальные предметные изменения. Использование же языка обеспечивает смысловое изменение ситуации. Даже если всего лишь переориентируется направленность внимания, то и это предполагает движение в смысловом поле. Последнее наиболее очевидно в игровом общении. В игре ребенок переносит значение одной вещи на другую. (Например, палочка становится лошадью, на ней, а не на настоящей лошади, скачет ребенок.) Однако этот перенос значения есть выражение слабости ребенка, так как он заставляет одну вещь воздействовать на другую только в смысловом поле.

При ряде патологических изменений сознания утрачивается способность переименовывать ситуацию в смысловом плане, преобразовывать ее, двигаться в смысловых изменениях и возвращаться в мир реальной предметности. Мышление таких больных застревает в ситуации, не видя ее условности, оно не в состоянии зацепиться за действительные связи.

Взаимосвязь языка и мышления признается самыми различными лингвистическими и философскими направлениями. Однако вопрос о характере связи и о той роли, которую играет каждое из этих явлений в процессе взаимодействия, решается по-разному. Тот факт, что мышление манифестируется посредством многочисленных языков, существенно отличающихся друг от друга, послужил основанием для теорий, согласно которым язык является определяющим по отношению к мышлению. Такова точка зрения В.Гумбольта и его последователей — неогумбольдианцев как американских, так и европейских. По Гумбольту, деятельность мышления и языка представляет собой неразрывное единство, однако детерминирующая роль отводится языку. Если мы согласимся с Гумбольтом и признаем, что язык формирует мышление, то, коль скоро языки разных народов различны, невозможен единый строй мышления. Следствием такой теории является отрицание общечеловеческого характера мышления, т.е. отрицание общего для всех живущих на Земле универсально-понятийного логического строя. Однако историческая практика фиксирует общность

понятийного аппарата мышления у всех современных народов, несмотря на различия в языках. Язык отягощает мысль не только наличием материально-знакового элемента, он отягощает мысль коллективными, intersubъективными требованиями к ней. В живом процессе общения имеются всеобщие для сознания моменты: передается значимая информация, нормы, идеалы, выражается оценка, содержится обращение.

Позиция, абсолютизирующая самодостаточность языка, выражена в философии неопозитивизма. Неопозитивизм признает язык в качестве единственно данной человеку реальности, а следовательно, язык составляет и единственный предмет философии. «Мир есть язык», — так звучит известный тезис Л.Витгенштейна. По мнению неопозитивистов, все философские проблемы возникают в результате непонимания языка, его неправильного употребления. Для решения их достаточно описать и обосновать основные требования экспликации языковых структур. Однако необыкновенно трудным для неопозитивистов остается ответ на вопрос, а как же возникла эта реальность, каково ее происхождение?

Язык и мышление, образуя диалектически противоречивое единство, обуславливают друг друга. Это порождает известную формулу: «Как нет языка без мышления, так не бывает и мышления без языка». Однако сводить процесс мышления только к вербализованному выражению и разделять убеждение, что мысли человека могут существовать только в форме отдельных слов и суждений, неправильно. Вербалисты — сторонники существования мышления только на базе языка связывают мысль с ее звуковым комплексом. Однако еще Л.Выготский замечал: «Речевое мышление не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи. Есть большая часть мышления, которая не будет иметь непосредственного отношения к речевому мышлению. Сюда следует отнести инструментальное и техническое мышление и вообще всю область так называемого практического интеллекта...» М.Фуко сопровождал вопрос: «Что такое язык?» дальнейшими уточнениями. «Говорит ли все то, что безмолвствует в мире в наших жестах, во всей загадочной символической структуре нашего поведения, в наших снах и наших болезнях, — говорит ли все это и на каком языке, сообразно какой грамматике? Все ли способно к означению?»

Правомерно выделение невербализованного, визуального, ассоциативного мышления, заключение о том, что мышление без слов также возможно, как и мышление на базе слов. Словесное мышление — это только один из типов мышления. Не все говорящие мыслят — сентенция, часто адресованная уникальному существу — попугаю. И если бы слова в полной мере представляли процесс мышления, тогда воистину «великий болтун был бы великим мыслителем». Современные исследователи проблемы соотношения мышления и языка закрепляют определяющую роль за мышлением. Язык представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее определенными внутренними законами собственной организации.

Новый тип человека в культуре постмодерна. «Новая» страница в истории человеческой культуры носит название «постмодерна». Если возраст постмодерна трактовать исходя из понимания

последнего как явления художественной культуры, сопоставимого с авангардизмом, то его появление можно датировать началом XX в. Если же во главу угла ставить основной тезис постмодерна — «нежелание жить согласно предписаниям, жить по-разуму», то тогда это явление может исчисляться двумя столетиями, а имена Шопенгауэра и Ницше становятся значимыми для постмодернистской философии. Ибо именно тогда все художественные формы, отражающие жизненные ситуации, «поссорились» с Разумом, Истиной, Добром, Логикой, Законом причинности, Кантовским категорическим императивом.

Понятием «постмодерн» обозначают период времени, который «последовал за» предшествующим, получившим характеристику «новый» (модерн). Однако следовать — не значит продолжать. Постмодерн в полной мере подтвердил эту логику. Достижения модерна не стали основанием для постмодерна, но всего лишь ассимилируемой частью и материалом, подлежащим радикальному переосмыслению. В этом плане понятие «постмодерн» может быть использовано для обозначения специфического характера нынешнего периода, вошедшего в историю как неравновесный, нестабильный, «ошалевший от неопределенности» мир. Это автограф и почерк эпохи, претендующей на право отразить духовный переворот индивидуального самосознания, собственный тип чувствования, бунтующий против оков и ограничений «целого», общепринятого, разрешенного. В данном контексте термины «постмодерн» и «постсовременность» синонимы.

Постмодерн как новый строй мироощущения предполагает в качестве своего носителя новый и своеобразный тип человека, независимо от того, будет ли тут действительна аналогия с ницшеанским сверхчеловеком или, напротив, отдельное Я станет принципиально неопределенным, как квант. Может статься, что ключевой фигурой окажется некий «социальный Юродивый». Бесспорно, однако, полное неприятие нормативности и рациональности во всех их проявлениях. Для подобного «странного современного человека» весьма свойственно хаотическое поведение, он во многом человек «неописуемый», ему, как правило, «все равно». А согласно формуле Достоевского — и «все дозволено». Люди говорят, что хотят, делают, что угодно, поступают, как считают нужным, и оказывается, что это и есть жизнь.

Культура постмодерна, как это ни парадоксально, интернациональна. Связь постмодерна Запада с отечественными российскими духовными метаниями весьма ощутима. Хотя есть в нашем отечественном постмодернистском менталитете свои, ни на что не похожие странности. Страсть к разоблачению доведена до абсурда. Не случайно в фольклоре присутствует бичующая сентенция: «Иван, родства не помнящий», — это про русского, не укорененного и распяленного в бескрайней дали — горизонтали обширной российской земли. Все исторические публичные саморазоблачения проводятся от имени «Мы». Абсурдная вера подпитывается «похвальным» якобы отсутствием какого бы то ни было расчета. Все это можно истолковать как проявления архетипических, надсознательных установок: «будь, что будет», «была не была», «авось»...

Главенство стихийного жизненного процесса над Логосом и Разумом всегда было свойственно

исторической судьбе России. Этакое «выпадение» из мирового Закона, этакое «кипение в действии пустом», состояние постоянного восстания, взведенности и характерное ожидание, «немота русских лиц» — все это весьма узнаваемые черты, многократно описанные и русскими философами, и русскими литераторами. Непостижимая любовь к отечеству, при которой самобичевание доходит до надругательства, укоренена в наших традициях. Еще П. Чаадаев едко хлестал соплеменников словами: «В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников...» Н. Бердяев отмечал, что в качестве постоянной цели русский человек провозглашал «не гармонию и порядок, а подъем и экстаз». Сознание не в силах вынести на себе гнет постоянного напряжения по оформлению бытия, а путь «вольного хотения», «бунт своеволия» ведет к отрицанию общечеловеческих смыслов и ценностей. Русский человек всегда во власти стихии. Легкомысленное растяжение вширь, нигде не встречая дисциплинирующих очертаний, препятствует вертикальной укорененности. «...Недостаточность формы, слабость дисциплины ведет к тому, что у русского человека нет настоящего инстинкта самосохранения, он легко истребляет себя, сжигает себя, распыляет в пространстве». Не случайно современное состояние, именуемое эпохой постмодерна, оценивается как культурный мутант.

Размышления о логике постмодерна. В континууме постмодерна иногда выделяют два вектора. Первый направлен на деконструкцию или элиминацию, оставшихся в наследство от классической эпохи или эпохи Нового времени ценностей, как то: Бог, истина, смысл, красота. Второй направлен на сохранение этих ценностей как эталонных единиц на шкале мировосприятия, хотя и оставляет за собой право наполнять их специфическим и отличным от традиционного содержанием, которое более адекватно, с точки зрения модернистов, может отражать особенности постмодернистского мировоззрения. В первом варианте во Вселенной не остается места целям, идеалам, божеству, ибо все лишается смысла. Во втором — они признаны, но многолики, поливариантны и в зависимости от контекста изменены порой до неузнаваемости. Они постоянно демонстрируют свою контекстуальную зависимость.

В первой, «деконструктивной», версии постмодернизм освобождает философию от поиска смысла, науку от поиска истины, а искусство от определенной системы ценностей и самого художественного образа. Во второй версии царит принцип селекции, согласно которому отбор соответствующих фрагментов мировоззренческой мозаики идет с поправкой на ситуацию. Мировоззрение здесь принципиально релятивизируется. Оно может изменяться и переиначиваться «вдруг» и «сразу» в зависимости от также стихийно-спонтанно возникающих целей. Негативным экзистенциальным следствием такого положения вещей оказывается то, что «фрагментарное» отношение к миру отзывается «фрагментарным» отношением к самому себе, отсутствием самоидентификации.

Если же говорить о логике постмодерна, минуя избитые определения типа: логика распада, логика абсурда, то следует заметить, что она полифуркационна. В реальности постмодерн видит не

одну (моно-) и не две (би-), а множество (поли-) версий, но ни одна из них не является ни полной, ни цельной. Истина не может быть постигнута, ибо неизвестно, что с чем должно быть соотнесено и чему должно соответствовать. Следовательно, постмодерн – это не только неотображающее, но и неистинное мировосприятие. Возникает ситуация симуляции действительности, когда текст коллаж, бриколлаж одновременно и означают действительность, и замещают ее.

Ж.-Ф.Лиотар, идеолог постмодерна, видит ключ к пониманию этого непростого явления в том, что в нем осуществлен «выход к культуре многообразия через коллапс тотализации и унифицирующего дискурса в повествовании и науке». На место тщательно продуманной формы становится фрагментарность и внешняя неотделанность. Сознание героя предстает как разорванное сознание. Сам текст становится открытым и разомкнутым, он допускает множество интерпретаций и различные контексты. Из него не только произвольно считываются (извлекаются) смыслы, в него вчитываются (внедряются) весьма субъективистские толкования. Релятивизм выступает одной из определяющих особенностей «логики постмодерна».

В парадигме постмодерна причинность разрушается, будучи принесенной в жертву изначальной разорванности и атотальности. Несовременно не только проследить какие-либо однозначные и определенные связи причинно-следственной зависимости, но даже упоминать о причине как источнике, породившем, а следовательно, и ответственном за происходящее. Любое событие мыслится как равнозначное в ряду прочих. Господствует установка на скольжение по поверхности и перебирание различных составляющих. Эклектизм предполагает и смешение опыта прошлых эпох, и причудливую имитацию поверхностных впечатлений. Может быть, поэтому в качестве основных средств означения берутся коллаж и монтаж. Монтаж ответствен за построение структуры. Теперь уже не матрица объяснения, а прошупывание возможных границ, этакая пограничность, блуждание в мире якобы сообщающихся смыслов становится сутью логики постмодерна, нового взгляда на мир. И как бы ни отталкивало подобное состояние, постмодерн — это новая страница в истории европейской культуры, повернуть которую вспять невозможно.

Ведет ли культура постмодерна ко всеобщему кризису духовности? — вопрос не из простых. Плюралистичность и кажущаяся демократичность постмодернистских тенденций не снимает их остро ощущаемую несогласованность с ориентациями повседневности.

Ход и течение нашей жизни отличаются от стиля постмодерн. Если постмодерн делает заявку на экстремальность, пиковость, эпатаж, то стереотипность и рутинность бытовых отношений задает ориентацию на традиционализм, тяготеющую к принятию устоявшейся ценностной иерархии.

Обыденное мироощущение далеко от принятия постмодерна. Приверженцы рациональности также пытаются отказаться от него из-за обнажившихся в нем связей с дологическим, внерациональным способом мышления. Трудно мирятся с возрастающей популярностью постмодерна академически ориентированные ученые в их стремлениях к устоявшимся правилам, канонам и принципам, типовым решениям и однозначным регламентациям.

Постмодерн, провозглашая новый (постмодернистский) тип реальности, такой, какой она стала в XX в., в наибольшей степени апеллирует к инстинктам, ощущениям вседозволенности, спонтанности и разнообразию вкусов и манер, хаосу. Дистанция между искусством и жизнью сокращается вплоть до полной ликвидации. Вещи «с улицы», так называемый «кич», приобретают значимость художественных произведений. Желая произрастать из реальных жизненных противоречий, постмодерн «цитирует» прозу бытия, ущербность действительности, предлагая свой порядок. Сутью творчества становится стремление нейтрализовать утилитарные связи обычных вещей и ввести их в новую смысловую систему, показать-соединение «художественного» с «нехудожественным». Постмодернистские ориентации пока еще не вытеснили культуру в ее традиционном понимании, они «существуют как бы» на периферии традиционно истолковываемой духовности. В этом климате «риска», в состоянии нестабильности и принципиальной плюралистичности ориентации наш современник вынужден постоянно выбирать себя, самоопределяться, пытаться самоидентифицироваться.

Что такое киборгкультура? В духовной атмосфере конца XX в. нельзя не заметить экспансию технического, порождающую андеграунд, киборгкультуру, гиперэстетику, электронное искусство. По оценкам исследователей, господствующая логика технологического общества подразумевает гиперистощение эмоциональных функций и гиперупрощение разума, электронное искусство есть предел постмодернистской эстетики, оно обращено к примитивизму. Особого внимания заслуживает киборгпостмодернизм, отталкивающийся от признания границ между человеком и машиной безвозвратно размыты.

Сторонники киборгкультуры предполагают, что будущие информационно-коммуникативные технологии откроют простор новым формам человеческого самовыражения и определяют новую технологическую эру, освобождающую человека от материальных ограничений его повседневной жизни. Надежда на новые информационно-коммуникативные технологии связана с представлением о бесконечных ресурсах нового опыта, играющих все большую роль в развитых обществах. Системы виртуальной реальности потенциально обеспечивают возможности приобретения этого опыта и «новой самодостаточности» человека, разворачивающейся среди искусственно порождаемых виртуальных миров, ограничиваемых только воображением субъекта. Однако впервые появившаяся в середине 60-х годов XXв. идея, что при помощи компьютеров можно создать модели миров, которыми пользователь в состоянии манипулировать, уже пережила пик своей популярности, так как оказалась чрезвычайно экономически затратной. В академических культурологических исследованиях имеют место острые дебаты об образе будущего, в котором технологии изменят сознание. Однако мнение о том, что и создание киборгпространства, и разработка систем виртуальной реальности будут иметь революционные социальные последствия, поддерживают как пионеры технологии компьютерной виртуальной реальности, так и теоретики киборгпостмодернизма. Будущее покажет, откроем ли мы киборгов в нас самих или только опыт

непредставимых пока состояний сознания в рамках среды, моделируемой компьютерами.

Виртуальная реальность и культура XXI в. В лице виртуальной реальности (от лат. *virtualis* — возможный), которая сделала серьезную заявку на приоритетное место в культуре XXI в., человечество столкнулось с одной из наиболее труднодостижимых проблем. Дело в том, что виртуалистика оформилась в самостоятельное направление психологии, заняла значительное место в информатике и в сфере философской рефлексии. Трактую модус виртуальности как такой, который может или должен появиться при определенных условиях, очевидно, что виртуальная реальность существует, пока активна порождающая ее среда.

Виртуальная реальность может как осознаваться, так и не осознаваться (имеется в виду ситуация, когда организм, дополняя себя до целостности, создает требуемый ему идеальный план бытия и общения, работая, а лучше сказать, функционируя в системе виртуальной реальности). Когда же виртуальная реальность создается осознанно целенаправленно, она приобретает характеристики артефакта — искусственно созданного объекта и теряет спонтанность и беспредпосылочность. Виртуальная реальность — это инореальность, в которой явно обнаруживается произвол человеческих мотиваций. В этом качестве она очень гибка, динамична и полностью сориентирована на восполнение требуемых в данный момент переживаний. За такими невинными и поэтичными характеристиками виртуальной реальности, как мир грез, мечты, ожидания, осуществленные и неосуществленные возможности, скрываются ее претензии на статус сущего, укорененного в психосоматических потребностях организма, восполнение недостаточности наличного опыта. Состояние удовлетворенности — одна из наиболее приоритетных целей моделирования виртуальной реальности. Другая цель состоит в компенсации эмоциональных или ментальных потерь. И третья предполагает поиск смыслов в условиях гипотетического (предполагаемого) диалога или общения.

Можно выделить некую креативную функцию виртуальной реальности, состоящую в том, что человек приобретает возможности расширения по своему желанию и предпочтению границ своего жизненного опыта, мира в целом. Виртуальный план бытия позволяет конкретному индивидууму присвоить универсальные управляющие функции, осуществить киборгвласть. Хотя считается, что идея виртуальной реальности, понимаемой как реальности, порожденная идеальным планом бытия, разрабатывалась и в медитативных практиках, и в схоластических дебатах, ее отдаленным аналогом всегда выступало бытие метафорического художественного языка, заставляющего человека воплощаться в героя, вместе с ним страдать, переживать, страстно желая изменить ситуацию.

Одной из серьезных проблем виртуалистики является дихотомия власти образа и конкретной вещи. Личная или субъективно-интимная история каждого человека всегда во многом виртуальна. Мы часто в мыслях и воспоминаниях возвращаемся к имевшим место ситуациям и событиям, вновь их переживаем, желая их изменить. Зачастую мы так сильно сожалеем о том, что уже произошло, что вновь и вновь погружаемся в контекст минувшего, додумывая, а вернее, достраивая иные его траектории, вздыхая, «ах, если бы...» Но границы конкретной реальности каждодневного бытия,

имеющего самостоятельное физическое существование, не очень подвластны, а зачастую просто закрыты для проникновения в них переиначивающих импульсов, рожденных в идеальном плане бытия. Мир виртуальной реальности лишь косвенно и опосредованно ведет к фундаментальным переменам в объективном мире. Фразы типа: «Давай забудем о случившемся... Останемся друзьями», — говорят о родственности языка и виртуалистики. Они и им подобные обращения есть знаковая визитка виртуальной реальности, претендующей на свое укоренение в действительности существующего. Ведь в них призыв — отменить то, что было, переиначить настоящее, выступить властелинами времени и развития различных сюжетных линий.

В виртуальной реальности иная атрибутика. Порядок времени, идущий из прошлого через настоящее в будущее, может быть нарушен. Процессы отражения происходят в режиме мультимедиа, движение может быть приостановлено, развитие обращено вспять. Содержание виртуальной реальности, включающее в себя поиск, выбор и «проживание» возможного, принципиально спонтанно и не связано извне идущими ограничениями. Составляя один из планов процесса мышления, оно всегда срачивалось с воображением. В настоящий период виртуалистика обрела огромные коммуникационные возможности во Всемирной паутине — сети Интернет. Через призму этого параллельного, созданного техногенной цивилизацией мира можно разглядеть негативные перспективы постсетевой культуры: острые информационные войны, трансформации сексуальных отношений процветание так называемой «культуры цинизма».

Исследователи уверены, что выход на поверхность виртуальной реальности готовился психоаналитической концепцией бессознательного, а также структурализмом М.Фуко и Ж.Делеза. Если убрать факт присутствия компьютера, то путешествие человека в фантомах своего сознания, «застревание» в вымышленных ситуациях, деконструкция реальности может быть уподоблено и интерпретировано как психическая патология. При участии компьютерной моделирующей системы те же упражнения человека с воображаемой реальностью обретают статус нормального функционирования в виртуальном мире. В этом случае виртуальная реальность выступает как новейшая технология, привлекающая к себе тысячи и миллионы людей.

Словенский психоаналитик Сл.Жижек подчеркивает, что статус виртуальной реальности состоит в том, что она не имитирует реальность, а симулирует ее. Симуляция порождает сходство несуществующей реальности с реальными потребностями. Это симулирование подобно тому, как шарлатаны симулируют симптомы болезни. Однако данная аналогия правомерна только при постановке акцента на создании чего-то несуществующего. Неправильно было бы думать, что смысл виртуальной реальности в имитации — повторении мира, напротив, она направлена на его преодоление, переиначивание или хотя бы дополнение. Поэтому принципиально новой характеристикой виртуальной реальности является ее панорамность, когда любое событие может быть прочитано и с точки зрения собственной интерпретации, и со многих других точек зрения. В панорамности содержатся возможности обнаружения как следов личной истории, так и фиксации

неосуществленных идеалов действительности, а также акценты, соответствующие данному или же любому иному пространству—времени.

Можно предположить, что основания потребности в виртуальной реальности состоят в рассогласованности зова человеческой природы и санкций реального бытия, той или иной участи индивидуума. Открытие «расколотости» субъекта, о котором во всеуслышание поведала постмодернистская философия, жаждало каких-либо форм компенсации. В плане реального бытия жизненная сила и воля человека предельно ограничены и скованы рамками экономических, институциональных, идеологических, культурных, этических и прочих отношений. Личность по большей части задавлена логоцентризмом, официально господствующей жесткой рациональностью. Виртуальная реальность дарит человеку бытие в потенции и все имеющиеся возможности (потенции) бытия. Она говорит о постоянной готовности человека к трансцендированию, т.е. к выходу за конкретно-исторически положенные границы, к восхождению от условного к безусловному. Ее содержательное многообразие наполнено неоформившимися образами, обогащено веером сценариев, оплодотворено всяческими желаниями и потребностями. В силу их изначального многообразия виртуальная реальность имеет статус некоей неопределенной сферы, ожидающей и обретающей свою проявленность. Иногда за качеством виртуального закрепляется определение «бестелесная предметность», которая как раз и создает поля проявления двойственности, а быть может, и множественности внутренней экзистенции человека. Насколько сильны механизмы памяти или «присутствия предшествующей истории события» (так определял память А.Бергсон) в виртуальной реальности, вопрос сложный. С одной стороны, именно эти механизмы и могут инициировать весь процесс содержательного моделирования виртуальной реальности. С другой, ничто не мешает субъекту перестать чувствовать себя связанным памятью или историей событий в прошлом, конструировать ирреальный мир по наитию и произволу. Построение внутренней картины внешнего мира, где господствует персональная система ценностей, субъективный, дистанцированный от общества уклад жизни — хорошо знакомая всем процедура. Такого рода «повседневная» виртуалистика имеет некоторый интерсубъективный характер, ее моделированием занимается почти каждый.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что проблема homo virtualis — «человек виртуальный» — станет центральной проблемой XXI в. Сегодня у нашего современника обнаруживают даже ген виртуальности, который укоренен в образном мышлении. Виртуальность как технология является продуктом постиндустриальной цивилизации и информационной электронной революции. Ее (виртуальность) можно понимать и как необходимый аспект бытия информационного общества, который имеет тоталитарные тенденции поглощения голов и умов. Экспансия виртуального измерения зависит от очень многих обстоятельств, в том числе и от так называемой ментальности народа.

ЛИТЕРАТУРА

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

1. Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1987.
2. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991.
3. Бердяев Н. А. О русской философии. В 2-х ч. Ч. 1. Омск, 1991.
4. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост»//Иностранная литература. 1994, № 1.

Тема 10. ЛИЧНОСТЬ

Кому принадлежит открытие личности?— Запрет на индивидуальность. — Значение человека в рамках герметической традиции. — Индивидуальность и индивидуальность. — Многообразие определений понятия «личность». — Психоанализ, экзистенциализм и персонализм о личности. — Личность ученого.

Кому принадлежит открытие личности? Придерживаясь убеждения в том, что уже в античности была осознана антропологическая проблематика, человек провозглашался мерой всех вещей, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Дело в том, что у древних греков не существовало понятия «личность». Они не могли отделить автономную жизнедеятельность гражданина от законов и установок полиса (античного города-государства). Сильна была и космологическая зависимость индивида от закономерностей и упорядоченности высшего уровня. В социокультурной модели античного мировосприятия неумолимая судьба (рок) накладывала запрет на свободу человеческой воли. Свобода была возможна для отдельных индивидов в парадоксальной ситуации несвободы, т.е. они осознавали предписанное судьбой, осуществляли это предписание, действуя в соответствии с ним как бы тяжело, нелепо или трагично оно ни было, и погибали, согласно фатуму.

Несмотря на то, что Сократа называют родоначальником философии человека на том основании, что он настаивал на исследовании «дел человеческих», мыслителя по большей мере интересовал не столько человек, сколько его мышление, т.е. те рефлексивные установки, которые необходимо осознать и распродметить на пути поиска истины. Столкновение мнений и противоположных суждений при анализе индивидуальных качеств и добродетелей, таких, как благо, справедливость, умеренность и т.д., — вот на что было направлено острие сократической иронии.

Существует вывод, что на границе между космологической и антропологической мыслью стоит Гераклит; хотя он и рассуждает как натурфилософ и принадлежит к числу древних «физиологов», он понимает, что проникнуть в тайну природы, не раскрыв тайну человека, невозможно. Изучение сущности человека связывают и с философией Аристотеля. В первой книге «Политики» Аристотель утверждает, что «человек по природе своей есть существо политическое», «существо общественное». Это, продолжает Стагирит, ясно из следующего: природа одарила его речью, речь способна выражать то, что полезно и что вредно, то, что справедливо и что несправедливо. «Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства». Весьма верная и плодотворная по своему методологическому потенциалу идея Аристотеля об общественной сущности человека заставляет мыслить о человеке вообще, о его всеобщей родовой природе, но ни о понятии личности, ни о понятии индивидуальности в античности

говорить не приходится.

Когда ведется речь о концепции человека в рамках философии стоиков, то основным ее достоинством считается возможность достижения полного равновесия человека и мироздания. Стоическая «невозмутимость и непоколебимость» столь устойчива, что никакие внешние силы и катаклизмы не могут ее разрушить. В рамках такой установки вопрос о личных, глубинных переживаниях, окрашенных красками своеобразного и индивидуального мировосприятия, теряет какие бы то ни было основания. Полная гармония всего со всем, противоречивая в своей сути, абсолютная внутренняя независимость человека, соблюдение главного и обязательного условия — атаксии (невозмутимости) — вот единственный идеал, который, согласно стоикам, требовал воплощения. *Amor fati* — «любовь к року», судьбе, управляемой космосом, а не к себе освобождает от тщетных тревожений и страданий. Сила духа как раз и проявляется в понимании того, что выше судьбы нет ничего, и человек должен невозмутимо, бесстрастно выполнять свою обязанность — жить. В этом состоит практическая мудрость, которая помогает освободиться от аффектов и призывает следовать природе, приобщаясь к бесстрастной и идеальной разумности мирового целого. Идеал стоической, непоколебимой, бесстрастной личности уравнивает всех людей перед лицом рока.

Запрет на индивидуальность. В архаических культурах древности имел место запрет на индивидуальную самобытность. Социокультурные основания этого табу весьма любопытны. Исследователь культуры тропической Африки В.Иорданский, ссылаясь на этнографа Ж.Лафонтена, приводит следующие свидетельства. В Бигусу (Африка) лиц, отмеченных печатью индивидуальности и необычности поведения, обвиняли в колдовстве. Дети росли с мыслью, что печать своеобразия опасна. Слишком большое отклонение от норм обычного поведения навлекало подозрение, способствовало отчуждению человека и, в конечном счете, могло привести к его устранению.

Запрет на индивидуальность действовал и в средневековье. Считалось, что теологические доктрины средневековья освободили человечество от космологической зависимости, от предзнаменований, власти духов и демонов. Вместе с тем новая, еще более сильная зависимость от Бога растворяла человеческую индивидуальность, позволяя ощутить себя лишь Божьей тварью или всего лишь искоркой Божьего духа. В средневековье не могло иметь места ни понятие личности, ни понятие индивидуальности. Само творчество осуществлялось как анонимный процесс, полностью оторванный от имен средневековых изобретателей, авторов, конструкторов. Ибо только Бог мог выступить великим искусником и творцом всего земного, и никто из людей не в праве был состязаться с ним в мастерстве. Индивид был полностью поставлен в зависимость от Бога, его «утверждение» могло происходить в форме отказа от себя, смирения и послушания. Христианство возвело бесплотность и немощность в ранг недостижимого идеала. Все плотское — греховно, дух же должен быть устремлен к божественной благодати, где перед лицом Господа все равны. Христианство породило не только концепцию бестелесной сущности человека, оно предложило и представление о без-именном или безымянном его существовании.

Но если уникальность, индивидуальность и своеобразие человеческой личности в средневековье игнорировались, то дебаты, посвященные принципу индивидуации занимали значительное место. Труд Фомы Аквинского под названием «Принцип индивидуации» поднимал следующие вопросы: все ли объективно сущее индивидуально? что понимать под принципом индивидуации? При каких условиях индивидуация осуществима? что нужно для завершения индивидуации? Б. Рассел совершенно справедливо замечал, что принцип индивидуации явился одной из важнейших проблем схоластической философии. Однако статус человека как индивидуальности и полноценной личности, соизмеримой в своих возможностях с божеством, был осознан лишь в эпоху Возрождения. Ренессансное мышление осознало значимость личности, индивидуальности, но это был уже XVI в.

Значение человека в рамках герметической традиции. Если рассмотреть значение человека в рамках древнейшей герметической традиции (отнесенной к Древнеегипетской цивилизации 4—6 тысячелетия до н. э.) — первой тайной мудрости, то уже в первом высшем Аркане Таро можно получить довольно стройную доктрину, изобилующую интерпретациями. Первый Аркан позволяет охарактеризовать сущность индивидуальности с учетом ее активности, через призму пары категорий: дух—материя. Человек духовно живет в мире идей, но он также является существом физическим, а следовательно, материальным и реализует себя в мире материальных форм. При нейтрализации бинера дух—материя получается трентал дух—энергия—материя. Двигаясь от идеи к предметам, возникает цепочка: идея—форма—предмет. Все эти образования также будут нести в себе печать индивидуальности.

В человеке различаются эти три основные компоненты: *mens* — дух; *anima* — душа; *corpus* — тело. Когда человек занят умственным трудом, *mens* (дух) в нем действеннее. Когда в человеке преобладает жизнь страстей или работа чистого воображения, самое деятельное начало — *anima* (душа). Дух человека считается определяющим душу. Душа, взяв в физическом плане элементы, переданные генетически от родителей, сумела создать себе физическое тело. Она поддерживает функции этого тела, исправляя повреждения своей физической оболочки.

Отражение трентала рок—проведение—воля человечества в отдельном человеке, где рок олицетворяет собой прошлое, проведение—настоящее, а воля устремлена в будущее, приобретает вид карма—совесть—воля человека. Совесть освещает путь, указывая, как нейтрализовать для настоящего момента дихотомию добро—зло. Воля человека определяет будущие события, но ограничена в выборе так называемой кармой. Карма понимается как общее отражение всех предыдущих инкарнаций души человека. Возможны следующие комбинации:

1. Воля (читай будущее) вместе с совестью (настоящее) против кармы (прошлого). Результат — очищение кармы.
2. Воля вместе с кармой против совести. Результат — видимые удачи в жизни при наличии отягощения кармы.

3. Борьба воли (будущего) с кармой (прошлого) без участия совести (настоящего). Результат зависит от соотношения сил воли и кармы.

4. Воля против объединенных кармы и совести. Результат — неудачи в жизни и отягощение кармы.

К подобным советам, рожденным в рамках эзотерической традиции, можно либо прислушиваться, либо нет, бесспорным фактом остается то, что проблема подлинно гуманных и этических деяний человеческой личности была архиважной для философии древних.

Индивидность и индивидуальность. Различие понятий «индивидность» и «индивидуальность», на первый взгляд кажущееся несущественным, принципиально. Если постановку проблемы индивидуальности традиционно относят к эпохе Возрождения, где и возникло полноценное представление о личности, то представление об индивидности (т.е. единичности и в этом смысле уникальности одушевленных или неодушевленных предметов) пронизывает все культурные пласты.

Сопоставляя понятия «индивидуальность» и «индивидность», необходимо отметить присущие им отличия: если индивидность — это представление об одном, то индивидуальным является то, что не подчиняется канону, унифицирующей норме, требует отдельного, особого анализа. Идея индивидуальности «оплодотворяется» пафосом оригинальности и собственноюименности. Реализация индивидуальности — это всегда рождение нового и неповторимого. Для индивидуальности характерен стиль существования, сопряженный с полноценным проявлением собственных деятельных способностей. В нем нет никакого обязывающего подчинения шаблону, должному; Я деятельно и значимо в качестве самого себя.

Сам факт отделения индивидности (единичного) от индивидуальности (особенного) предполагает, что предикат индивидуальности не имеет всеобщего характера, иными словами, не всякий индивид — индивидуальность. Что же является критерием становления и обнаружения индивидуальности? Важна ли сила, красота, волевой накал или какие-либо иные жизнеутверждающие ориентиры? А может быть, приоритетным окажется утонченность, одухотворенность, возвышенность, отвлеченность от мирского бремени? Ответ может быть найден только на шкале историко-цивилизационных измерений. Христианство возвело в ранг недостижимого идеала мучающегося и искупающего свои грехи верующего. Ренессанс воспевал гармонию духа и тела.

В западноевропейской истории долгое цивилизационное становление идеи личности и индивидуальности, когда сами великие личности были, а рефлексивно-методологических способов осознания меры их уникальности не было, привело к тому, что эпоха Возрождения, а затем и Просвещения «открыла шлюзы», породив подлинный культ человека. Это было неслыханное возвеличивание личности, кардинальный пересмотр воззрений на сущность и предназначение человека, объявивший о его неисчерпаемых возможностях. Воспевался разум, который должен был

обеспечивать цельность личности, гармоничность ее существования, оберегать ее от пороков. Личность же утверждала великие принципы свободомыслия. Стали возможны такие социокультурные модели личности, в которых существенными оказывались и этнические, и региональные особенности. Исторически востребованными стали различия «Запада» и «Востока». Понятие «индивидуальность» как неповторимое своеобразие какого-либо человека прочно вошло в обиход, знаменуя собой начало эпохи индивидуализма.

Бесспорным является то, что для индивидуальности невозможна потеря «самости», собственного Я, стержня, чувства идентичности и сращенности с собственными проявлениями. Индивидуальность не может быть отделена от самоосуществления задатков и творческих потенций личности. Индивидуальность — это не только Автономное и независимое отдельное Я, это и самоценное, неповторимое творение природы, которое может удивить мир своими необычными и уникальными проявлениями. В этом смысле индивидуальность может быть понята как спонтанное и во многом противоречивое явление.

Современное понимание личности в постнеклассической картине мира неоднозначно. Оно сочетает в себе унифицирующие (усредняющие) и индивидуализирующие тенденции. Массовая культура и массовидное производство приводит человеческую личность к необходимости существования как некоего среднестатистического элемента. Вместе с тем трактовка человека как «кванта» эволюции весьма своеобразным образом сохраняет за ним неистребимое стремление к свободе и самовыражению, что составляет привилегию именно личности и индивидуальности. О современном человеке говорят как о существе, жаждущем нового, питающемся смыслами и информацией.

Многообразие определений понятия «личность». Когда разговор о человеке ведется среди обывателей, то, как правило, утверждается, что человеческая сущность — врожденное качество, личность — благоприобретенное. Человеческую сущность нельзя потерять, переменить или повредить столь же легко, как личность. Личность можно изменить почти полностью, изменяя обстоятельства. Она может быть даже утрачена. В свою очередь, человеческая сущность является базисом физического и умственного состояния человека.

Хрестоматийное определение понятия «личность» выделяет два его основных значения:

- Первое подчеркивает социальную значимость личности. Личность есть человеческий индивид, активный, целеориентированный субъект отношений и сознательной деятельности. Этому соответствует латинский термин *persona*.
- Второе значение указывает на достаточно устойчивое проявление социально-психологического облика человека. Здесь личность выступает как совокупность постоянных и определенных социально-значимых черт, характеризующих индивида. Личность всегда отличается от эмпирического индивида, обывателя, ибо она в своих поступках и решениях сопряжена с принятием определенной системы ценностей. Личность есть своеобразный носитель

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

системы ценностей, которые предмечиваются и в вербальной (словесной), и в предметных формах бытия. Поэтому считается, что личность может «сделать» саму себя, т.е. строить свою жизнь, сообразуясь с идеальным планом-замыслом, и в определенной мере подчинить себе обстоятельства.

Личность всегда нуждается в самовыражении. Утверждение, что личность есть органическая целостность, а не конгломерат случайным образом проявляющихся черт и особенностей, правомерно. Правомерно и ожидание аутентичности (самотождественности) личности.

Вся гуманистически окрашенная философия видит в личности главное достижение земной цивилизации, ее основной смысл и наипервейшую заботу. Личность — это неповторимая уникальная субъективность, осваивающая мир и окрашивающая его глубинными смысловыми оттенками. Она направлена на совершенствование себя и общества, стремится к существованию в сообществе достойных, гармоничных личностей. Переживания личности неизбежно соотнесены с ценностями. Многообразие определений понятия личности имеет то общее основание, что, будучи личностью, человек может выступить ответственным субъектом своего действия и переживания, осознает свои восприятия и знает цену собственным инициативам.

Сознательность выделяется в качестве важного элемента жизнедеятельности личности. Очищенное, свободное от низших психизмов сознание открыто для восприятия новых возможностей, для творчества и совершенствования. Обычное сознание сравнивается с картинной галереей, освещенной тусклым электрическим светом. Моменты интенсивности восприятия, подобные яркой вспышке солнечного света в очищенном сознании, дают возможность по-новому увидеть мир. Сознательность интерпретируется как сопряженные со знанием цели бдительность и мудрость. Сознание в отличие от запрограммированности предполагает способность к выбору, перемене и самоопределению.

Всякий раз, когда человек получает сильное чувство значимости, он активизирует свои способности. И напротив, когда он находится в состоянии безразличия (а часто именно такое состояние воспринимается как желанное), потенции сознания не используются. Поэтому настоятельной потребностью современного этапа является потребность реанимировать спящие психические способности, научиться «включать прожектор внутри себя».

В этом контексте основной проблемой человека оказывается его неспособность достичь определенной концентрации, необходимой для максимального использования своих способностей. В качестве препятствий называют: связанное состояние сознания, рассеянность, внутреннее напряжение, вибрации. Последние подразделяются на заурядные, психосоматические (эффектные) и нетривиальные (сильные впечатления, аналогичные потрясениям от восприятия произведений искусства). Метод — концентрации, а скорее медитации (от лат. *meditatio* — размышление), служит средством очищения сознания. Современные авторы предлагают различные определения медитации: это и средство, расширяющее наш внутренний опыт; и прием, усиливающий открытость личности; и освобождение сознания от семантической скованности; и раскрепощение спонтанности. Можно

добавить, что это и возможность сосредоточения в своем внутреннем пространстве—времени, которое тут же может предстать трансцендентным, унести мысли в неведомое. Великолепно об этом сказал О.Мандельштам:

«И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,
И мнимое рву постоянство и
Самосогласье причин...»

Проблема эволюции человеческой личности решается сквозь призму расширения ее способностей и совершенствования нравственных регулятивов. Первый шаг к возможной эволюции — в изучении себя самого. Человек должен обрести сознание внутреннего единства, постоянного Эго. Значимой оказывается борьба с отрицательными эмоциями, при которой «человек должен пожертвовать своими страданиями». Ибо пока мы культивируем отрицательные эмоции (депрессивные или насилия; жалость к самому себе, гнев, страх, досаду, подозрительность, скуку, недоверие, ревность, ненужную речь), не следует ожидать развития единства сознания и воли. Для собственного саморазвития человек должен научиться наблюдать за собой, отличая полезные и вредные черты. Возникающие в личности интересы как магнетический центр направляют и контролируют развитие человека.

Человек должен изжить из себя пороки, которые, как и любые знания, исходят в виде вибрационных энергий от человека, несущего в себе: эгоизм, обиду, зависть, презрение, злобу, корыстолюбие, жестокость, месть, ревность, унижение, обман, одержимость. Человек должен стремиться приобрести духовные качества внутреннего самосознания души: доброжелательность, терпимость, сострадание, прощение, радость, любовь ко всему и др. В этом своеобразное решение проблемы сохранения личностного начала на длительный срок, которая притягивает к себе многих ученых, философов и валеологов. Тесно связанная с ней задача воссоздания личности исходит из следующих начал:

- воспитание в человеке сознательно-волевого начала;
- перевоспитание импульсивного человека, который действует рефлекторно, отвечая шаблонно определенными манифестациями, который кричит от боли, отвечает ударом на удар, улыбкой на лезь;
- появление человека, способного к творчеству. Возбуждающим средством для сознательного человека служит любовь во всех формах ее проявления: от любви семейной, родовой, национальной, патриотической до всеобщей любви ко всему живому и мирозданию в целом.

Психоанализ, экзистенциализм и персонализм о личности. Современная мировая философия фиксирует существенные трансформации в статусе и приоритетах личности. Если понятие «индивид» выступает предпосылкой для понятия «личность», а индивидуальное бытие основанием для бытия личности, то использование понятия «индивид» в отличие от понятия «личность»

подчеркивает, что на передний план выдвигаются витально-инстинктивные факторы жизнедеятельности. К числу последних относят: голод, половое влечение, инстинкт власти. Индивид предстает как репрезентант массы. Его похожесть на всех остальных есть его атрибутивное качество. Причем деперсонализация может быть столь сильной, что имя собственное без ущерба заменяется порядковым номером или указательным местоимением: тот, этот, другой. В индустриальном мире социально-ролевые функции весьма жестко диктуют условия допустимого в индивидуальном поведении, загоняя в бездну бессознательного глубоко личные и интимные предпочтения. Система весьма явно демонстрирует степень неприятия каких бы то ни было отклонений от допустимого образца. В ситуациях рыночной конкуренции человек, без остатка ушедший в систему «производство—обмен—потребление», сам превращается в товар — совокупность внешних качеств, который можно выгодно реализовать. А чтобы цена была выше, необходимо следовать стандарту, что означает, по мнению известного западного исследователя Э.Фромма, «иметь красивую упаковку»: быть жизнерадостным, здоровым, честолюбивым и агрессивным. Этому стандарту должен соответствовать любой, вращающийся в системе индивид.

В социологической классификации Э.Фромма такие типы характера, как воспринимающий, эксплуатирующий, накопительный, рыночный и продуктивный, скрепляются цементирующим раствором социального характера. Последний составляет ядро структуры характера, свойственное большинству представителей данной культуры, в противовес индивидуальному характеру, благодаря которому люди, принадлежащие к одной и той же культуре, отличаются друг от друга. Функция социального характера, по Фромму, заключается в том, чтобы использовать человеческую энергию во имя продолжения функционирования данного общества, чтобы при выборе способа поведения индивидам не приходилось принимать решения, чтобы они действовали так, как должны действовать согласно стандарту, и находили в этом удовлетворение. Социальный характер XX в., по мнению Э.Фромма, имеет весьма типическую черту — он стремится «использовать» все и вся.

Однако это не единственная «болезнь» нашего современника. Последователь З.Фрейда врач-психоаналитик К.Юнг отмечал, что современный человек претерпевает чуть ли не фатальный шок, результатом которого является глубочайшая депрессия, потеря веры в себя и собственную значимость. В психоаналитической практике Юнг намеренно прибегал к развязыванию «активного воображения», использованию творческого потенциала личности как средства гармонизации противоречий внутреннего мира. Погружая пациента в ирреальные ситуации, обостряющие «тенивые» стороны мироздания, Юнг получал в качестве результата этого изощренного метода прямо противоположный эффект — восстановление жизненного тонуса. Современный человек должен быть здоровым и умелым, — считает К.Юнг. Тот, кто объявляет себя современным человеком, не будучи умелым, является просто обманщиком. Таким образом, именно психоанализ в лице своего знаменитого представителя К.Юнга приходит к древнейшему представлению о человеке как *homo habilis* — человеке умелом.

Экзистенциализм достаточно категорично заявляет о неприменимости научных методов к познанию человеческой личности. Она ускользает от научной объективности. Человек, всегда помещенный в ситуацию выбора, многократно меняется на пути к «самому себе». Отрекаясь от традиционной науки, предтеча экзистенциализма С.Кьёркегор предлагает весьма интересное учение о трех стадиях восходящего движения к подлинной экзистенции (подлинному существованию).

- На первой стадии — эстетической, связанной с детерминации ей внешним бытием, главной является ориентация на наслаждения.
- На второй, этической, господствует долг и предписания макрельного закона.
- На третьей, религиозной, принципом существования оказывается сознательно принятое страдание, здесь человек приобщается к Богу. Это самоуглубление позволяет постигнуть новое «трансцендентное» измерение бытия.

С.Кьёркегор, не порывая с христианским учением о человеке, рассматривает духовное содержание личности как творимое самим человеком. Атеистический экзистенциализм переживает значительную эволюцию, он отказывается от признания абсурдности человеческого существования и переходит на платформу гуманистических ценностей. Переживание «пустоты и бессмысленности» (Ф.Кафка) должно смениться поиском способов собственной самореализации, проявления активности личности.

Основателем христианского экзистенциализма считается католик Г.Марсель, к числу сторонников этой ориентации относят также Н.Бердяева, К.Ясперса, П.Тиллиха. Становление личности предполагает лишь единственный путь — путь приобщения к Богу, корреляцию вечных экзистенциальных «вопросов» человека и «ответов», содержащихся в христианском откровении. Поэтому все социальные обстоятельства существования человека являются внешними и второстепенными. Подлинным считается только мир чувств и переживаний. Критерием приобщения к Богу является чувство любви. Оно сопровождается состоянием уравновешенности и сосредоточенности. Для Г.Марселя Бог есть «абсолютное Ты» — интимный и надежный друг. Чувство любви свидетельствует о наличии абсолюта и ощущается как прорыв, акт трансцендирования другому.

Примечательно, что библейская антропология имеет не рациональный («головной»), а экзистенциальный («сердечный») характер (слово «сердце» упоминается в Ветхом Завете 851 раз). Власть Бога над человеком осуществляется, как словесно выраженный в заповеди «приказ от одной воли к другой», и поэтому человек может послушаться Бога. Человек удостоен образа и подобия божия, но в отличие от природных существ, которые не могут утратить своего богоподобного образа и греха не ведают, человеку дано самому разрушить свое богоподобие. Его путь, начатый грехопадением, разворачивается как череда драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно.

Именно в христианской традиции выкристаллизовался термин «сверхчеловек». Источником

богопознания мыслится самопознание. Однако в посланиях Павла фиксируется мучительное раздвоение человеческого Я. Человек испытывает влияния как в направлении развития своих сверхчеловеческих возможностей, так и со стороны бесовских внушений, расщепляющих волю.

Персонализм, объявляющий личность основным смыслом общецивилизационного развития, предлагает весьма нетривиальные подходы к ее изучению. Личность с необходимостью обнаруживает себя во вне — это ее экстериоризация. Вместе с тем она, питаясь глубинными внутренними регулятивами и установками, обращена во внутрь — это ее интериоризация. Заметим, что впервые экстравертированный (с преобладающей направленностью на внешний мир) и интровертированный (с преобладающей направленностью на внутренний мир) типы были введены швейцарским психиатром К.Юнгом в работе «Психологические типы» (1921), посвященной разработке типологии характеров. Поэтому, когда говорят: «Он — экстраверт», подразумевают открытость человека миру, а «Он — интроверт» — имеют в виду глубоко погруженного в себя человека. При характеристике личности иногда используется понятие «трансценденция», показывающее, что личность стремится к высшим ценностям: истине, добру и красоте, проходя ограниченные пределы своего реального эмпирического существования.

Философы-персоналисты подкупают свежим и нетрадиционным анализом ипостасей и измерений личности. Так, концепция личностной коммуникации рассматривается как состояние, когда каждый индивид «имеет цель в себе» и в то же время «во всех», а «встреча Ты и Я в Мы» создает особый персональный опыт — коммуникацию душ. Обществу как совокупности исторически сложившихся форм совместной деятельности людей противопоставляется личностное сообщество, где происходит объединение людей «по ту сторону слов и систем».

Острым и проблемным для современной обществоведческой мысли оказывается аспект, когда ориентации глубинного психологического ядра личности имеют знак «минус», т.е. когда речь идет не о подлинно гуманных человеческих ценностях, а об их антиподах, где господствующей оказывается ориентация на зло, вопреки непреклонному стремлению к свету и добру.

Личность ученого. Разбирая философские аспекты теории личности, не бесполезно затронуть актуальные проблемы ее бытия. Как же выглядит сегодня выдающаяся личность нашего современника или ученого? — вопрос, один из вариантов ответа на который можно найти в заметках американского философа П.Фейерабенда. Последний создает портрет ученого, обращаясь к образу друга и коллеги И.Лакатоса. Портрет выписан жестко, но основная задача методолога — быть реалистом. Фейерабенд настолько антагонистичен академической школе, что громко провозглашает тезис: настоящая личность добивается успеха именно потому, что порывает с боязливым конформизмом. Ученый может проявлять необыкновенно точное понимание психики оппонентов, однако может питать сильнейшее отвращение к эмоциональным, духовным и социальным путам. Как и всякая яркая, критически настроенная личность, он принимается в штыки и вызывает неизбежную враждебность.

Личность современного ученого амбивалентна. Он, по мнению П.Фейерабенда, способен без угрызания совести защитить наиболее вызывающие утверждения, при этом используя разум, эмоции, насмешку, «позицию серьезной заинтересованности» и любые средства, изобретенные людьми. Он не питает ни вечной любви, ни вечной ненависти ни к одному из учреждений и ни к одной из идеологий. Его цели могут быть устойчивы или изменяться под влиянием рассуждений, скуки, опыта или желания произвести впечатление. Он может пытаться достичь цели либо в одиночку, либо с помощью организованной группы. Он открыто и постоянно выступает против универсальных стандартов, универсальных идей, способен превзойти любого Нобелевского лауреата в энергичной защите научной честности. И у него нет возражений против того, чтобы картину мира, нарисованную наукой и открываемую органами чувств, считать просто химерой, которая либо скрывает более глубокую и, быть может, духовную реальность, либо представляет собой призрачную ткань грез, за которой ничего нет. Он питает большой интерес к процедурам, феноменам и переживаниям, о которых рассказал К.Кастанеда, указавший на то, что чувственные восприятия можно упорядочить в высшей степени необычным образом.

Для личности очень важно «качество осознания», происходящего в действительности. Каждый человек одарен возможностью осознания своей жизни при рождении и лишается ее после смерти. Но качество осознания зависит от пройденного пути, и свобода каждого человека состоит в достижении осознанности своего бытия. В известном смысле человек как личность — это всегда «воин» на поле неопределенности, безрассудства и лжи. Ученый сражается и с варварским невежеством, и с собственным самомнением. По самому существу своему ученый — это человек, наделенный огромной силой воли, понимаемой как непрерывный поток энергии, управляемый с помощью намерения. В своей научной деятельности ученый испытывает огромные интеллектуальные нагрузки, а его мысль способна к невероятному напряжению. Настоящий ученый горит стремлением сделать знания полезными для процветания человечества и весьма далек от попыток манипулировать и управлять людьми, приобретать над ними власть.

Эмпирически с личностью связывают образ такого человека, который превосходит по своему интеллекту средний тип, кто в принципе отвращен от лжи, не впадая в отчаяние, терпеливо идет по пути поиска и обнаружения истины. Для личности равно реальна и «проблема разума, рационального выбора», и «проблема сердца». Личность способна испытывать увлечение своим делом, должна иметь призвание к деятельности, заниматься ею со страстью, ее долг в беспрестанном преодолении себя и инерции собственного мышления. «Страсть является предварительным условием самого главного — вдохновения». Можно смело согласиться с М.Вебером, специально подчеркивающим, что «одним холодным расчетом ничего не достигнешь».

Очень часто обращается внимание на то, что хоть подлинные ученые и представляют собой личности энергичные, большинство из них испытывают большие сложности в повседневном бытии, они, как говорится, «не от мира сего». В быту они не всегда рациональны, нуждаются в уходе и

опеке, ибо мысль их устремлена в научные дали — горизонтали.

Вследствие весьма свойственных нашему обществу уравнительных тенденций отношение к личности, к представителям интеллектуальной элиты со стороны широких слоев населения во многом негативное или, мягче сказать, осторожное. Вместе с тем личность и личности — это поистине цвет общества, включающий в себя создателей духовных ценностей, выдающихся теоретиков, инженеров, медиков, признанных профессиональным сообществом.

К суперинтеллектуальной элите относят лауреатов Нобелевской премии. Это небольшая кагорта ученых, внесших наибольший личностный вклад в объем научно-исследовательского развития всех сфер человеческой деятельности, некоторое «избранное» меньшинство, превосходство которого очевидно. Поэтому подлинной элитой может быть только интеллектуальная элита, а не та часть населения, которая присвоила себе максимальное количество материальных благ. К последней, согласно правилам русского языка, следует относить не эпитет «элитная», а прилагательное «элитарная», означающее возвышение на основании высокого ценза материального благосостояния и присвоения элитных продуктов — результатов труда, произведенных высшими интеллектуальными силами. Строго говоря, интеллектуальная элита может и не быть элитарной. Это противоречие является следствием рыночной экономики, особенно первоначальных ступеней ее развития, когда высокопрофессиональный труд интеллектуальной элиты едва может обеспечить ее существование.

Интеллектуальную элиту характеризует критическое, независимое мышление. Эмпирическим индикатором служит раннее развитие и выдающиеся способности. Необходим также благоприятный общекультурный фон и благоприятные условия общественной жизни индивидов. Характеризуя типологию интеллектуальной элиты, науковеды обращаются к терминам «прометен» и «синтетики». Суть этих наименований интуитивно ясна. Прометеи — это творцы новых понятий, теорий, новых путей мышления. Синтетики тяготеют к открытиям обобщающего характера. Самым показательным индикатором принадлежности к интеллектуальной элите, помимо индекса цитирования, научных званий и премий, является стихийное присуждение имени автора сделанному им открытию или созданному им учению. Для всех представителей интеллектуальной элиты характерна высокая продуктивность во все периоды их деятельности. Часто наблюдается «два всплеска» активности: первый приходится на возраст 32—36 лет, второй на 42—46 лет.

Существует представление, что разница между гениальным и обычным человеком состоит в том, что гениальный человек обладает большой способностью устойчиво фокусироваться на своем действительном предназначении, в то время как обычный постоянно упускает из виду цель, меняя ее всякий раз. Глубокое осознание цели — очень сильный рычаг, способный изменить жизнь, опровергнуть укоренившиеся привычки и черты характера. Можно вести речь о полной трансформации сознания, сконцентрированного на достижении определенной цели.

Таким образом, интеллектуальная элита — это не наследственный, а функциональный тип. Он связан с возложенной на него функцией обеспечения духовного и интеллектуального развития

общества. Именно одаренные выходцы достигают верхнего яруса, вливаясь в состав избранных — интеллектуальной элиты. Впрочем, на деле члены элитной группы далеко не всегда озабочены тем, чтобы в нее были приняты лучшие претенденты. В действие вступают иные мотивы: подбор претендентов не по профессиональным достоинствам, а в соответствии с личной симпатией; желание видеть в группе своих (а не «чужих») сотрудников, учеников, преемников; стремление не допустить в нее конкурентов и вообще тех, кто может захватить лидерство и оттеснить ее старых членов на вторые роли; включение в свой состав «сильных мира сего» не за их научные заслуги, а из соображений совсем иного порядка.

Следует учесть и то, что элитарные качества с возрастом слабеют, и многие стареющие представители элиты, не желая выглядеть тускло на ярком фоне талантливой молодежи, руководствуются при их приеме правилом: «Пусть чуть хуже меня, но лишь бы не намного лучше». Вследствие таких обстоятельств может возникнуть противоречие между элитной группой и действительной интеллектуальной элитой — т.е. невключенными в элитную группу интеллектуалами. Элитная группа деградирует, а подлинная интеллектуальная элита оказывается не выявленной и не институционализированной.

Существуют методики, которые указывают на ряд необходимых атрибутов и признаков при решении вопроса об отнесении того или иного представителя интеллигенции к интеллектуальной элите. В качестве таковых предлагаются следующие показатели:

- факт избрания конкретного ученого действительным членом, членом-корреспондентом, почетным членом академий, научных учреждений и обществ;
- факт присуждения премий и медалей за научную деятельность;
- факт включения биографических справок о них в специальные биографические справочники и энциклопедии;
- участие ученых в работе редакционных коллегий, изданий с высоким научным цензом;
- высокий индекс цитирования публикаций ученого членами мирового научного сообщества.

В науке действует так называемый «эффект Матфея», при котором уже признанные ученые получают новые поощрения (премии, награды, цитирование) значительно легче своих, пока еще не признанных, коллег.

Психология интеллектуальной элиты указывает на два уровня мотивации творческого роста. Первый представлен личностным!, интересами и амбициозными стимулами, среди которых может быть; потребность самоутверждения, личная неудовлетворенность, стремление к лидерству. Второй уровень обусловлен общественно-значимой мотивацией, здесь свою роль играют приоритеты отдельных сфер деятельности, интересы общества в целом или отдельных его структур. В нем используются различные возможности, позволяющие подчеркнуть значение творческой личности, популяризация творчества, материальные стимулы: фанты, индивидуальные стипендии, премии и пр.

В принципе любое общество заинтересовано в наращивании своего интеллектуального потенциала. Вместе с тем наблюдающаяся сегодня структурная эмиграция интеллектуальной элиты, отъезд ученых за рубеж, переход вследствие необеспеченности научной сферы в другие сферы деятельности говорит об ослаблении потенциала и потребностей общества.

Бесспорным выводом, имеющим огромную традицию, является признание того, что человечество получает пользу лишь от личностей, занимающихся своим делом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
2. Аристотель. Соч. В 4-х т. М., 1984.
3. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
4. О.Г.М. Курс энциклопедии оккультизма. Киев, 1994 (репринтное).
5. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
6. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
7. Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
8. Фейерабенд П. Избранные произведения по методологии науки. М., 1986.
9. Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы: Социологическое исследование//Знамя. 1992, № 10.
10. Гудков Л. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. С-Пб., 1993.

Тема 11. ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Об исходной сложности понятия «свобода». Несвобода централизации. — Свобода и ответственность как социально-психологические категории. Общественный и индивидуальный уровни ответственности.

Об исходной сложности понятия «свобода». Категория «свобода» многогранна. О свободе говорят в ее соотношении с произволом, с необходимостью, выбором, волей, отчуждением и ответственностью. В общем смысле свобода обеспечивает примат частного (личной инициативы, индивидуального интереса) над общим. Это предполагает индивидуальную свободу и всеобщее равенство (свободу всех), свободу воли и свободу принятия решений, свободу мысли и свободу слова. С содержанием понятия «свобода» в противоречивом взаимодействии находятся представления о правах и социальных обязанностях индивида, идеи ответственности и справедливости. В нем содержится негативное («свобода от») и позитивное («свобода для») понимание свободы.

Ключевым понятием теории общественного прогресса является категория «свобода». Открытым для цивилизационных преобразований считается то общество, в котором осуществляется либерально-демократическое правление, предполагающее наличие в обществе определенных свобод. Демократия (от греч. *demos* — народ, *kra-tos* — власть) предполагает возможность выбора высших государственных органов путем всенародного голосования и должна способствовать сохранению свободы. Но она не может создать условий для осуществления свобод там, где граждане в ней не нуждаются.

Хорошо известны гегелевские рассуждения на тему свободы, в которых отмечалось, что в былые времена свободами назывались допустимые законом нормы, т.е. положения, определяемые законом. Тем самым Гегель показывал, что свобода — это то же самое, что закон, определенные законом права. Перефразируя кантовский категорический императив, согласно которому свобода каждого человека ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной степени свободы для всех, Гегель приходит к удивительному выводу, что именно под конституцией — основным сводом законов следует понимать определение прав или свобод вообще.

Понимание свободы как осознанной необходимости, с одной стороны, и как ничем не ограниченного произвола, «вольного хотения», с другой, еще более обостряет данную проблему. Бертран Рассел, например, напрямую истолковывает свободу как отсутствие препятствий для исполнения наших желаний. В связи с этим любопытным оказывается парадокс свободы, состоящий в том, что свобода отрицает самое себя, если она ничем не ограничена. Неограниченная свобода лишается своего всеобщего содержания, превращаясь в несвободу другого индивида. Неограниченная экономическая или физическая свобода может быть разрушительной.

Широко обсуждается марксистское понимание свободы, согласно которому «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Оно как бы освобождает людей, стремящихся к подлинной свободе, от пут материального производства. Однако такая постановка проблемы ведет не к экономической, а сугубо идеалистической («по ту сторону материального производства») интерпретации этой категории. Современный западный философ и экономист Ф.Хайек привлекает внимание современников размышлениями на темы «дорога в рабство», «пагубная самодеятельность» и весьма прозорливо отмечает, что понятие «свобода» включает в себя свободу отличаться от других — иметь свои собственные цели в пределах своего собственного домена (domain).

Интересна интерпретация свободы как функции человеческой способности менять свое положение, предложенная известным меценатом и финансистом Дж.Соросом. По его мнению, в ситуации равновеликих альтернатив или равноценных вариантов выбора свобода максимальна. В этом случае свобода становится фактической.

Принцип индивидуальной свободы, истолкованный онтологически, т.е. когда свободой могут обладать не только индивиды — граждане, но и социальные институты, позволяет говорить о самостоятельности развития всех сфер институциональное™: науки, религии, права, морали и, в частности, об их независимости от необходимости стоять на страже интересов государства, его официальной идеологии. Либерализм по сути своей гарантирует гражданам возможность критики, участие в процессе принятия решений. Он включает в себе также и требование минимизации страданий, что коррелируется с задачей обеспечения большего счастья и благосостояния для наибольшего количества людей.

Несвобода централизации. Свободу и индивидуальную собственность, по мнению Ф.Хайека, следует относить к основным ценностям западного прогрессивного общества расширенного порядка. К ценностям такого общества причисляют также право, справедливость, корпоративную (совместную) деятельность. Примечательно, что для автора эпохального труда «Открытое общество и его враги» К.Поппера к основным ценностям открытого общества причисляется обеспеченный равенством в правах и свободах индивидуализм и разум. В условиях тоталитарных режимов полноценное проявление индивидуальных и общественных свобод невозможно. Абсолютизация жестконормативных, рассудочно регулируемых способов организации жизнедеятельности индивида и общества, идея «централизованного контроля» принципиально противоположны идеалам свободы. По этому поводу Ф.Хайек замечает: «Парадокс нашего расширенного порядка и рынка (он же камень преткновения для социалистов и конструктивистов) состоит в том, что в ходе этого процесса нам удастся полнее использовать открытые нами ресурсы (и фактически именно благодаря ему быстрее открывать новые), чем было бы возможно при единолично управляемом процессе». В приложении к своей работе «Пагубная самонадеянность» Хайек поясняет, что правомерно было бы обозначить

словом «естественное» все, что вырастает спонтанно, а не создается в соответствии с чьим-либо сознательным замыслом. В этом смысле все свободно, спонтанно сложившееся — естественно.

Экономистам вполне ясно, что координировать усилия в области экономики эффективнее не из центра и не при условии централизации. Претензия централизованного планирования на обладание рациональным знанием о необъятном множестве фактов, обстоятельств и событий, не имеет под собой рациональных оснований. Вскрывая суть централизации, можно вспомнить выводы М.Крозые, подчеркивающего, что подлинный смысл централизации заключается в воздвижении непроницаемого экрана между теми, кто имеет право принимать решения, и теми, интересы которых они затрагивают. Самый элементарный анализ централизации показывает, что она, помимо прочего, имеет и тот недостаток, что удлиняет цепь управленческого процесса. Ибо для того, чтобы один субъект хозяйственного процесса договорился с другим, ему требуется получить разрешение центра, который, в свою очередь, оброс лесами бюрократических инстанций. Связь двух смежных производителей превращается в долгую последовательность, как правило, нерациональных шагов, растягивая временные рамки процесса принятия решений, нивелируя инициативу, поражая ее коррозией бюрократии. Видимо, поэтому стремление к централизованному планированию и тотальному регулированию всех сторон жизнедеятельности может быть названо «дорогой в рабство».

Вызов либеральным ценностям бросают установки типа «все должно находиться под контролем». Духовная жизнь, деятельность в сфере искусства, творчество, область личных отношений, общение не могут быть подконтрольны. Рациональный контроль, возведенный в принцип организации жизнедеятельности, связан с многочисленными ограничениями. Первое — это жесткая необходимость достижения именно поставленной цели. Второе — требование возникновения только желательных последствий, притом наблюдаемых непосредственно. Третье — благотворность последствий как таковых. Четвертое — возможность знать или предвидеть заранее. Однако реальная жизнь с такой жесткой нормативностью не согласуется. На самом деле к числу обстоятельств, от которых зависят действия людей для достижения своих целей, относятся неизвестные им решения множества других неизвестных людей по поводу средств, используемых ими для достижения их собственных целей. Анонимный механизм рыночного регулирования и обеспечиваемый конкуренцией самоуправляющийся процесс, по мнению Ф. Хайека, могут состязаться с самым рационально настроенным разумом. Рыночная координация индивидуальной деятельности, подобно другим моральным традициям и институтам, сложилась в результате естественных, спонтанных и самоупорядочивающихся процессов приспособления к большому количеству конкретных фактов, чем могло бы воспринять и тем более постичь любое отдельное сознание (mind). Ассоциация, корпорация, сотрудничество, свободная инициатива не обладают никакой принудительной властью. Субъекты производственного процесса действуют не под прессом предписаний, приказов и постановлений, а благодаря внутренней мотивации, имманентной логике такого типа порядка, который конкурентен и принципиально открыт для поиска и осуществления

Свобода и ответственность как социально-психологические категории. Представления об ответственности связаны с тем, что, подчиняясь определенным правилам поведения, мы «вписываемся в гигантскую систему традиций», существующих априорно, т.е. до опыта каждого нового поколения и индивидуума. Социальные институты права и морали мыслятся как результат культурной эволюции. В данном случае механизмом, посредством которого может быть введена система ценностей, оказывается механизм табу, запрета. Преимущества запретного механизма просматриваются не в его указании на то, что и как надо делать, а в том, что он вводит некоторый ряд ограничений. Запреты означают нижние пределы, границы общепринятого. Действуя же в рамках обозначенных границ, каждый индивид вправе по своему разумению находить более рациональные формы поведения, определять более эффективные технологии, осуществлять свою свободу.

Устав от тотальной нормативности и запретов, любой мыслящий индивид стремится в прямо противоположную сторону — к спонтанному волеизъявлению, к свободе. Но его ожидают новые препятствия. Теперь уже свободе угрожают императивы природного инстинкта. Вступление в царство инстинкта, а следовательно, вседозволенности влечет за собой пренебрежение всякими ограничениями и в итоге приведет к опровержению человеческой культуры как таковой. Поэтому свобода и ответственность выступают регулятивами не только личной, но и социальной жизнедеятельности индивидов. Персонально-инструментальные ценности включают в себя: Жизнь, Здоровье, Силу, Красоту, Ум, а также субъективно-целевые ориентации, связанные с эффективной, энергичной деятельностью; общечеловеческие идеалы.

Разнообразная система ценностей задает возможные горизонты самореализации личности, обуславливает ее легальные инициативы. Развитое цивилизованное общество расширяет возможности личности, отсталое — их ограничивает. Развитое общество заботится об условиях и гарантиях достойного существования человека отсталое их игнорирует.

«Цветущая сложность» культурного мира помимо либерализма украсила себя ценностями, включающими конституционализм, парламентаризм, выборное начало, вольный труд, социальную мобильность, собственность. Они выступают в качестве неких неизменных параметров и констант при различных цивилизационных изменениях. Можно сказать, что в этом своем качестве они универсальны, так как представляют свободы развитого общества, независимо от того, на какой территории и в какой части света оно расположено.

Представления об ответственности внешним образом связывают с такими феноменами, как репрессивность и наказуемость, как бы завуалировано они порой ни проявлялись и какой бы интеллигентский вид ни приобретали. На самом деле ответственность отождествлена с необходимостью каждого мыслящего и действующего индивида «держат ответ» за содеянное. Критика прошлых ошибочных шагов и решений, личный опыт, историческая память являются

неотъемлемым компонентом развитого чувства ответственности.

Исторически основой формирования чувства ответственности стало выделение себя из окружающей среды, из круговорота событий, определенный образ жизни, связанный с необходимостью выживания, требовал от человека самоконтроля над поступками и действиями. Если мы говорим о свободе, то, выражаясь гегелевским языком, мы представляем «материалу» свободно существовать вне Я. Ответственность же предполагает знание, которое не имеет свободного существования вне Я. Оно предельно концентрировано внутри и вокруг нашего Я. Человек оказывается существом, которое постоянно ищет себя, в каждый момент вопрошает, испытывает и перепроверяет условия своего существования.

И лишь благодаря этой возможности давать ответ самому себе и другим человек становится «ответственным» существом.

Мерой и исходным пунктом ответственного отношения к себе выступают другие люди. «Лишь относясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться и к самому себе, как к человеку», — гласит известное изречение. Самоотражение приобретает развитую форму ответственности сквозь призму другого сознания. Подобный подход к пониманию возникновения механизма ответственности имплицитно содержится в высказывании Спинозы: «Слова Павла о Петре говорят нам больше о Павле, чем о Петре». Это означает, что слова, обращенные к описанию какого-либо явления, называют это явление, но одновременно раскрывают и внутренний мир говорящего субъекта — носителя своего отношения. И если внешними атрибутами ответственности могут быть высказывания вслух тех или иных оценочных формул, постулирование тех или иных необходимых установок, то критериями ответственности являются дела и поступки. Именно они позволяют судить о бытии сознания, о степени ответственности, а следовательно, зрелости и развитости субъекта.

Нередко можно встретить точку зрения, согласно которой об ответственности за поступки следует говорить только при наличии чувства вины. Здесь ответственность истолковывается с оттенком юридического требования наказания, нести ответственность за содеянное означает искупать свой проступок. Однако ответственность следует понимать более широко, как тот фильтр предпочтений и установок, который находится у истоков сознательного действия. И независимо от того, совершил данный человек проступок или нет, чувство ответственности всегда ориентирует сознание на соотношение мира реального и мира должного.

Общественный и индивидуальный уровни ответственности. Общественное сознание, будучи отражением общественного бытия, развивается по законам, независимым от сознания отдельных людей, но тем не менее обнаруживает себя в деятельности каждого субъекта. Общественное сознание воплощается в форме языка, науки, философии, искусства, религии, политики, идеологии и пр., предписывает каждому индивиду необходимые нормы и правила поведения, снабжает его шкалой общезначимых ценностей, идеалов и смыслов. Однако, подобно

тому как общество не есть сумма составляющих его индивидов, общественное сознание не есть сумма сознаний отдельных личностей. Поэтому каждый индивид трансформирует общественно данную систему ценностей в специфическую и индивидуальную, только одному ему органично присущую систему ориентиров и регламентации.

Личное и общественное сознание находятся в тесном и противоречивом взаимодействии. Исторически выработанные и институционализированные нормы мировосприятия, выступая базисом ответственного отношения ко всему происходящему, переплавляются в личностные убеждения. С другой стороны, именно личностные убеждения и представления благодаря колоссальной творческой активности их создателей и носителей приобретают значение социальной силы и нормы, входят в состав общественного сознания. И если, говоря о глобальных проблемах современности, ученые призывают к общественной ответственности, ответственности всего мирового сообщества за судьбу цивилизации и сохранение самого биологического вида *homo sapiens*, то межличностные отношения и повседневный срез бытия заставляют индивида постоянно решать задачи собственного ответственного выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М., 1992.
2. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
3. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. М., 1991.
4. Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
5. Федотов Г.П. Россия и свобода /Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб., 1990. Т. 2.
6. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности// Вопросы философии. 1994, № 10.

Тема 12. ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ

Компьютерная революция и ее последствия. — Техногенные и традиционные цивилизации. — Сциентизм и антисциентизм. — О специфике технических наук. — Информатика и энергоинформационные процессы. — Отражение и информация. — Торсионные поля. — Разновидности информационных взаимодействий.

Компьютерная революция и ее последствия. Последняя четверть XX в. была ознаменована тем, что человечество вступило в новую стадию информационного развития. Становление общества информационных услуг и новых технологий, наступление информационной экономики, массовая персональная компьютеризация — явления, не имевшие места в истории человечества. Примечательно, что в конце 60-х годов Д.Белл — один из создателей концепции постиндустриального общества — уже предсказывал превращение индустриального общества в информационное. Информационное общество характеризуется тем отличительным признаком, что его развитие и сам научно-технический прогресс могут осуществляться только на основе информационных технологий. Комплекс информационных технологий, который позволяет создавать, хранить и использовать информацию для принятия решений, имеющих далеко идущие социальные последствия, называют своеобразной «революцией контроля».

Эпоха информационного общества открывается появлением в 1947 г. принципиально новых средств информационных носителей — компьютеров. Экспертные технологические системы, появившиеся в 1976 г., закрепили роль информации как главного звена в цепи социальных преобразований. Они стали оказывать огромное влияние на весь комплекс проблем социально-экономического развития, на цивилизационные и когнитивные (познавательные) процессы в целом.

Раскрывая понятие «технология» (от греч. *techne* — мастерство, искусство), следует отметить, что оно не связано напрямую с применением техники: технологии могут быть избирательные, воспитательные, педагогические, политические. Технология понимается как система мер, некая операционально взаимосвязанная система, направленная на различные общественные модификации. Технологии применяются для осознанного и целенаправленного влияния на те или иные социальные структуры и подсистемы, используются для достижения положительного эффекта в решении поставленных задач. Одновременно с фиксацией факта воздействия технологий на общество можно фиксировать и обратный процесс избирательного отношения общества к многообразным технологиям. Общество может порождать те или иные технологии, использовать, запрещать, стимулировать или разрушать их.

Раскрывая понятие компьютерной революции, следует отметить, что в ее основе лежит привязанность и зависимость от наукоемких технологий. Компьютерная революция, которая

позволила перейти к информационному контролю за производством и значительно изменить коммуникационные процессы, предстала как следствие могущества человеческого разума. С другой стороны, компьютерная революция обеспечила основание для дальнейшего раскрытия его возможностей. Если к наиболее фундаментальным ценностям человеческого существования отнести реализацию собственных возможностей (т.е. самореализацию), то информационные технологии в многократной степени усиливают мощь и могущество человека, так как ведут к созданию интеллектуальных компьютерных систем с элементами искусственного интеллекта на базе информационных технологий. Большой интенсивности достигла научная деятельность, которая обнаружила тенденции к интеграции, междисциплинарности, к коллективным формам своего проявления и резкому взрыву совместных научных разработок в области гуманитарных и технических наук. Следствием их применения стало прогрессивное развитие техносферы, интеллектуальной и экономической области жизнедеятельности общества.

Однако следует видеть и ряд негативных последствий компьютерной революции. К ним можно отнести изменения в традиционном образе жизни, когда книга, письмо и сама письменность оттесняются иными способами получения информации (при помощи Интернета и компьютерного набора). Новые формы общения, модификации традиций, изменение системы социальных ценностей происходят с такой интенсивностью, что массовое общественное сознание, а также многие теоретики оценивают компьютерную революцию как кризис культуры. В прежних условиях процесс культурной адаптации к инновациям был во многом растянут во времени, так как возможность трансляции, усвоения и распространения огромных объемов информации была технологически не обеспечена. Сейчас темпы и возможности освоения всех сокровищ мировой культуры невероятно возросли, и теперь уже необходимо говорить о допусках возможных возможностей человеческой психики. Это весьма острая валеологическая проблема. Однако очевидно, что культурогенез XXI в. не мыслим без использования персональных компьютеров, современных информационных технологий, телевидения и Интернета, при помощи которых реализуется возможность выбора информации. Все эти факторы оказывают разнонаправленное и далеко не всегда положительное воздействие на мировосприятие человека.

В социотехнических основаниях информационно-технической эпохи обнаруживаются тенденции двоякого рода. С одной стороны, это тенденция, направленная к массивификации культуры, с другой — к демассивификации, когда часть населения, не охваченная компьютерными технологиями, будет лишена возможности приобщения к культурным ценностям нового типа. Первая обеспечивает процессы интеграции всех видов знания и интеграцию осваивающих его субъектов по принципу принадлежности к компьютерной культуре. Вторая говорит об индивидуально-поисковом процессе, фильтрах предпочтений в отборе, производстве и распространении информации. Возникает возможность образования социальных общностей и коллективов нового типа, состоящих из независимых интеллектуальных единиц, взаимодействующих друг с другом на основе личных

приоритетов в единой сети Интернета.

Вместе с тем, так же как и сущность техники, сущность всеобщей информатизации двусмысленна. В ней очень много «за», но много и «против». Информационные технологии постоянно втягивают в гонку поставяющего производства. Они значительно ускоряют время социального бытия, загоня психику человека в тупик все новых и новых проблем. Однако в целом техногенные цивилизации одерживают бесспорную победу над традиционными.

Техногенные и традиционные цивилизации. Возникновение техногенных цивилизаций датируется приблизительно XV—XVII вв., что связано с появлением в европейском регионе техногенных обществ. Некоторые традиционные общества были поглощены техногенными, другие приобрели гибридные черты, балансируя между техногенными и традиционными ориентациями.

При характеристике традиционных типов общества очевиден тот факт, что они, обладая замедленным темпом развития, придерживаются устойчивых стереотипов своего функционирования. Приоритет отдается канонизированным и регламентирующим формам мышления и взаимодействия, нормам, традициям, устоявшимся образцам поведения. Консерватизм способов деятельности, медленные темпы их эволюции отличают традиционную цивилизацию от техногенной, которую иногда отождествляют с западной. Темп развития последней достигает значительных скоростей. Перестройка и переосмысление принятых основоположений, использование новых возможностей создают внутренние резервы роста и развития техногенных цивилизаций. В техногенных обществах основной ценностью является не канон и норма, а инновация и новизна. Авторы монографии «Философия науки и техники» В.Степин, В.Горохов и М.Розов приводят любопытное сравнение. В известном смысле символом техногенного общества может считаться книга рекордов Гиннеса, в отличие от семи чудес света. Последние подчеркивают завершенность мира, то, что все грандиозное и действительно необычное уже состоялось.

Культурная матрица техногенного развития проходит три стадии: преиндустриальную, индустриальную, постиндустриальную. Важнейшей ее характеристикой, вытекающей уже из самого названия, является развитие техники и технологии. Техногенный тип развития - это ускоренное изменение природной среды, соединенное с активной трансформацией социальных связей людей. Считается, что техногенная цивилизация живет чуть более 300 лет. Она весьма агрессивна и приводит к гибели многих традиционных культурных ценностей. Внешний мир становится ареной деятельности человека. Диалог с природой по принципу «у вей» — невмешательства, свойственный восточным традиционным цивилизациям, нарушается. Человек выступает центром, излучающим токи активного, преобразующе-покоряющего импульса. Отсюда и характеристика общекультурных отношений с использованием понятия «сила»: «производительные силы», «силы знания», «интеллектуальные силы».

В традиционном и техногенном обществах различны отношения и к проблеме автономии личности. Традиционному обществу автономия личности вообще не свойственна, реализовать

личность можно лишь принадлежать к какой-либо корпорации, в качестве элемента корпоративных связей. В техногенном обществе отстаивается автономия личности, позволяющая погружаться в самые разные социальные общности и культурные традиции. Человек понимается как активно деятельностное существо. Его деятельность экстенсивна, направлена вовне на преобразование и переделку внешнего мира и природы, которую необходимо подчинить. Однако природа не может быть бездонным резервуаром для различного рода техногенных упражнений. Ведь человеческая деятельность изначально предстала в качестве одного из компонентов биосферы, а не ее доминанты. Ничем не ограниченная активность, техника и агрессивный интеллект могут стать смертоносной угрозой выживанию человечества. Вторжение техники во все сферы человеческого бытия: от личных и бытовых до общественных и глобальных порождает своеобразную идеологию и психологию техницизма. Ее отличительной особенностью является то, что сам человек трактуется как определенного рода машина, которая может решать любые проблемы по образцу и подобию алгоритмов технического знания. Однако не следует забывать изначальное соотношение: не человечество должно быть техничным, а техника в мире человеческих отношений — человеческой.

Сциентизм и антисциентизм. Сциентизм (от лат. *scientia* — наука) и антисциентизм как противоположность сциентизму представляют собой две остро конфликтующие ориентации в современном мире. Сциентизм предстает как идеология «чистой и большой науки». К его сторонникам относятся все те, кто приветствует достижения научно-технической революции, модернизацию быта и досуга, верит в безграничные возможности науки, в частности в то, что ей по силам решить все острые проблемы человеческого существования. Наука оказывается высшей ценностью, и сциентисты с воодушевлением и оптимизмом приветствуют все новые и новые свидетельства технического подъема.

Антисциентисты видят сугубо отрицательные последствия научно-технической революции, их пессимистические настроения усиливаются по мере краха всех возлагаемых на науку надежд в деле решения экономических и социально-политических проблем.

Сциентизм и его антитеза — антисциентизм возникли практически одновременно и провозглашают прямо противоположные установки. Определить, кто является сциентистом, а кто антисциентист, нетрудно. Антисциентист испытывает предубежденность против научных инноваций. Сциентист провозглашает научное, рациональное знание как наивысшую культурную ценность. Антисциентист не устает подчеркивать критическое отношение к науке. И если сциентист пытается распространить критерии научности на все виды деятельности, все типы знания, и человеческое общение в том числе, то антисциентист, исходя из негативных последствий научно-технической революции, требует ограничения экспансии науки и возврата традиционных ценностей и способов деятельности. Иногда антисциентисты прибегают к предельной драматизации ситуации, сгущают краски, привлекая тем самым большее число сторонников. Сциентисты же намеренно закрывают глаза на многие острые проблемы, связанные с негативными последствиями

всеобщей технократизации. Однако и в том, и в другом случае сциентизм и антисциентизм выступают как две крайности и представляют сложные процессы современности с явной односторонностью.

Ориентации сциентизма и антисциентизма пронизывают сферу обыденного сознания независимо от того, используется ли соответствующая им терминология и называют ли подобные умонастроения латинским термином или нет. С ними можно встретиться в сфере морального и эстетического сознания, в области права и политики, воспитания и образования. Иногда эти ориентации носят откровенный и открытый характер, иногда выражаются скрыто и подспудно. Действительно, опасность употребления в пищу непригодных Продуктов химического синтеза, острые проблемы в области здравоохранения и экологии заставляют говорить о социальном контроле за применением научных достижений, признавать правоту антисциентистов. Вместе с тем возрастание стандартов жизни и причастность к этому процессу непривилегированных слоев «играет на руку» сциентистам.

Антисциентисты уверены, что вторжение науки во все сферы человеческой жизни делает ее бездуховной, лишенной человеческого лица и романтики. Дух технократизма отрицает жизненный мир, сферу высоких чувств и красивых отношений. Возникает неподлинный мир, который сливается с императивами производства и необходимостью постоянного удовлетворения материальных потребностей. Сциентисты, напротив, видят в науке ядро и доминанту всех сфер человеческой жизни, стремятся к «онаучиванию» всего общества в целом. Только благодаря науке жизнь может стать организованной, управляемой и успешной.

Яркий антисциентист Г.Маркузе резко критиковал сциентизм, что нашло отражение в концепции «одномерного человека». Согласно последней подавление природного, а затем и индивидуального в человеке сводит многообразие всех его проявлений лишь к одному технократическому параметру. Те перегрузки и перенапряжения, которые выпадают на долю современного человека, говорят о ненормальности самого общества, его глубоко болезненном состоянии. Добавим, что ситуация осложняется еще и тем, что узкий специалист (*homo faber*), который крайне перегружен, заорганизован и не принадлежит себе, — это не только представитель технических профессий. В подобном измерении может оказаться и гуманитарий, чья духовная устремленность будет сдавлена тисками нормативности и долженствования.

Сциентисты, отыскивая аргументы в свою пользу, привлекают свое знаменитое прошлое, когда наука Нового времени, вырвавшись из средневековой схоластики, выступала с позиции обоснования культуры и новых, подлинно гуманных ценностей. Они совершенно справедливо подчеркивают, что наука является производительной силой общества, она производит общественные ценности и имеет безграничные познавательные возможности. Именно в научно-теоретической деятельности закладываются «проекты» будущего развития человечества.

Дилемма сциентизм—антисциентизм предстает извечной проблемой культурного и социального выбора. Она отражает противоречивый характер общественного развития, в котором научно-технический прогресс оказывается реальностью, а его негативные последствия отражаются не только болезненными явлениями в культуре, но уравновешиваются высшими достижениями в сфере духовности.

О специфике технических наук. В западной философии науки анализ технических наук выделился в особое направление сравнительно недавно. Еще Ч.Сноу подчеркивал, что технические науки не всегда оценивались по достоинству. У тех, кто работает в области чистой науки, сложилось совершенно превратное мнение об инженерах и техниках, им кажется, что все, связанное с практическим использованием науки, совершенно неинтересно. Они не в состоянии представить себе, что многие инженерные задачи по четкости и строгости не уступают тем, над которыми работают они сами, а решение этих задач часто настолько изящно, что может удовлетворить самого взыскательного ученого.

До XIX в. разрыв между исследованием, проектом и его фактической реализацией составлял период в 150 лет. Несмотря на то, что высшие технические учебные заведения возникли в XVII в. (например, Политехническая школа в Париже, по ее подобию строились многие европейские школы), программы общей технологии, направляющей развитие технических процессов, не было, она оставалась вне поля зрения ученых.

Только к концу XIX в., когда профессиональная инженерная деятельность оформилась по образу и подобию научного сообщества, стало возможным осмысливать спецификацию технических наук. Ученые отмечали противоречие, возникающее между классической естественной наукой и техническими науками. Оно крылось в абстрактности и аналитичности схем и построений, к которым тяготел ученый — представитель классической науки, и фрагментарности и узкоспециализированное™ реальных объектов, с которыми имел дело технолог.

Направление, связанное с изучением технических наук, по большей части было представлено проблемами традиционного плана: исследование сущности техники, специфики технических наук, соотношения техники и естествознания, оценки научно-технического прогресса. Отец философии техники Ф.Рапп весьма критично оценивал результаты исследований в этом направлении. По его мнению, только одна из десяти работ может быть отнесена к исследованию высокого профессионального класса. Большинству работ свойствен постановочный эссеистский характер. Технические науки распадаются на две ветви: дескриптивную, нацеливающую на описание того, что происходит в технике, и нормативную, формулирующую правила, по которым она должна функционировать. Однако глубина методологического анализа основ технических наук была не велика. Для этой сферы, по мнению ученых, вообще характерно запаздывание форм ее осознания. Вместе с тем именно технические науки и инженерная деятельность нуждаются в выверенных и точных ориентирах, учитывающих масштабность и остроту проблемы взаимодействия «мира

естественного» и «мира искусственного».

В технических науках принято различать изобретение — как создание нового и оригинального и усовершенствование — как преобразование существующего. Развитие продуктивных способностей человечества шло в направлении от присвоения готовых природных данностей к их усовершенствованию в целях достижения большего эффекта адаптации. Создание искусственной среды обитания, а точнее, отдельных ее элементов, означало изобретение того, чем природа в готовом виде не располагает, аналогами чего не обладает. И если потребление готовых орудий труда и средств деятельности, а также наиболее адекватное приспособление к окружающей среде можно сравнить с универсальной адаптационной активностью в мире живого с той лишь разницей, что в основании лежит не биологический код, а социально значимая программа, то изобретение претендует на особый статус. Оно опирается на многообразие степеней свободы и может быть осуществлено «по мерке любого вида». Иногда в изобретении также просматривается попытка имитации природы, имитационное моделирование. Так, цилиндрическая оболочка — распространенная форма, используемая для различных целей в технике и быту, есть универсальная структура многочисленных проявлений растительного мира. Совершенной ее моделью является стебель. Именно у живой природы заимствованы решения оболочивания конструкций. Велика роль пневматических сооружений, они помогли человеку впервые преодолеть силу земного притяжения, открыть эру воздухоплавания. Их идея также взята из природы. Ибо одним из совершеннейших образцов пневматических конструкций является биологическая клетка. Некоторые плоды и семена приспособились к распространению в природе при помощи парашютиков, паруса или же крылатого выроста. Нетрудно усмотреть сходство между столь изощренными способами естественного приспособления и более поздними продуктами человеческой цивилизации, эксплуатирующими модель паруса, парашюта, крыла и пр. Технолог обращается к природе для подтверждения правильности своих идей.

У изобретения-имитации больше основания быть вписанным в контекст «мира естественного», в нем ученый решает воспользоваться секретами природной лаборатории, ее решениями и находками. Однако изобретение — это еще и создание нового, не имеющего аналогов. Осмысливая подобный конструктивный изобретательский процесс, исследователи отмечают пять этапов. Первый связан с формированием концептуальной модели, определением целей и ограничений. Второй — с выбором средств и принципов. На третьем — наиболее важным оказывается предпочтение того или иного рационального решения при заданном физическом принципе действия. Характерным здесь становится варьирование элементами и технологическими параметрами до нахождения наиболее целесообразного сочетания. Четвертый этап включает в себя определение оптимальных значений параметров заданного технического решения. Пятый — предполагает проективно-знаковое отображение создаваемых структур с последующей их материализацией.

Однако технические науки столь разнородны, что серьезной проблемой становится поиск

оснований для их объединения в единую семью технических наук. В качестве механизма объединения разнородных системно-технических знаний называют модель роста кристалла, где главное условие состоит в необходимости соблюдения соответствия между основанием и структурой питательной среды. В качестве основания мыслится трудовая деятельность. Питательная среда представляет собой принципы и понятия таких дисциплин, как гигиена труда, теория информации.

Изучая весьма неоднозначное отношение человека к миру техники, можно столкнуться с живучей и по сей день технофобией — недоверием и даже враждебностью к технике как таковой. Такое отношение свойственно для представителей традиционных типов обществ, оглядывающихся на традиции и обычаи предков. Вместе с тем исследователь техники Л.Мэмфорд утверждал, что началом современной техники можно считать первую половину второго тысячелетия н. э. По его мнению, основные технические эпохи выглядят так:

1. «Эзотехническая» эпоха (1000—1750). Ее основу составляет технология воды и дерева.
2. «Палеотехническая» эпоха (от второй половины XVIII в. до середины XX в.). Ее базис — уголь и железо.
3. «Неотехническая» эпоха, в которой главным считается комплекс электричества и сплавов.

В основу своей периодизации Мэмфорд положил используемый в технике основной вид энергии и вещество, которое занимает центральное место в создании технических устройств. Периодизацию можно продолжить указанием на наисовременнейшие энергоинформационные технологии.

Информатика и энергоинформационные процессы. В информатике как в новом научном направлении, центром которого являются энергоинформационные процессы, выделяют следующие типы взаимодействий: ЭМ — энергоматериальные, МЭ — материально-энергетические, ЭИ — энергоинформационные и ИЭ — информационно-энергетические (в последних отмечается предельно малый ввод энергии, как, например, воздействие экстрасенса).

Кибернетика (от греч. *kubernetes* — рулевой, управляющий), как известно, оформилась в дисциплинарную область науки об управлении машин и живых существ. Традиционно с ней связывают представления о науке управления, регулирования и передачи информации в организмах, машинах и системах организмов и машин. (Поплавок в сливном бочке — простейшее приложение кибернетического управления. Когда бочок наполняется, клапан перекрывает воду. Это всем понятно, но таким управляемым может быть и химический процесс, протекающий в нескольких направлениях, и биологический процесс. Желудь, например, может быть рассмотрен как биотехнологическая программа для дуба.)

В 1969 г. доктор Д.Форстер выступил с лекцией по кибернетике в Королевском колледже в Лондоне. Он отметил, что волна - основное понятие в электрической информационной теории - состоит из двух половинок от вершины одного возвышения до впадины следующего. Волна — двоичная система, а компьютеры работают в двоичной системе.

Принятие принципа всеобщего энергоинформационного обмена во Вселенной влечет за собой признание «разумности Мирового Пространства». Для современной науки эта метасфера означает всего лишь возможность принимать и расшифровывать информацию.

Ноосферные идеи, идеи кибернетического программирования живой материи, сам антропный принцип, а также утверждения о существовании «всемирно размытого сознания» рождают образ Вселенной не как холодной и мертвой, а как грандиозной, самосознающей структуры. Человек в таком случае понимается как некий определенным образом организованный объем пространства, узел сгущения энергии и информации. Субъект, осознавший эту истину, освобождается от чувства потерянности в пространстве, от ощущения Вселенского одиночества и незащитности. Вселенная оказывается наполненной смыслами, которые могут быть поняты. (Внезапное постижение значения, которое человек осознал, аналогично тому, как радиоприемник может выбрать какую-то неизвестную станцию — это всем доступная аналогия. Значения «плавают» вокруг нас, они могут быть декодированы, и человек может получить внезапный проблеск значимости, чувство Вселенной, угадывание ее тайны.) В этом контексте новую картину Вселенной, представляемую сциентистами как цифровую и информационную, предпочтительно называть разумной Вселенной.

Поскольку большинство паранормальных явлений не связано с непосредственным материально-вещественным взаимодействием, уже в 70-е годы появилась идея о наличии в аномальных явлениях, к каковым причислялись экстрасенсорные взаимодействия, телекинез, телепатия, некоего информационно-энергетического обмена. Так возник термин «энергоинформатика». Когда в энергоинформационном обмене участвуют биосистемы, речь, соответственно, идет о биоэнергоинформационном обмене. Этот несколько громоздкий термин заменил не нашедший полного принятия и отрицаемый многими термин «парапсихология».

Отражение и информация. Биоэнергоинформационный обмен предполагает сложный механизм принятия, использования и обращения информации. Само понятие «информация» (от лат. *infor-matio* — ознакомление, сообщение, разъяснение) достаточно многозначно. Информационные процессы рассматривают на основе отражательных. Отражение, понимаемое как взаимодействие, связанное с переносом структуры и особенностей одного тела на другое, может быть рассмотрено либо с процессуальной стороны, либо в результативном плане. Действительно, после исчезновения внешнего, реального предмета (отражаемого), само отражение как результат отражательного процесса не исчезает, а продолжает существовать в отражающем предмете как след. Таким образом, внешнее воздействие как бы откладывается, сохраняется в структуре отражающего. Имея в виду эту особенность отражательной способности материи, С.Рубинштейн использует образное сравнение: каждое явление в известном смысле есть «зеркало и эхо Вселенной». На этой основе строится атрибутивная концепция информации.

В философских дискуссиях по вопросу о предметной области информации возникли по крайней мере три позиции. Во-первых, информация истолковывается как сфера общения и средство

общенаучной рефлексии. Во-вторых, информация понимается как свойство самоорганизующихся систем, связанное с упорядочением взаимодействий. В-третьих, информация предстает как мера неоднородности распределения материи и энергии, свойство материальных систем, фиксирующих изначальную неоднородность мира. Три вышеобозначенных понимания информации вошли в современную теорию под названием атрибутивная, коммуникативная и функциональная концепции информации.

Атрибутивная концепция опирается на наиболее широкое понимание информации как отражение разнообразия в любых объектах и процессах как в живой, так и в неживой природе. В ней информация в самом общем виде определяется как мера неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, которая сопровождает все протекающие в мире процессы. Академику В.Глушкову принадлежат слова: «Информация существует постольку, поскольку существуют сами материальные тела и, следовательно, созданные ими неоднородности. Всякая неоднородность несет с собой какую-то информацию».

В предельно широком атрибутивном понимании информация есть мера неоднородности распределения материи и энергии. Здесь важна не столько функция упорядочения, сколько обменное обеспечение в ситуации исходного многообразия. Возникновение информации о новой структуре означает закрепление «случайного» выбора. Природа «не знает» заранее, что она хочет, она мутирует «наугад», испытывая на прочность каждый полученный результат. Все случаи повторения включают в себя разные обстоятельства, которые влияют на дальнейшее развитие. Информационно-обменные процессы не имеют конечных встроенных целей и степеней упорядочения. Они актуализируются в изначальном изменчивом, принципиально неравновесном поле взаимодействий. В этом случае вывод, что информация сигнализирует об обменных процессах, не препятствуя природной стохастике (неопределенности), правомерен и обоснован.

Коммуникативная концепция информации как передачи сведений, сообщений, осведомление о положении дел как наиболее популярная сохранялась до середины 20-х годов нашего века. С ростом объема передаваемых сообщений появилась потребность в их количественном измерении. В 1948 г. К.Шенноном была создана математическая теория информации. В ней под информацией понимались не любые сообщения, передающиеся людьми друг другу, а только такие, которые уменьшают неопределенность у получателя. Была предложена абстрактная схема связи, состоящая из источника информации, передатчика, линии связи, приемника, адресата и источника помех. Такие процессы имели наиболее важное значение в познании и управлении. Н.Винер предложил использовать понятие информации в кибернетике — науке об управлении и связи в живых организмах, обществе и машинах. Информация стала пониматься в рамках функциональной концепции как такая форма отражения, которая связана с самоуправляемыми системами. В этом контексте информация интерпретировалась не как свойство всей материи, но как особенность живых, самоуправляющихся систем или же сознательных существ, как основная предпосылка и условие оптимального

управления. В этом контексте принципиально инновационной является проблема информационной природы человеческого сознания.

К особенностям информации относят ее избыточность, недостаточность или же оптимальность. Информационная технология функционирует как «криптотехнология», включающая в себя компоненты дешифрованных ранее смыслов. Информационные потоки классифицируются на потоки констатирующей и управляющей информации. Информацию подразделяют также на социально изменчивую и инвариантную. Социально изменчивая информация несет в себе следы идеологических стереотипов, национальных, политических, экономических и других отношений, отражает нужды и психологические характеристики социальных групп. В современной философской литературе именно атрибутивная концепция информации имеет наибольшее распространение.

Известные в физике четыре фундаментальных взаимодействия — гравитационные, электромагнитные, сильные и слабые — не позволили пока объяснить информационно-энергетические феномены сознания и аномальные явления. Поэтому существует предположение, что структура «тонких миров» в аспекте современного естествознания должна быть связана с неким пятым фундаментальным физическим взаимодействием информационного типа. В таком случае информационные поля как элементы «тонкого мира» — это не силовые поля в обычном физическом смысле. Они должны быть безэнергетическими, процессы передачи информации в них — безэнтропийными, причем со скоростями, существенно превышающими скорость света. Постулат А.Эйнштейна содержал представления о пределе скорости света для электромагнитных, а не информационных полей, и поэтому противоречия с ним найдено быть не может.

Торсионные поля. Фиксация торсионных полей (полей кручения) — самое последнее открытие современной информатики и одновременно причинное основание для объяснения многих аномальных явлений. Торсионные поля углубляют положения синергетики, в частности, относительно действия аттракторов — притягивающих множеств. Согласно выдвинутым гипотезам, носителем пятого фундаментального физического измерения могут быть именно торсионные поля. Они регистрируются и играют решающую роль в энергосенсорных взаимодействиях. Торсионные поля обладают правым и левым вращением, что позволяет предполагать наличие как «правого», так и «левого» миров. При прохождении через природные среды отсутствует ослабление торсионных излучений. Ученые предполагают, что если квантами торсионного поля являются низкоэнергетические реликтовые нейтрино, тогда высокая проникающая способность торсионных излучений представляется естественной и объяснимой.

Групповая скорость торсионных волн оценивается значением не менее чем 10^9 с (скорости света). Однако сверхсветовые скорости не являются чем-то новым для физики. Считается, что торсионные поля могут самогенерироваться. Они могут возникать как следствие возмущения физического вакуума. Любая форма, даже если ее масса ничтожна, может возмущать вакуум и

порождать в окружающем ее пространстве поляризацию, которая проявляется как торсионное поле. Кроме того, было показано, что в той части вакуума, где присутствует электростатическое или электромагнитное поле, всегда существуют порождаемые этим полем торсионные компоненты. Первичные торсионные поля рассматриваются как формы материи, единственной характеристикой которой является наличие вихрей, переносящих информацию и не обменивающихся энергией при взаимодействии этих вихрей. Первая передача двоичных сигналов по торсионному каналу связи была осуществлена еще в 1986 г. В 1996 г. предполагалось завершить работы по созданию приемно-транслирующих средств торсионной передачи информации в биоэнергоинформационном обмене.

Исследуя эффекты торсионных полей, ученые отмечают, что флуктуация (возмущение) вакуума приводит к некоторому аналогу магнитного поля, которое формируется в виде торсионных образований, т.е. неких образований кручения. Сами торсионные поля рассматриваются как первичные биоэнергетические возбуждения вакуума, несущие информацию. Они «управляют» рождением материи из вакуума, ее развитием и взаимодействием. Существуют представления о том, что торсионные поля порождают мыслеформы – «некоторые устойчивые полевые образования», которые представляют собой своеобразную визитную карточку материального объекта в структуре информполя. И если все материальные объекты формируют вокруг себя поля кручения — торсионные поля, то сознание занято тем, что улавливает характер взаимодействия с ними. Торсионное поле индуцирует поляризацию, которая сохраняется после снятия воздействия внешнего торсионного поля. В таком случае становятся объяснимыми такие паранаучные феномены, как порча, сглаз, а также такое явление, как «память воды». Существует предположение, что человеческий организм в целом создает свое общее торсионное поле. Большое значение в хранении и передаче информации имеет структура воды в организме. Электромагнитное излучение также всегда содержит торсионную компоненту. При передаче мыслеформы при помощи торсионных полей абстрактно представима физика телекинеза.

Исследования действия торсионных полей на живые организмы показали, что в поле статического торсионного излучения правой поляризации наблюдается повышение выживаемости ослабленных организмов. При воздействии торсионного поля левой поляризации улучшений не зафиксировано. На присутствие торсионного поля живой организм реагирует повышением теплопродукции. Промежуточный вывод гласит о благотворном воздействии торсионных полей, о том, что их можно применять для улучшения состояния ослабленных организмов.

Есть предположение, что торсионное поле является субстратом индивидуальной памяти. Поступающая извне информация пространственно кодируется в различных зонах мозга и разделяется на два параллельных потока. Один поток используется для сличения на тождественность входящих параметров с матрицами внутреннего состояния и отвечает за адаптационно-компенсаторную деятельность организма. Второй поток фиксирует новое состояние и индуцирует торсионные поля

поступившей информации. Подобные выводы находятся в пределах и в соответствии с холотропной концепцией, ярким представителем которой является С.Гроф. Холотропное (от греч. holos — целое) понимание сознания подчеркивает, что поле сознания лишь опосредуется индивидуальной деятельностью мозга, включая в себя многообразный опыт эволюции Вселенной.

Разновидности информационных взаимодействий можно сгруппировать в три класса: Человек — Земля — Космос.

Информационный энергообмен в «системе Человек» способен обеспечить переход к более широкому использованию духовных и физических ресурсов организма. Он предполагает использование «слабых» информационно-энергетических взаимодействий мира вместо сильных, духовное совершенствование человека, использование достижений гармоничных школ. Здесь обосновывается необходимость защиты сознания от психонасилия и психотеррора, разработка альтернативных технологий психокоррекции. Информационные процессы сугубо важны для деятельности головного мозга. Эксперименты показали, что сведение к минимуму и исключение сенсорной информации приводит к быстрому развитию галлюцинаций и бреда. Новорожденные младенцы, лишенные информации, но получающие физиологическое питание, обречены на слабое развитие, а иногда и гибель. Можно предположить, что информация есть основная пища мозга, и, развивая эту аналогию, следует заметить, что в таком случае она (информация) должна быть разнообразной, обильной, чистой и обладать существенным свойством новизны. Здесь к выводам информатики присоединяется когнитивная социология, которая призывает посмотреть на человека как на активно действующее существо, воспринимающее и продуцирующее информацию, руководимое определенными стратегиями мыслительной деятельности. Рационализм когнитивных психологов доходит до такой степени абсолютизации, что приемлет употребление так называемой «компьютерной метафоры». Она уподобляет процессы переработки информации в коре головного мозга преобразованиям, осуществляемым вычислительным устройством. Категориальный аппарат, который при этом используется: сигнал, фильтр, информационный поток, — говорит о значительном влиянии теории информации.

Есть и еще один аспект, который укоренен непосредственно в самых глубинных основах здоровья человека. В отношении какой-либо патологии привычной стала фраза: «Нарушен обмен веществ». Часто, ссылаясь именно на это, как на последнее, все в себя включающее объяснение, пытаются истолковать многие аномалии. Взгляд на жизнь как на обмен веществ (уточним — нормальный обмен веществ) устоялся и стал привычным. Но ведь все процессы, сопровождающие обмен веществ, связаны как с поглощением энергии, так и с огромными энергетическими затратами. Переработка веществ организмом, процессы расщепления, выделения и усвоения, диссимиляции и ассимиляции — чрезвычайно энергоемки. А какое огромное количество энергии необходимо человеку в процессе его жизнедеятельности, в каждом элементарном жизненном акте! Все это заставляет посмотреть на жизнь человека как на обмен энергией. Энергия нужна для получения

информации из внешней среды, для обработки ее в самом организме. Индикаторами энергии служат эмоции и интенсивность процесса мышления.

Установлено, что организм нуждается и в инфракрасных, и в ультрафиолетовых излучениях в допустимом и приемлемом для него диапазоне. Считается, что энергия может быть как катализатором многих процессов, так и тормозом, преградой. Об организме человека принято говорить как о самонастраивающейся и саморегулирующейся системе. Предполагается, что в его грандиозной лаборатории идет разумное распределение и расходование энергии в соответствии с требованиями органов, тканей, клеток. Мышечная ткань, нервные волокна, мозг — одновременно склады, аккумуляторы и потребители энергии. Организму свойственно накапливать определенный резерв энергии. Белки, жиры, углеводы как источники энергии играют ведущую и существенную роль, однако энергоинформационные процессы жизнеобеспечения не могут укладываться в парадигму вещественного состава продуктов питания. Не только названные питательные вещества, но и энергия солнца, воздуха, воды является жизненным источником нашего организма.

Информационный энергообмен в «системе Земля» позволяет вбирать более полезные для человека места проживания, предсказывать негармоничные ситуации природного и антропогенного характера, фиксировать направленные потоки положительной и отрицательной энергии, геопатогенные зоны. Древнекитайское учение фэн-шуй (вода, воздух), представленное тремя школами: школой компаса, форм и пирамид, воспроизводит сложную систему определения негативных и гармоничных пространственно-энергетических зон. На это направлена и широко распространенная система биолокации.

Для «системы Космос» важным оказывается решение астрофизических парадоксов, рациональная часть и научный багаж астрологии. В настоящее время наличие специфических информационных полей (ИП), сопровождающих как каждый объект, так и всю Вселенную, принято абсолютным большинством ученых. Считается, что информация во Вселенной представлена вселенским информационным полем, хотя механизм данного процесса остается не понятным. Информационное поле становится продолжением объекта, и, следовательно, оно должно быть учтено при изучении его специфики.

Размышляя над особенностями информационных полей, исследователи предлагают выделять первичное ИП, которое отражает сущность материи (объекта) и является связующим звеном с другими ИП, и сингулярное ИП, которое помимо прочего обладает еще и голографичностью и фрактальностью.

Выделяются следующие типы информационных полей:

- ИП, несущие код будущих событий;
- космическое ИП;
- гео-ИП (земное отображение космического);
- гелио-ИП (зависящее от активного солнца);

- галактические ИП.

Биополе представляет собой комплекс излучений организма и регистрируется с помощью методов биолокации (рамки, маятники и пр.). В качестве специфического компонента биополя выделяется пси-излучение. Его особенностью является наличие границы, за пределами которой оно отсутствует. Для неживых объектов — пси-поле охватывается 0,5—0,6 м от поверхности, для человека в среднем 2,5—2,6 м от поверхности его тела. Уже утвердилось представление, что пси-поле имеет форму кокона, нарушение функций организма приводит к выбросам и появлениям впадин с противоположной стороны кокона. Фиксация и устранение аномалий пси-поля человека — задача первостепенной важности, решение которой необходимо для поддержания его здоровья и работоспособности. Вместе с тем исследователи фиксируют и проблему негативных последствий появления и функционирования искусственных пси-полей. Наличие пси-полей естественного происхождения, считают ученые, есть одно из свойств среды, в которую погружены живые существа. В течение миллиардов лет своего эволюционного развития живая материя адаптировалась к этим полям. Искусственные пси-излучения нарушают эту адаптацию. В современных биоэнергоинформационных исследованиях внимание обращено на негативный аспект средств массовой информации, несущих деструктивные программы и отрицательно влияющих на человеческую психику. Масштабная экспансия генераторов искусственных пси-излучений (телевизоров и компьютеров в том числе) в жилые помещения отличается своей внезапностью и относительной непродолжительностью — порядка 50 лет. За этот срок еще не успели сформироваться генетически передаваемые защитные механизмы.

Все эти и многие другие инновационные гипотезы открывают широкие горизонты для понимания природы энергоинформационных технологий и возможностей их использования в целях гуманистического развития человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991.
2. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996.
3. Сноу Ч. Две культуры. М., 1973 .
4. Философия техники в ФРГ. М., 1989.
5. Философия. Ростов-на-Дону, 1995.
6. Лешкевич Т.Г. Наука XX века и эзотеризм. Ч. 1,2. Ростов-на-Дону, 1997.
7. Сознание и физическая реальность. М., 1998, № 4-6.
8. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. М., 1993.

Тема 13. РОЛЬ НАУЧНОЙ

РАЦИОНАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Понятие научной рациональности и многообразие ее моделей. — Кризис научной рациональности. — Виды рациональности. - Чем ограничена рациональность? - Рациональность в структуре сознания. — Функции рациональности.

Понятие научной рациональности и многообразие ее моделей. Ученые, говоря о развитии науки, подчеркивают, что она отличается прежде всего своей рациональностью, представляет собой развертывание рационального способа освоения мира. С рациональностью в первую очередь связывают проективно-преобразующую деятельность, отличающуюся целесообразностью, разумностью, ясностью, отчетливостью. Рационализм хочет видеть мир законосообразным, и наука шаг за шагом создает методологическую систему рациональности.

Рациональность — это прежде всего определенный способ ориентации в окружающем мире, где главенствующая и доминирующая роль принадлежит разуму. Противоположностью рациональности в самом общем смысле (с оттенком непознаваемости и непостижимости) является иррациональное. Человек может соотноситься с миром посредством любви к природе, к Богу, к жизни. Рациональность, как утверждают словари и справочники, — это способность мыслить и действовать на основе разумных норм, а в широком смысле — соответствовать в своей деятельности разумным правилам. Рациональность предстает как наиболее адекватное средство проникновения на теоретический уровень исследования, где за явлениями, видимостью и кажимостью исследователь пытается распознать сущность, основу, причину и закономерность данного феномена, выразить ее посредством понятий, суждений, умозаключений. Рациональность — это своеобразный код проникновения в теоретический мир, где мышление находит идентичные способы распознавания скрытых связей и взаимодействий.

Неудержимое фантазирование и разгулявшееся воображение вряд ли могут быть отнесены к сфере рационального. Интуиция, воображение, фантазия всегда считались внерациональными способами постижения мира. Получается, что рациональным может быть не любое мысленное конструирование идеальных объектов не любое создание идеальных миров, но лишь то, которое отвечает определенным параметрам, критериям, требованиям. В их число входит принципиальная возможность практической реализации рациональных моделей, их доказуемость и обоснованность.

Из тезиса И.Канта о том, что законы чистого разума имеют абсолютную общезначимость, следует, что всякое воображаемое существо, пусть это будет даже ангел, если оно претендует на рациональность, должно подчиняться одним и тем же законам мышления. В нем фиксируется понимание рациональности как общезначимости.

Современные методологи договорились считать рациональность многозначным понятием и

смысл его сводить к некоторым следующим значениям:

- сфера природной упорядоченности, отраженной в разуме;
- способы понятийного, концептуально-дискурсивного понимания мира;
- совокупность норм и методов научного исследования.

Именно последнее значение рациональности приводит к возможности отождествления научной рациональности и методологии науки. По мнению Н.Моисеева, реальность (точнее — восприятие человеком окружающего мира, которое его сознание воспринимает как данность) порождает рациональные схемы. Они, в свою очередь, рождали методы, формировали методологию. Последняя становилась инструментом, позволявшим рисовать картину мира — Вселенной (Универсума) рациональным образом.

В современной философии науки научная рациональность рассматривается как высший и наиболее аутентичный требованиям законосообразности тип сознания и мышления, образец для всех сфер духовной культуры. Рациональность отождествляется с целесообразностью. Рациональный способ вписывания человека в мир опосредован работой мышления в идеальном плане, понятийным отражением реальности. Рациональность ответственна за те специальные процедуры трансформации реальных объектов в идеальные, существующие только в мысли, и наоборот.

С одной стороны, научную рациональность связывают с историей развития науки и естествознания, с совершенствованием познания и с методологией. В этом отождествлении рациональность тесно переплетается с логико-методологическими стандартами. С другой, рациональность оказывается синонимом разумности, истинности и рефлексивности. И здесь на первый план выдвигаются проблемы выяснения критериев истинного знания, объяснения и обоснования, совершенствования языка науки. Считается, что рациональная система научного знания должна быть: 1) гомогенной, 2) замкнутой; 3) представлять собой причинно-следственную структуру.

Рациональность также понимается как присущее субъекту универсальное средство организации деятельности. По М.Веберу, рациональность — это точный расчет адекватных средств для данной цели. По Л.Витгенштейну — наилучшая адаптированность к обстоятельствам. По С.Тулмину — логическая обоснованность правил деятельности. Рациональным называется всякое объяснение, которое стремится установить связь между убеждениями, мотивами и поступками человека.

Отечественный исследователь философии науки А.Никифоров обращает внимание на то, что рациональность можно рассматривать тройко: как соответствие «законам разума», как «целесообразность» и как цель науки. Когда методологи размышляют о рациональности, то они имеют в виду прежде всего научную рациональность или логико-методологическую рациональность.

Вместе с тем в истории науки известны многочисленные коллизии, когда ученый совершал открытия, руководствуясь не правилами научной рациональности, а вопреки им, интуитивно. Современный ученый должен быть готов к фиксации и анализу результатов, рожденных вне и

помимо его сознательного целеполагания, в том числе и к тому, что последние могут оказаться гораздо богаче, чем исходная цель. Расхождение целей и результатов — довольно частый, повсеместно встречающийся процесс. Конечный результат гетерономен, в нем сопрягаются по крайней мере три напластования:

- содержание первоначально поставленной цели;
- побочный продукт взаимодействий;
- непреднамеренные последствия целесообразной деятельности.

И если раньше ученый мог позволить себе отсекать эти боковые ветви, то сегодня оказалось вообще непросто определить, что значит «не важно» или «неинтересно» в науке, а следовательно, весьма трудно очертить грань рационального и уж совсем невозможно существовать в условиях «строгой рациональности».

Эту идею подчеркивают методологи, отмечая, что существуют различные модели рациональности, а следовательно, различные модели методологии:

- 1) индуктивистская (Карнап, Хессе);
- 2) дедуктивистская (Гемпель, Поппер);
- 3) эволюционистская;
- 4) сетчатая (Лаудан);
- 5) реалистическая (Ньютон — Смит).

Можно вспомнить также и парадигмальную модель, и модель, основанную на принятии принципа критического рационализма, и модель, упирающуюся как в свое ядро в научно-исследовательскую программу, и модель тематического анализа науки. Все названные модели предполагают, что те или иные их представители осуществляют рациональную реконструкцию реальной истории науки, подгоняя ее под уже принятый алгоритм, и получают тем самым как бы единую линию развития науки. «Внутренняя история для индуктивизма состоит в признанных открытиях несомненных фактов и так называемых индуктивных обобщений. Внутренняя история для конвенциализма складывается из фактуальных открытий создания классифицирующих систем и их замены более простыми системами. Внутренняя история для фальсификационизма характеризуется обилием смелых предположений, теоретических улучшений, имеющих всегда большее содержание, чем их предшественники, и прежде всего — наличием триумфальных негативных решающих экспериментов. И наконец, методология исследовательских программ говорит о длительном теоретическом и эмпирическом соперничестве главных исследовательских программ, прогрессивных и регрессивных сдвигах проблем и постепенно выявляющейся победе одной программы над другой», — пишет И.Лакатош, иллюстрируя подобную ситуацию. Если признать, что развитие науки происходит сразу несколькими способами и одна модель накладывается на другую, а не «становится за ней в очередь» и тем более не вытесняет свою соперницу, тогда мы либо вновь упрямся в тупиковый вопрос, а как возможно развитие науки, либо

согласимся с тезисом Фейерабенда — Anything goes! (Допустимо все!).

Кризис научной рациональности. Европейская цивилизация в отличие от цивилизаций Востока всегда претендовала на право быть рациональной цивилизацией. Закономерность, причинная обусловленность (каузальность) процессов и явлений, признание объективности и бесконечности развития, понятийный способ мироосвоения — вот видимые невооруженным глазом составляющие рациональности. Но разум может оказаться «не чистым», а рассудок станет подсказывать то, что не будет рациональным по большому счету. Например, если в мире есть зло, то насколько рационален божественный проект создания лучшего из миров? Получается, что рациональность легче опровергнуть, нежели обосновать, и вера в имманентную миру рациональность обладает всеми достоинствами и недостатками собственно веры. Ведь не случайно русский философ И.Одоевский утверждал, что хотя рационализм нас подвел к вратам Истины, но не ему будет суждено их открыть.

Таким образом, рациональность — это острейшая проблема менталитета и мировосприятия, не теряющая свою остроту для многочисленных споров и дискуссий. Концептуальный кризис в интерпретации понятия «рациональность» связан с конкретно-исторической ее формой, а именно с тем классическим представлением о рациональности, которое восходит к эпохе Нового времени и Просвещения. Современный кризис рациональности — это кризис классического представления о рациональности, обусловленный потерей ясных и четких идейно-концептуальных ориентиров, которыми характеризовалось классическое сознание вообще. Сквозь призму классической рациональности мир предстал как законосообразный, структурно-организованный, упорядоченный, саморазвивающийся.

Однако связь научной рациональности и реальной истории развития науки не так уж проста. В истоках эвристичности, столь необходимой для творчества и открытия нового, рационального меньше, чем внерационального, нерационального и иррационального. Рационализм так и не нашел адекватного объяснения акту творчества. Глубинные слои человеческого Я не подчинены разуму, а в клокочущей стихии бессознательного слиты и чувства, и инстинкты, и эмоции.

Можно смело согласиться с выводами ученых, что всем формам рационального сознания присущ пафос максимального внимания к реальности. Если с точки зрения классической картины мира, предметность рациональности — это прежде всего предметность объекта, данного субъекту в виде завершенной, «ставшей» действительности, то предметность неклассической рациональности — пластическое, динамическое отношение человека к реальности, в которой имеет место его активность. Неклассическая научная рациональность учитывает соотношение природы объекта со средствами и методами исследования. Она не исключает все помехи, сопутствующие факторы и средства познания, а уточняет их роль и влияние, что становится важным условием достижения истины.

Постнеклассический образ рациональности показывает, что это понятие шире, чем понятие «рациональность науки», так как включает в себя не только логико-методологические стандарты, но еще и анализ целерациональных действий и поведения человека. Возникшая в самой философии

науки идея плюрализма, растворяет рациональность в технологиях частных парадигм. И, как выразилась П.Гайденко, на месте одного разума возникает много типов рациональности.

Новый Постнеклассический тип рациональности включает в себя новые ориентации: нелинейность, необратимость, неопределенность, хаосомность, которые до сих пор неуверенно признавались в качестве равноправных членов научно-рационального анализа. Эти методологические ориентации могут быть названы и новыми императивами века. Происходит отказ от принципов редукционизма, элементаризма, линейности. В новый, расширенный объем понятия научной рациональности включается интуиция, неопределенность, эвристика, вводятся прагматические характеристики, такие, как польза, удобство. По мнению В.Поруса, Постнеклассический этап развития рациональности характеризуется соотносительностью знания не только со средствами познания, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности.

В новой открытой, гибкой научной рациональности расширяется объектная сфера за счет включений в нее систем «искусственного интеллекта», «виртуальных систем», «киборготношений», которые сами являются порождениями научно-технического прогресса. Это радикальное расширение объектной сферы идет параллельно с его радикальным очеловечиванием. Мышление человека с его целями, ценностями, ориентациями несет в себе характеристики, которые сливаются с предметным содержанием объекта. Поэтому постнеклассическое понимание рациональности предполагает единство субъективности и объективности. Сюда же проникает и социальное содержание. Категории субъекта и объекта образуют систему, элементы которой приобретают смысл только во взаимной зависимости друг от друга и от системы в целом. Рациональным оказывается то, что вписано в наличествующую систему социальных отношений, а то, что ей противоречит, объявляется нерациональным.

Виды рациональности. В рассуждениях о рациональности всегда имели место предположения о различиях в ее степени. Одно суждение или действие оказывается более рациональным, другое менее. Указание на степень всегда предполагало соответствие реального и должного — того, что делается или мыслится, тому, как это должно делаться или мыслиться. Однако при таком подходе мы оказывались в порочном кругу. Мыслящий разум руководит тем, что мыслится и делается, и он же задает нормы, стандарты и правила того, как должно мыслиться и делаться. Так почему же нечто более рационально, а нечто менее? От чего это зависит? Получается, что если бы рациональность зависела только от разума, а разум бы правил миром, она обладала бы статусом всеобщности и не сталкивалась бы с тем, что ею не является. Отсюда возникает необходимость — вывести рациональность за пределы разума, связать с чем-то внешним, скажем, с извечной закономерностью или упорядоченностью природы, объявить рациональным все то, что отвечает идеям упорядоченности и закономерности. Но статистические закономерности, включающие вероятность, случайность и хаос как аperiодическое, лишенное регулярности движение, вновь опровергают рациональность с атрибутом упорядоченности.

Современная научная рациональность представлена двумя разновидностями: открытым и закрытым типом рациональности. Открытая рациональность отражает факт постоянного совершенствования аппарата анализа, способов объяснения и обоснования, сам процесс бесконечного поиска истины. Закрытая рациональность функционирует на основе заданных норм и целеориентиров. Однако то, что представляется рациональным в закрытой рациональности, перестает быть таковым в контексте открытой рациональности. Например, решение производственных проблем не всегда рационально в контексте экологических. Или, как отмечает А.Никифоров, деятельность, иррациональная с точки зрения науки, может быть вполне рациональной с других точек зрения, например с точки зрения получения ученой степени. Вообще говоря, для науки всякая деятельность, не направленная на получение истины, будет нерациональной. Кроме того, открытая рациональность не может быть обеспечена той степенью технологического методологизма, который возможен в ситуациях закрытой рациональности.

Чем ограничена рациональность? Конечно же, рациональность и рационализация ограничены «непрозрачностью бытия», не дающего возможности реализовать идеальные планы деятельности, вырабатываемые рациональным сознанием. Это можно логическим ограничением рациональности. Она ограничена также и реальной конечностью конкретно-исторического субъекта познания и теми формами познавательной деятельности, которые сложились и имеются в его распоряжении. Это гносеологическое основание ограниченности рациональности.

Рациональность ограничена наличием в человеческой природе таких стихий, как чувства, эмоции, страсти и аффекты, — это антропософское ограничение рациональности. Рациональность ограничена присутствием в человеке фактора телесных и физиологических потребностей, заставляющих его подчиняться не разуму, а природе — биологическое ограничение рациональности. Помимо этого рациональность может быть ограничена агрессивностью аутентичного самоутверждения.

Рациональности приписывается некая изначальная активность, понимаемая как способность мышления инициировать ту или иную деятельность, необходимую для рационального преобразования какой-либо ситуации. Однако рационализм также обвиняют и в бессилии, имея в виду воцарение в современном обществе абсурда, инстинктов насилия и агрессии, создание новых, противных разуму видов оружия массового поражения. Жажда власти и жажда потребительства оказываются сильнее разума.

Сегодня, в век признания энергоинформационных взаимодействий, критерии отличия рационального от иррационального весьма расплывчаты и допускают произвольное толкование в зависимости от тех или иных социальных коллизий.

Рациональность в структуре сознания. Когда рациональность связывают с сознательным управлением собственным поведением, то предполагается два обязательных условия: самоконтроль и учет общезначимых норм и требований. Рациональность понимается как высшая способность

сознания, а рациональное мышление как вершина всех структурных характеристик сознания. Несмотря на то, что в XX в. стало модно определять сознание как нечто «непосредственно схватывающее», понимающее, «знающее самое себя и свою основу», тот же XX в. распространил системно-структурный анализ на языкознание, культурологию, этнографию, социологию. Захватил он и такую сложную исследовательскую область, как человеческое сознание, предельно ее рационализируя. Как известно, любая структура предполагает наличие элементов, их взаимодействие, соподчинение и иерархию. Структура (от лат. structure — строение, расположение, порядок) выражает совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе при различных внешних и внутренних изменениях.

Применение системно-структурного метода к анализу сознания на предмет выявления подлинного статуса рациональности в его структуре вовсе не означает, что сознание трактуется как устройство, состоящее из «кирпичей и цемента». Эмпирически сознание предстает как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов. Сознание — это особого рода целостность, где в постоянном потоке психических явлений возникают и пронесаются ментальные образы, осознаются идеи и интересы, мелькают случайные и глубокие впечатления. Они предстают перед субъектом в его «внутреннем опыте» и предвосхищают деятельность. Вместе с тем в этом постоянно меняющемся содержании сохраняется нечто устойчивое и инвариантное, что позволяет говорить об общем строе сознания как личности, так и общества. Признаками сознания считается разумная мотивированность, предвидение личных и социальных последствий действий, способность к самоконтролю. Все эти признаки с равным успехом могут быть отнесены и к рациональности. Однако сознание характеризуется еще и интенциональностью (направленностью на предмет), обращенностью к рефлексии и самонаблюдению, эмпатией, связанной с мгновенным принятием того или иного феномена, с различными уровнями ясности. Сознание может быть как максимально концентрированным, так и резко рассеянным. Можно говорить о ясном, темном, а также о сумеречном сознании.

Когда исследователи приступают к изучению структуры сознания, они всегда сталкиваются с парадоксальной ситуацией. Сознание как чувственно-сверхчувственный объект отчетливо обнаруживает себя, но тем не менее ускользает от непосредственного анализа. С одной стороны, сознание не мыслимо вне своего материального субстрата — головного мозга и материи. С другой стороны, сознание не сводимо ни к самому субстрату — головному мозгу, ни к материи. Даже самый искусный анатом, проследив нерв до мозжечка, не может приблизиться к первоначальному чувству и мысли. Структура сознания может быть понята как противоречивое единство Я и не-Я. В качестве последнего выступает бытие, внешняя действительность объективной реальности, собственное тело, собственное Я, другое Я — Ты. Обычно принято начинать характеристику структуры сознания со стороны Я. В качестве основных элементов сознания выделяют: ощущение, восприятие, представление, память, эмоции, волю, рациональное мышление. Но ни один из

названных компонентов не может быть значим сам по себе. Он приобретает роль необходимого структурного элемента сознания лишь в реально функционирующем сознании. Ощущения, оторванные от последующих форм сознания, теряют свой познавательный смысл. Изоляция ощущений от мышления, воли от чувств неправомерна. Уже Гегель считал несправедливым утверждение, что ум и воля совершенно независимы друг от друга и что ум может действовать, не жалея, а воля может обходиться без ума. Сознание — это такая динамичная система, где всякий психический акт соотносится и взаимосвязан как с другими актами, так и с внешним бытием.

Анализ структуры сознания принято начинать с характеристики ощущения как наиболее элементарного, далее неразложимого и не имеющего структуры познавательного явления. Ощущение — это отражение отдельных свойств предметов объективного мира во время их непосредственного воздействия на органы чувств. Информационно-пропускная способность органов чувств человека распределена так: самый большой объем получаемой информации связан со зрением, затем следует осязание, слух, вкус, обоняние.

Целостный образ, отражающий непосредственное воздействие на органы чувств единичных предметов, называется восприятием. Восприятие — это структурный образ, состоящий из комплекса ощущений. В понимании природы восприятия большое место отводится двигательным процессам, подстраивающим работу перцептивной системы под характеристики объекта. Имеется в виду движение руки, осязающей предмет, движение глаз, прослеживающих видимый контур, напряжение мышц гортани, воспроизводящей слышимый звук. Другой характеристикой восприятия является интенция — направленность на какую-либо ситуацию, что обеспечивает возможность субъективных трансформаций образа, целью которых является приведение его к виду, годному для принятия решений.

Когда процесс непосредственного воздействия на органы чувств прекращается, образ предмета не исчезает бесследно, он хранится в памяти. Память — это структурный компонент сознания, который связан с механизмами запечатления, сохранения, воспроизведения и переработки поступающей в мозг информации. Различают многообразные виды памяти: моторную, эмоциональную, образную, словесно-логическую, а также долговременную и кратковременную. Многие наблюдения говорят об отсутствии жесткой связи между повторением и долговременной памятью. Долговременная память во многом зависит от мотивационной сферы человека.

В результате сохранения памятью внешних воздействий возникает представление. Представления — это, во-первых, образы тех предметов, которые когда-то воздействовали на органы чувств человека, а потом восстановились по сохранившимся в мозгу следам при отсутствии этих предметов, во-вторых, образы, созданные усилиями продуктивного воображения. Представления существуют в двух формах: в виде воспоминаний и воображения. Если восприятия относят только к настоящему, то представления — и к прошлому, и к будущему. Представления отличаются от восприятия меньшей степенью ясности и отчетливости.

Важнейшим элементом сознания и высшей его формой является мышление. Мышление связано с целенаправленным, обобщенным и опосредованным отражением человеком действительности. Мышление — это организованный поисковый процесс, отличающийся от хаотической игры ассоциаций и предполагающий движение в соответствии с логикой предмета. На вопрос: «Можно ли жить без мышления?» — Локк отвечал положительно, утверждая, что есть люди, которые большую часть жизни проводят без мышления.

Раскрытие рациональной мыслью глубинных, сущностных связей неизбежно выводит за пределы чувственной достоверности, поэтому при характеристике деятельности мышления прибегают к его понятийной форме. Мышление может быть рефлектирующим и нерефлектирующим. Рефлексия (от лат. reflexio — обращение назад), рефлексировать — значит устремлять свои помыслы на понимание самого себя и на то, как другие познают и понимают. Можно сказать, что рефлектирующий стремится достичь логического содержания, обладающего статусом всеобщности и необходимости. Рефлексия 'появляется тогда, когда субъект пытается развернуть любую мысль в форме понятия, т.е. освоить ее категориально.

Открытие функциональной асимметрии мозга показало, что информационные процессы в двух полушариях головного мозга протекают по-разному. На первых порах разница между функциями полушарий упрощенно трактовалась как соответствующая двум типам мышления: левополушарное, ответственное за логику, и правополушарное — за художественную образность. В настоящее время очевидно, что разница состоит в другом. И левое, и правое полушария способны воспринимать и перерабатывать информацию, представленную как в словесно-знаковой, так и в образной форме. Основное различие сводится к тому, что левополушарное мышление так организует любой материал, что создает однозначный контекст. Правополушарное мышление формирует многозначный контекст, который не считается всеми участниками коммуникации одинаково и не поддается исчерпывающей интерпретации. Таким образом, различие между правополушарным и левополушарным мышлением — это различие между двумя способами переработки информации, противоположными типами организации контекстуальных связей ее элементов.

Однако, даже когда человек рефлексивен, он всегда чувствует и переживает. Заметим также, что нарушение сознания начинается с расстройства именно эмоциональной сферы, потом нарушается строй мышления, затем самосознание и далее идет процесс глубинного всеобщего распада сознания. Эмоции органично включены в структуру сознания. Эмоции носят глубоко личностный характер. Сильные эмоции могут вызвать даже психосоматические симптомы — головную боль, заикание, мышечную боль, образования язвы, кожные болезни. Объект, который воспринимается как смертельный, может дать даже такую реакцию, как рвота. Все это подчеркивает огромную роль эмоций в структуре сознания.

Первое, что характеризует сознание при рассмотрении его функционирования, это указание на совместно полученное знание — «сознание». Поэтому в структуре сознания следует выделять

рационально-когнитивные стороны, связанные с познавательным отношением к миру. Когнитивный пласт сознания сориентирован на получение знания и, следовательно, предполагает стремление к истине. Вместе с тем в структуре сознания есть и такие пласты, которые не имеют отношения к знанию. Это вера, надежда, любовь, радость, огорчение и пр. Все эти ментальные состояния есть переживания, тяготеющие к оценочным регулятивам. Жизнедеятельность человека проникнута сложной тканью человеческих переживаний. Известный отечественный психолог С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что сознание есть единство знания о действительности и переживания отношения к этой действительности. Именно это и обеспечивает единство когнитивного и ментального начал в сознании и показывает бедность рациональности, трактуемой как жесткая подчиненность норме и целесообразности.

Функции рациональности. Рациональность базируется, во-первых, на отражательной функции сознания. Она предполагает обобщенное, целенаправленное (создание образов, предвосхищающих практические действия), оценочное (избирательная ориентация на выработанные обществом и принятые субъектом ценности) отражение действительности. Нейрофизиологическая основа феномена целенаправленности получила объяснение в учении о доминанте Ухтомского в 1923 г. Доминанта (от лат. *dominans (dominantis)* — господствующий) понимается как временно господствующая рефлекторная система, придающая поведению определенную направленность. Как довлеющий очаг возбуждения доминанта суммирует и накапливает идущие в нервную систему импульсы и одновременно подавляет активность других центров. Этим объясняется активный и целенаправленный характер рационального поведения.

Рациональность как деятельность по конструированию мыслительных образов, схем деятельности включает в себя преобразовательную функцию сознания. Однако эту преобразовательную функцию следует рассматривать не только как внешнеположенную, т.е. выходящую во внешнее бытие, но и как обращенную на себя, как самопреобразование. Но если преобразовательная функция сознания отличается различной степенью модальности, где имеет место стихийно-спонтанный, предполагающий интуитивное смыслообразование элемент, то рациональность связана с целесообразным созиданием нового содержания; преднамеренно-нормативными ориентациями, предполагающими строй мыслей и установок, соответствующих принятым эталонам и ценностям, навязываемым извне целям; и, как уже было сказано, с самопреобразовательной природой, ориентированной на упорядочение ценностно-смысловой шкалы внутреннего мира индивида.

Ориентационная функция рациональности включает в себя регулирование — принятие решений в едином строю норм жизнедеятельности, а также самоконтроль, связанный с синхронизацией внутренних и внешних оценочных критериев. Самоконтроль предполагает анализ мотивов собственного поведения, выбор наиболее адаптивно-эффективного способа достижения поставленных целей.

В целом рациональность предстает как одна из необходимых и существенных компонент сознания, решающая великую задачу адаптации человеческого существа к многофункциональным взаимодействиям окружающего мира. При помощи рационализма осуществляется вербально-понятийная система трансляции. Вся институциональная система образования строится с учетом требований и ограничений рациональности. Результаты рационального знания зафиксированы в соответствующих материальных носителях (книги, учебники, дискеты, магнитные ленты, диски), хранятся в человеческой памяти и транслируются из поколения в поколение, являясь в условиях современной цивилизации доступными и общеобязательными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев Н. Современный рационализм. М., 1995.
2. Грязное Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982.
3. Современная западная философия. Словарь. М., 1989.
4. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология. М., 1998.
5. Лакатош И. История науки и ее рациональные реконструкции /Структура и развитие науки. М., 1978.
6. Швырев В.С. Рациональность в современной культуре //Общественные науки и современность. 1997, № 1.
7. Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991, № 6.
8. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции/Вопросы философии. 1997, №2.
9. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М . 197.
10. Диалектика познания. Л., 1983.

Тема 14. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перспективные изменения социальной сферы. — Проблема социального расслоения. — Проблемы демократии и «вхождения во власть». — Регионы и центр. — Средний класс против процесса собственной люмпенизации.— Итоги и перспективы современной цивилизации.

Конец XX в. ознаменовался многими событиями: исчезло характерное для середины века противостояние лагеря социализма и капитализма, прокатились волны «бархатных» и не совсем «бархатных» революций, межэтнических конфликтов, обострилось социальное расслоение, человечество вступило в условия существования информационной цивилизации. Негативные стороны современного общества как в западном мире, так и в России весьма похожи. Это рост преступности, неподотчетность власти воле народа, невозможность контролировать военно-техническое развитие, упадок принципов демократии, распространение поп-культуры, утрата индивидуальности, «социальные» болезни. Парадоксальная логика конца XX в. уготовила девальвацию ценностей и существование большинства человечества в условиях непредсказуемых социально-исторических последствий. «Наш век — век рационально-, го расчета, обезличенных технологий, промывки мозгов, манипулирования, силовых влияний», — так оценивают современности В.Ильин и А.Панарин, отрицая этим определением разумность и гуманистичность эпохи.

XX в. — это не только век социалистических революций, установления и последующего падения тоталитаризма, век сексуальной и культурной революции. В конце XX в. особую обеспокоенность вызывает такое явление общественной жизни, как терроризм, который буквально захлестнул собой разные страны и континенты. Статус беженца и вынужденного переселенца, заключая в себе всю глубину человеческой трагедии, прочно вошел в арсенал социологической теории, заставляя переписывать ее основы.

Нерв общественного самосознания предельно натянут. Восприятие своего Я колеблется от ощущения бесперспективности личного . существования до страстной надежды на достойную жизнь. Все традиционные экзистенциальные категории — любовь, вина, самопожертвование, выбор, спасение — к концу XX в. сменяются чувством либо глубокой апатии и социальной усталости, либо состоянием немотивированной агрессии.

Новые многочисленные проблемы развития современной цивилизации и одновременно ее возможные перспективы в экономическом, социальном, политическом, научном и мировоззренческом планах сплелись в тугой узел противоречий. Ибо основная и магистральная перспектива развития современной цивилизации связана именно со скорейшим конструктивным разрешением или минимизацией многообразия глобальных проблем современности, а также с радикальными гуманистическими изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности: в

системе образования, здравоохранения, индустрии досуга, в сфере нравственности и духовности.

Перспективные изменения социальной сферы. По мнению исследователей, изменения социальной сферы являются решающими для будущего человечества. Во-первых, опираясь на известное положение о том, что семья — это клеточка общества, можно увидеть в тенденциях планирования нового типа семьи, новых видов социального партнерства трансформацию общественных взаимоотношений. Соглашаясь с выводом патриарха социологии Питирима Сорокина об использовании семьи в качестве «социального теста», именно с семьей необходимо связывать обеспечение продолжения рода человеческого. Семья, если она интеллигентная, озабочена возможностью предоставления достойного воспитания и образования своим детям, достойного образа жизни, что, в свою очередь, отражает собой всю полноту гуманистических перспектив развития общества.

Современное состояние нашего общества требует учета существующих тенденций. Во-первых, это непрочные, распадающиеся, неполные или смешанные семьи. Они во многом деформируют исходный «селективный фундамент», ту присущую семье работу по воспитанию и культивированию внутренних семейных ценностей, внутреннего интеллигентного духа этой ячейки. Во-вторых, это четко проявившаяся тенденция передачи процесса воспитания подрастающего поколения и его первоначального, исходного образования внесемейным структурам. Подрастающий индивид впитывает в себя признаки первичной социализации всех социальных слоев, попадающих в орбиту общения, и может реализовать в своих поведенческих реакциях какой-то новый эклектичный и неузнаваемый тип. В этих условиях не семья, а «социальный лифт» обслуживает систему вне-семейного воспитания и образования. Статусная функция семьи становится размытой и неопределенной.

Исследователи утверждают, что характерным для новой цивилизации будет не создание и потребление материальных благ, а создание и потребление информации и знаний. В связи с этим существенные трансформации произойдут и в системе образования. Достаточно часто уровень развития страны определяется ее интеллектуальным потенциалом. В развитых странах вложения в систему образования рассматриваются как самый быстро окупаемый «человеческий капитал». Послевоенное развитие мирового сообщества позволило сделать вывод, что приоритетное положение образования — это не следствие экономического процветания государства, а его причина. Поэтому можно говорить о принципиальной интенсификации образовательного процесса как в нашей стране, так и повсеместно. С этим может быть связана трансформация системы высшего образования в сторону большего разнообразия по типам, учебным программам и срокам обучения, введение многоуровневой системы высшего образования.

С одной стороны, можно зафиксировать прочно утвердившуюся тенденцию развития системы высшего образования в направлении универсальной компьютеризации, внедрения информационных технологий и разнообразных видов дистантного обучения. С другой стороны, волны

коммерциализации образования значительно снижают планку профессионализма и отражаются на качестве предоставляемых образовательных услуг.

Проблема социального расслоения остается важной проблемой, требующей неотложного перспективного решения. В свое время П.Сорокин, задаваясь вопросом, как определить положение социальной группы в социальном пространстве, клал в основу социального расслоения три основные формы: экономическую, политическую и профессиональную, которые, как правило, тесно переплетены. Вместе с тем, даже относясь к одинаковым социальным группам, можно находиться в разном социальном положении. И следует иметь в виду, что любая социальная группа или прослойка также социально стратифицирована, т.е. расслоена, как и общество в целом. Совершенно очевидно, что можно подниматься по социальной лестнице, а можно и спускаться на дно. Черты расслоения ощутимы уже в делении по полу и возрасту, в наличии привилегий мужского пола и многочисленных женских обязанностей. Черты расслоения хорошо различимы в существовании отщепенцев, живущих не по правилам данного сообщества, в самом процессе разделения труда. И конечно же, эмпирически расслоение наиболее явно проявляется в различии уровня жизни, т.е. в экономическом неравенстве.

Жесткость корпоративных взаимосвязей в рамках современного общества немногим менее ощутима, чем в институте монашества и священнослужителей или, скажем, в армии. Корпоративность имеет тенденции к возрастанию. Негативным следствием этого процесса является прерывание естественной селекции на лучшее. Когда не кровно-родственные отношения, не «нужные люди», а лучшие представители своей профессиональной страты (так называемый «золотой фонд») культивируются путем предоставления широких возможностей профессионального роста.

Возникает дополнительная проблема фактического межпрофессионального расслоения, конкуренции по основаниям престижности профессий, дисгармонии отношений в рамках единой социальной прослойки. И вряд ли ее следует объявлять псевдопроблемой, исходя из того, что «все профессии нужны, все профессии важны». Особо социально значимые профессии осуществляют базовые функции в социальной организации. Это объективно влиятельные группы, что, в свою очередь, предполагает их высокий уровень интеллекта. Поэтому общим правилом нормально (а не абсурдно) функционирующего общества или социальной группы является ситуация, когда высший ранг занимает субъект, отличающийся наиболее высоким уровнем развития интеллекта. Именно высокий уровень интеллекта и проявляется в личных профессиональных достижениях и в достижениях иерархично подвластной данному руководителю группе.

В общечеловеческом восприятии сохранилось убеждение, что принадлежность к служащим, работникам умственного труда обеспечивает более привилегированное положение, нежели принадлежность к группе работников физического труда. Однако такое отношение к умственному и физическому труду в истории цивилизаций не было постоянным. Были периоды прославления достижений физического труда, были и периоды его недооценки. XX в. — век развития технологий и

всеобщей компьютеризации связан с бесспорной ориентацией на увеличение доли умственного, интеллектуального труда. В перспективе информационно-технологическое общество должно свести к минимуму использование грубой физической силы, однако конкретные экономические условия многих стран, и России в частности, позволяют говорить о подобных процессах как об очень отдаленной, абстрактной перспективе. В настоящее время в мировом масштабе фиксируется серьезное ухудшение положения работников умственного труда, которые низведены до ранга наемных трудящихся «на поточной линии духовного производства и управления».

Проблемы демократии и «вхождения во власть». Современная интеллигенция и интеллектуалы в целом оказались в парадоксальной ситуации. Обладая высоким уровнем интеллекта (исходным и критериальным свойством своей социальной прослойки) они отказались от притязаний на профессии контролирующей силы, на «вхождение во власть», сопряженное с исполнением властных функций.

Эксперты делают вывод, что в иерархии: элита (политическая и экономическая); средний класс (верхний, средний и базовый уровень); и «социальное дно» — интеллигенция занимает нишу среднего и базового уровней среднего класса. Элитам всегда принадлежал самый высокий социальный статус и различного рода привилегии.

Поэтому продвижение в страту элит связано с многочисленными социальными барьерами и очень лимитировано.

Элиты рассматриваются как «во многом самостоятельное, относительно автономное, организационное образование, ее обычными проявлениями (социальными правилами коммуникации с внешней «средой») являются: 1) замкнутость; 2) неподконтрольность; 3) таинственность; 4) мифичность; 5) символичность. В самом общем смысле под элитами понимались социальные группы, обладающие наиболее высоким индексом власти или доступам к ее ресурсам и центрам. Неправящая элита, в отличие от правящей, если и обладает властью, то моральной или нормативной и только в рамках своей профессиональной сферы. Согласно фундаментальным социологическим исследованиям, реформирование общества связано с неуклонным ускорением научно-технического прогресса и возрастанием роли инженерно-технической интеллигенции, а затем и перехода власти к представителям научно-технической интеллигенции. В этом одна из серьезных перспектив развития современной цивилизации.

Экономическая организация общества, своеобразный «человеческий метаболизм, обмен вещества между человеком и природой» — ведущее отношение человеческой жизнедеятельности и фундаментальное условие для образования всех социальных институтов. Исходя из этого, в качестве перспектив современной цивилизации следует предполагать экономически свободное сосуществование многообразных форм собственности, отсутствие дискриминационных и юридических барьеров между формами хозяйствования и собственности. Выполнение договорных обязательств и уважение к частной собственности относится к цивилизованным правилам

межхозяйственных взаимодействий. Экономическая свобода — один из важнейших приоритетов цивилизации будущего. Она сопряжена с разумным правоохранительным контролем и опирается на свободу получения и распространения информации.

Говоря о развитии общества, большинство ученых выделяют аграрные или традиционные общества, индустриальные и постиндустриальные общества (или общества «третьей волны»). Если индустриальные общества перешли на рельсы массового производства и потребления, то общества «третьей волны» планируют перспективное возвращение к индивидуализированному производству на новой технологической основе, к производственным технологиям, стремящимся к максимальному социальному регулированию. В цивилизации нового типа предполагается максимальное использование творческого потенциала производителей и субъектов производственного процесса. Предполагается совмещение принципов рыночной экономики с принципами приоритетного планирования.

Информационные приоритеты состоят в том, чтобы накопление, обобщение, комментирование и опровержение сведений о политических, экономических, социальных, этнических, демографических и прочих параметрах происходило не в режиме жесткого контроля, а в режиме информационной причастности к важнейшим социальным акциям и решениям. Информационная открытость переносит процедуру оценки деятельности правящей элиты как оптимальной или неоптимальной за пределы самой правящей элиты, властных структур, благодаря чему и становится реальным рычагом самокоррекции общественного целого. Информационные приоритеты предполагают прежде всего интеллектуальную честность и те разумные ограничения, которые устанавливаются законом и играют положительную роль, защищая интересы производителей и разработчиков принципиально новых технологий. Сама четвертая власть как основное условие цивилизованного развития общества наполнена духом рационально-критического стиля обсуждения проблем, во имя которого осуществляет свои многообразные инициативные акции. Механизм четвертой власти предполагает, что сбор и распространение информации позволяет формировать надындивидуальные схемы действия и общезначимые цели.

К гуманитарным перспективам развития современной цивилизации относится идея прав и свобод личности, уважение к индивидуальности, суверенитет и свободное общение. Под гуманизмом в большинстве случаев понимается тип мировоззрения и взаимодействия, утверждающий самоценность каждого индивидуального человеческого бытия и обеспечивающий возможность самореализации человека.

Естественным фоном развития гуманности оказывается демократия. Однако исходный смысл слова «демократия» — власть на-/ рода, правление всех — заставляет обратить внимание на то, что во времена Афин и Рима термином «все» не описывалось фактическое множество индивидов. В него не входили, как известно, рабы, которые составляли большинство населения. И только главы семейств — патеры фамилий имели полное юридическое право участвовать в правлении.

Перспективы и приоритеты ментального, вбирающего в себя «умственный, духовный строй народа», связаны с актуальной демонстрацией и откровенным обнаружением дружественного отношения Я к другому Ты, другому народу, этносу, миру в целом. Они предписывают избегать агрессивности при построении систем сотрудничества.

В наиболее переломные для России периоды, когда остро встал вопрос о необходимости и целесообразности реформ на постсоветском пространстве, исследование российской ментальное™ приобрело вид «анамнезиса» — припоминания собственных корней. Это очень увлекло и захватило общественность. Однако одним припоминанием не обошлись. В самом общем виде ментальный фон, заключенный в широкие пространственно-временные рамки, можно определить как сконцентрированный опыт человеческого бытия в мире. В этом качестве как опыт существования определенной общности ментальность неявно присутствует в сознании каждого индивида — члена общности и необходимо регулирует его поведение, систему ценностей и образ мыслей.

Исследования ментальное™ позволяют реконструировать современного человека во всей полноте его самочувствований и проявлений. Благодаря этому становится возможным разрешение насущных для гуманизма проблем, связанных с изучением механизмов бесконфликтного взаимодействия, всеобщей терпимости и любви, проблемы групповой идентичности и самобытного самовыражения.

Регионы и центр. Поскольку диспропорции между регионами и центром являются сегодня экономической и социально-политической реальностью, то имеют место и совокупность региональных проблем, и поиски перспектив их решения. Процесс регионализации всегда представляет регионы в роли догоняющих, а приоритеты центра — в роли задающих.

Державный общероссийский накал и местечковый, региональный сепаратизм, выступление от имени страждущего народа и культивирование включений на тему «мы и они», обостряют противоречие центра и периферии. Усиление роли региональных центров особенно заметно в периоды кризисов, когда потребность осознания и выражения данного уровня самосознания достигает своего апогея. Можно говорить и об определенном соперничестве региональных и центральных властей. Последняя не всегда приветствовала стремление региональной интеллигенции, обслуживающей свои регионы к автономности и политической самостоятельности своего края. Напряжение возрастает за счет того, что местная интеллигенция начинает заботиться более о собственных региональных соотношениях, не видя за собственными трудностями трудности общероссийской жизни, развитие общероссийской политики. Региональная интеллигенция выступает, а вернее, помогает оформлять и формулировать претензии к центру. Среди самих регионов также идет ранжирование по степени важности, один регион представляется наиболее значимым, другой наименее. Такое дробление наносит явный ущерб целостности и единству политических и экономических решений.

Особую остроту приобрела проблема самоопределения. В республиках Северного Кавказа

борьба за национальную независимость — отмечают В.Ильин и А.Панарин — довольно часто носит не пропагандистский, декларативный, но подлинный характер (Чечня, Северная Осетия, Ингушетия). Особую роль в этом играет фактор внешней опасности. Власть имеет дело с народом как кровнородственной общностью, ведущей борьбу за существование с другими подобными общинами.

Средний класс против процесса собственной люмпенизации. Отдельную и весьма напряженную проблему современной цивилизации составляет протест средних слоев против перспектив своей люмпенизации. Движение «новых левых», манифестации «новых средних слоев», а также многочисленные террористические акты опрокинули представления о западном обществе как «инертном», обреченном на пассивность. Движение «новых левых», достигшее своего пика в период студенческого бунта 1968 г. в Париже и представленное «новыми средними слоями» (интеллектуальной и служащими), выступало за реформу образования и против процесса собственной пролетаризации. Основой волнений было противоречие между «вынесенными из прошлого оценками своего собственного статуса, нормативными установками на творческую свободу, самовыражение личности в процессе умственного труда, с одной стороны, и суровой перспективой превращения в один из отрядов пролетариата, в элемент совокупного рабочего — с другой».

Этот бунт был назван «революцией растущих ожиданий». Однако она завершилась люмпенизацией некоторых групп интеллигенции, появлением своеобразного маргинального (пограничного) ее слоя и превращением в «революцию утерянных надежд».

Крайней формой выражения протеста стал террор против всех тех, кого считали виновными в бедственном положении и люмпенизации интеллигенции. Цель борьбы отождествлялась с объектом террора.

К отряду «новых левых», а точнее «отцам новых левых», относили основоположника «Франкфуртской школы» М. Хоркхаймера, его ближайших сотрудников Т.Адорно, Ю.Хабермаса, а также Г.Маркузе, Э.Фромма и Ж.-П.Сартра. Долгое время казалось, как отмечает исследователь этих процессов Ю. Давыдов, что «гиперкритические» обертоны в эстетических и культурно-философских рассуждениях Адорно и Маркузе, с одной стороны, и левозэкстремистские политические акции (грохот бомб, взорванных ультралевыми террористами), с другой, — это совсем разные вещи. И понадобился более чем десятилетний опыт «нового левого» движения, и в особенности его ультралевого крыла, чтобы убедиться в противном. Нигилизм в неприятии сложившегося социального положения оборачивался отрицанием всей системы общекультурных ценностей.

Интенсификация и обострение проблем современной цивилизации, происходящие в направлении отрицания культуры, особенно заметны. Ситуация тотального плюрализма в своей крайности грозит наступлением эпохи всеобщего непонимания, когда «все в разладе со всем», и чревата гибелью единой общечеловеческой системы подлинных ценностей. С превращением культуры в антикультуру под сомнением оказывается уклад, традиции и само существование человеческой духовности и интеллигентности. Причем данный процесс имеет двойственную

направленность как со стороны гиперотказа от всех ценностей культуры, так и со стороны люмпенизации носителей культуры, лишенных престижа, статуса и элементарных средств к существованию, стремительно опускающихся на социальное дно. Противостояние процессам отчуждения культуры от человека связано с системой экономических мероприятий и с гуманистической ориентацией самого постиндустриального общества. Явно обнаружившие себя рыночно-потребительские тенденции развития современной массовой культуры встречают противостояние в призыве к защите духовного наследия, художественных и культурных памятников, нравственных устоев. Категорический императив кантовской философии: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству как к цели и никогда не относился к нему только как к средству» — не только опровергает возможности каких бы то ни было манипуляций с человеком, но и доказывает недопустимость пренебрежительного отношения к человеку. Миф, оправдывающий колониальную политику якобы тем, что слаборазвитый, инертный и неспособный к прогрессу восточный человек нуждается в управляющем влиянии Запада, эхом отразился в представлениях о прагматическом, рассудочном, «дегенерирующем» человеке Запада, погрязшем в аморальности и жажде потребительства. Ненависть к чужому, национальные предрассудки (ксенофобия) являются острыми проблемами современности, преодоление которых связано с воспитанием в современнике подлинного гуманистического мировоззрения.

Итоги и перспективы современной цивилизации. Видение перспектив современной цивилизации обусловлено тем, что начало третьего тысячелетия сопряжено с созданием интегративной системы мирохозяйственных и геополитических связей и зависимостей. Наука приобретает интернациональный характер, и само научное сообщество рассматривает себя с космополитических позиций. Планета становится объединенной общей планетарной судьбой. И конечно, в современном мире основой технологического могущества становится именно современная наука. Наука мыслится и как надежный инструмент распространения информации для обеспечения государственно-корпоративного уровня управления, и как сфера, с которой связывают надежды предотвращения экологической катастрофы.

Несмотря на ожесточенные баталии сциентистов и антисциентистов, одним из бесспорных мировоззренческих итогов развития науки конца XX в. является факт существования научного мировоззрения, которое стало доминирующим в ареале технократической цивилизации. В основе научного мировоззрения лежит представление о возможности научного постижения сущности многообразных явлений современного мира, о том, что прогресс развития человечества связан с достижениями науки.

К концу XX в. можно говорить о сложившейся предметно-дисциплинарной организации науки, фиксировать наличие ее логикометодологической и теоретико-концептуальной базы. Налицо двуединный процесс, включающий в себя, с одной стороны, гуманизацию позитивного знания, а с другой гносеологизацию содержания искусства, математизацию отдельных областей культуры.

Вместе с тем фиксируется возросший интерес к проблемам эзотерики, оккультизма и мистицизма. Интеллектуальный плюрализм допускает широкое распространение «тайных, сакральных знаний о человеке» разного уровня. Своеобразное бытие получает и новый опыт религиозности, который не всегда связан с официальной церковью, соблюдением всех таинств и обрядов. Он распространяется по светским каналам, посредством широкой пропаганды на страницах печати, по радио и телевидению призывов к возрождению духовности. В общественном сознании противоречивым образом уживаются основы научного и религиозного мировоззрений.

Современная экологическая ситуация настоятельно требует био-сферизировать все виды человеческой деятельности, все области науки. Это находит отражение в этическом императиве, обязывающем ученых с большей ответственностью подходить к результатам своих исследований. Сфера действия этики расширяется. Выдающиеся физики требуют ограничения применений их открытий в военной области. Врачи и биологи выступают за мораторий на использование достижений генетики в антигуманных целях. Первоочередной проблемой становится поиск оптимального соотношения целей научно-технического прогресса и сохранения органичной для человека биосферы его существования.

Новое направление — синергетика также выступает мировоззренческим итогом развития цивилизации XX в., ибо в ней говорится о возможностях нового диалога человека с природой, где самоорганизующееся развитие должно диктовать приоритеты искусственным, спекулятивным и конструкционистским схемам, претендуя на новый синтез знания и разума. Синергетика перестраивает наше мировосприятие и, в частности, нацеливает на отказ от логики покорительства, на принципиальную открытость к принятию закономерностей развития «мира естественного».

Идеи ноосферности, обозначающие пространственно-временной континуум человеческой мысли, обретают свое обоснование в современной релятивистской космологии. В них потенциально содержатся два смысловых подхода: первый опирается на признание уникальности Вселенной, а следовательно, и человеческой мысли. Второй — на понимание ее как одной из многих аналогичных систем, что в мировоззренческом плане сопряжено с необходимостью логического полагания уникальных, диковинных и отличных от имеющихся земных аналогов форм жизни и разума.

Глубинные процессы информатизации и медиатизации, компьютерная революция в глобальных масштабах, стимулируя скачкообразность экономического и научно-технологического развития, чреватые обострением всего комплекса коммуникативно-психологических проблем. Обилие обрушивающейся на человека избыточной информации ведет к синдрому информационной усталости и, как следствие, к раздражительности, напряженности, агрессии, массовому расстройству зрения. Человек живет в постоянной погоне за временем, личное время экспроприировано временем социальных взаимодействий, включено в макровремя социальных обязанностей и институтов. Это обостряет негативизм психологии мировосприятия. Ускорение темпов жизни, изменений s в быту

чревато обилием стрессовых ситуаций. Любопытно, что этот бешеный ритм жизни американцы окрестили термином «крысиные гонки». Но фактом является и то, что Новый Свет, в отличие от континентальной старушки Европы, смог «увезти к себе» большинство Нобелевских премий, открытий, достичь высшей планки уровня жизни.

Все названные и многие другие итоги развития современной цивилизации еще в смутном и неотчетливом виде воспроизводят представления о грядущем образе мира, который И.Пригожий назвал «третьей культурой», О.Тоффлер — «третьей волной», Ф.Сагаси — «третьей цивилизацией».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма. М., 1975.
4. Моисеев Н. Современный рационализм. М., 1997.

Тема 15. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Определение глобальных проблем и их взаимосвязь.- Многоуровневость экологических проблем.- Глобальность кризиса культуры. — Глобалистика военно-политических проблем.

Определение глобальных проблем и их взаимосвязь. Глобальные проблемы — это проблемы, касающиеся системы «мир—человек» в целом и имеющие нелокальный, а всеохватывающий, планетарный характер. От их решения напрямую зависит жизнь социума, судьба человечества, условия его жизнеобитания, состояние природной среды, социальный прогресс и сохранение цивилизации. К ним можно отнести проблемы экологии, охрану здоровья человечества, демографические проблемы, проблемы кризиса культуры, вопросы войны и мира. Соответственно, их подразделяют на экологические, демографические и военно-политические.

Современные исследования позволяют отнести к глобальным проблемам более двух десятков проблем, среди которых:

- угроза экологической катастрофы;
- минерально-сырьевой кризис;
- медико-биологические проблемы здоровья;
- сохранение вида *homo sapiens*;
- проблемы предотвращения войны с использованием средств массового поражения;
- прекращение гонки вооружения;
- сокращение ареалов нищеты и бедности;
- проблемы энергетического кризиса и др.

Причины возникновения глобальных проблем состоят в усиленном росте потребностей человека, в возросших технических средствах воздействия общества на природу, масштабах этих воздействий.

К характерным особенностям глобальных проблем современности относится наличие тесной взаимосвязи между ними, при которой обострение одной ведет к обострению всей цепочки проблем. Можно сказать, что глобальные проблемы — это сложный клубок проблем. Поэтому попытки их обособленного рассмотрения и решения малоэффективны. Глобальные проблемы должны решаться комплексно, координированно, усилиями многочисленных субъектов мирового сообщества.

Многоуровневость экологических проблем. На современном этапе развития человечества большая часть глобальных проблем сосредоточена на полюсе активного взаимодействия человека и природы. Бесконтрольное использование природных ресурсов, варварское потребление природных богатств ставит вопрос о специальной социальной политике, регулирующей взаимоотношения между человеком и природой, поднимает проблему необходимости защиты как природы, так и человечества, которое заинтересовано в своем будущем. Экологическая проблема обостряется тем,

что в мире ежегодно исчезает 150 видов растений и животных, происходит истощение почвы, загрязнение воды, атмосферных слоев воздуха и окружающей среды в целом. Человек загрязняет химическими и радиационными веществами все вокруг себя: от Мирового океана до космического пространства. Изменение биосферы, ионосферы, характеристик воздуха, почвы и воды, при которых зародилась и стала возможной человеческая жизнь, свидетельствует о разрушении той экологической ниши, деструкция которой ведет к исчезновению всего живого. КЛоренц в статье «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», обращая внимание на ускоряющийся в геометрической прогрессии темп развития техники, говорит об угрозе полного разрушения биоценозов, в которых и за счет которых живет человек.

Экологическая проблема многоуровневая. Ее следует решать как на национальном, так и на межнациональном, мировом уровне. Основой обострения экологической проблемы является стремительный научно-технический прогресс, ориентированный на безудержный рост потребления. Он чреват дефицитом природных ресурсов многих стран. Почва, гидроэнергия, пресная вода, рыбные запасы во многих странах достигли своих критических показателей.

«Римский клуб» является одним из ведущих исследовательских центров, включающих в свой состав политиков и ученых, которые разрабатывают модели устранения кризисных тенденций при взаимоотношении человечества со средой своего обитания. Его деятельность направлена на то, чтобы выработать новое экологическое мышление, систему мер, обеспечивающую безопасное проживание на земле. Загрязнение Мирового океана химическими и промышленными отходами привело к созданию таких организаций, как Конфедерация стран Северных морей и Международная морская организация. К мероприятиям, способным обеспечить поворот в сторону гармонизации отношений «человек—природа», относят:

- утилизацию отходов;
- предотвращение выброса в атмосферу газов при сжигании топлива;
- освоение энерго- и ресурсосберегающих технологий;
- стимулирование восстановления природной среды.

Экологическая проблема вплотную поднимает и вопросы экологии человека, здоровья его тела и духа. Слышны предупреждения биологов, генетиков, медиков о том, что человек находится перед лицом опасности исчезновения как биологический вид. Генная инженерия в своих открытиях и достижениях представляет реальную угрозу существованию человека. Распространение патогенных микроорганизмов и ослабление иммунной системы под воздействием многообразных стрессов ведут к катастрофическим последствиям в экологии человека и не могут быть оставлены без пристального внимания. СПИД — чума XX в. на сегодняшний день является также общечеловеческой проблемой. Ее истоки лежат в массовой наркомании, сексуальных извращениях и проституции, разрушающих человека и побуждающих его к асоциальным действиям.

Говоря об экологии человека, следует иметь в виду изучение реального образа жизни

человеческих популяций. Здесь важна не только телесность человека и физическая среда обитания, но и духовная компонента. Безусловно, чтобы дать жизнь духу, нужно обеспечить жизнь телу. Это взаимоотношение и взаимоотношение духа и тела как действительное, развертывающееся каждый раз с новой силой противоречие требует своего разрешения в чем-то ином, что не было бы только духовным и не являлось бы только телесным. В этом смысле ключевой проблемой экологии человека всегда была проблема его самореализации, понимаемая как развитие всего потенциально в нем заложенного. В свое время Монтень писал: «Важнее всего в мире умение быть самим собой». Новый термин — «экософия» обозначает персональный кодекс ценностей и взгляд на мир, определяющий и иницирующий личностное поведение, дающий радость быть самим собой.

Глобальность кризиса культуры. Часть глобальных проблем отталкивается от фиксации состояния общества как жертвы глобальных потрясений. Мировые войны и локальные военные конфликты привели к утрате веры человечества в гуманистические идеалы. Кризис человеческой духовности, идеология потребительства есть, по выражению отечественного философа М.Мамардашвили, «антропологическая катастрофа». Все это весьма типично для конца XX в. Современный западный философ Х.Ортега-и-Гассет видит основания кризиса культуры в том, что европейская история отдана на откуп заурядности. В ней созрел и действует новый тип массового человека, который вмешивается во все и не знает морали. Это тип паразитирующий, его действия имеют характер насилия.

К.Ясперс обращал внимание на то, что в сравнении современности со временем упадка и гибели античной культуры есть одно существенное отличие: техника в период краха античности была в состоянии стагнации, в современном же мире она в неслыханном темпе продолжает свое «разрушительное продвижение».

Отсталость в развитии огромной части населения и необходимость ее преодоления также осознается сегодня как одна из глобальных проблем человечества. Экономический разрыв между населением наиболее развитых стран и огромной массой беднейшего населения развивающихся стран не может создавать благоприятный фон развития современной цивилизации и также включается в ряд глобальных проблем современности. Объем производства на душу населения в слаборазвитых странах в среднем в 12 раз меньше, а потребление энергии в 14 раз ниже, чем в развитых. 3/4 населения развивающихся стран живут в антисанитарных условиях, а 31% населения — в условиях абсолютной нищеты. Ареалы нищеты и голода свидетельствуют о том, что общество не решило проблему своего обеспечения продовольственными и энергетическими ресурсами, что ведет к разрушению и патологиям человеческой популяции.

Глобалистика военно-политических проблем. Наряду с глобальной экологической проблемой вопросы обеспечения мира и предотвращения войны также являются серьезнейшей проблемой человеческого существования. К числу военно-политических относится проблема обострения гонки вооружений, атомной или ядерной угрозы. Большое количество испытаний и

накопление ядерных зарядов, вспышки военных конфликтов, массовый террор приводят к ситуации, когда человечество балансирует на грани мирного сосуществования. Еще А.Эйнштейн призывал к тому, чтобы освобожденная энергия атома работала на благо человечества, а не на его уничтожение. Подписание договоров о сокращении стратегических ядерных арсеналов несколько уменьшает опасность прямого ядерного столкновения, однако не исчезает угроза технологического атомного взрыва, нет гарантий от повторения чернобыльской катастрофы мирового масштаба. Новые виды вооружения, среди которых не только химическое и бактериологическое, но и «генетическое», «плазменное», «солнечное» оружие предлагают все новые и более изощренные способы поражения. К сожалению, именно с проблемой войны человечество переходит рубеж нового тысячелетия. Прогрессивные ученые и философы, представители литературы и искусства призывают к сохранению мира на земле во имя всего человечества. ООН играет особую роль в решении глобальных проблем современности. Мировое сообщество пытается координировать усилия человечества по минимизации глобальных проблем современности, обеспечить консенсус и совершенствование мирохозяйственных связей.

Философы с тревогой фиксируют, что перспективы решения глобальных проблем в значительной мере определяются уровнем развития самого человечества и его культуры. На пороге XXI в. человечество, оказавшись перед необходимостью решения проблем мирового порядка: загрязнения окружающей среды отходами промышленного производства, невозможным исчезновением природных ресурсов; нарушением баланса в демографических процессах; опасностью радиоактивной катастрофы и т.д. — не может не осознавать всю катастрофичность дальнейшего техногенного развития. Знание угроз, выявление рисков и оценка новых опасностей может вооружить ученых в деятельности по минимизации глобальных проблем. Исследователи отмечают, что отрицательные последствия научно-технической деятельности могут быть преодолены не ее приостановкой, но созданием новейших технологий по утилизации вредных отходов. Отмечается возможность создания роботов-врачей, живущих внутри организма человека и устраняющих любые возникающие отклонения от нормы, а также насыщение экосферы роботами-санитарами, перерабатывающими отходы.

Философия не может быть в стороне от решения глобальных проблем современности, поскольку с ними связаны возможности и перспективы выживания всего человечества. Вместе с тем только своими средствами философия не в состоянии их решить. Полное и комплексное решение глобальных проблем современности или поэтапное уменьшение их остроты возможно только совокупными усилиями ученых-практиков и теоретиков всего мирового сообщества, осознающего всю грядущую опасность их обострения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц К. Восемь смертных грехов человечества// Вопросы философии. 1992, №3.
2. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. . 3. Мир философии. Ч. 2. М., 1992.

